

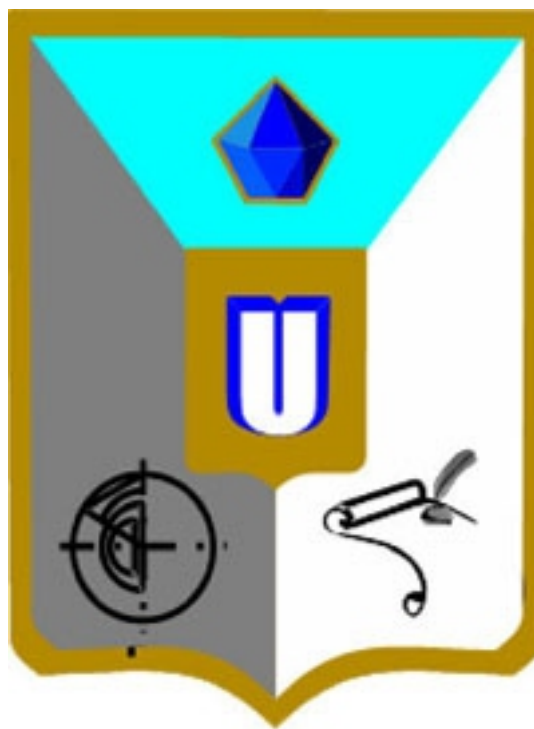
Том 2, № 4

2017

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

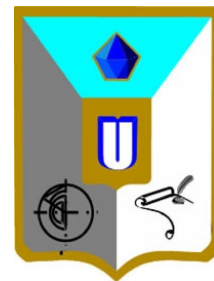
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCIAL COMPETENCE

SOTSIA@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии ИРНИТУ

Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции ИРНИТУ

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ИРНИТУ

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРНИТУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета

Казakov Алексей Аширович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, доцент филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department in INRTU

Deputy Editor-in-Chief – Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in ISU

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in INRTU

Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in INRTU

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kazakov Alexey Ashirovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Associate Professor of Faculty of Philology at National Research Tomsk State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic”

Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Pozdeev Vyacheslav Alexeevitch, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods Department at Vyatka State University

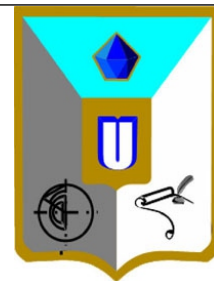
Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Слово главного редактора.....	6
-------------------------------	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Корепина Н.А. К вопросу о функционально-семантической категории и ее структуре.....	7
Пшеничников С.О., Корепина Н.А. Обогащение русского языка калькированием английской лексики.....	12

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев В.В. Проблема пробелов в законодательстве Российской Федерации и пути их преодоления.....	16
Мушинский М.А. «Изнанка» гражданского общества. Часть 2. Отдельные элементы и их научное познание.....	23
Эрхитуева Т.И., Илтакова Н.В. История развития института ответственности за кражу в советский период.....	42

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горская Н.Е. Современные подходы к проблеме смысла и смыслообразования в учебном процессе.....	46
Горская Н.Е., Прибылева Е.А. Особенности формирования смысла и смыслообразования студентов-дизайнеров.....	52
Копылова В.В., Костина К.В. Учет гендерных особенностей при обучении студентов иностранному языку.....	60

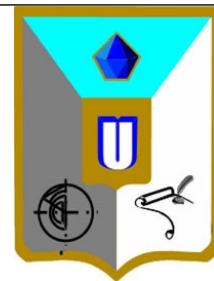
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ананьева А.А., Пуляевская О.В. Влияние градостроительных особенностей рекреационных объектов города на психологическое состояние человека.....	66
Бибаева Е.В., Адушинова А.Г. Мотивация фитнес-аэробикой у женщин, проживающих в сельской местности.....	71
Ларионова Л.А., Жданко Т.А. Аутентичность как профессиональная ценность в работе психолога.....	77
Михалева И.М. Психологическое благополучие студентов как фактор профилактики экстремизма.....	83

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Большов В.Б. Трудовая и образовательная занятость студентов вузов...	91
Гаврилова Н.И. Современный музей в восприятии жителей крупных сибирских городов (на примере города Иркутска).....	97
Копалкина Е.Г. Особенности добровольного медицинского страхования в России.....	102

SOCIAL COMPETENCE

C o n t e n t s

A letter from the editor-in-chief.....	6
---	----------

PHILOLOGICAL SCIENCES

Korepina N.A. On the Issue of Functional and Semantic Category and its Structure.....	7
Pshenichnikov S.O., Korepina N.A. The Russian Language Enrichment by Calquing English Vocabulary.....	12

JURIDICAL SCIENCES

Andreev V.V. The Problem of Gaps in the Legislation of the Russian Federation and the Ways of its Overcoming.....	16
Mushinskiy M.A. "Underside" of Civil Society. Part 2. Separate Elements and their Scientific Cognition.....	23
Erkhitueva T.I., Iltakova N.V. History of Development of the Institute of Liability in the Soviet Period.....	42

PEDAGOGICAL SCIENCES

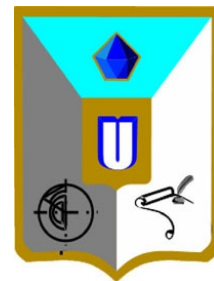
Gorskaya N.Ye. Modern Approaches to Meaning and Meaning-Making Issues in Educational Process.....	46
Gorskaya N.Ye., Pribyleva E. A. Features of Design Students' Meaning and Meaning-Making Formation.....	52
Kopylova V.V., Kostina K.V. Gender Considerations in Foreign Language Training.....	60

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Ananyeva A.A., Pulyaevskaya O.V. The Impact of Urban Planning Features of City Recreational Facilities on a Person's Psychological State.....	66
Larionova L.A., Zhdanko T.A. Authenticity as a Professional Value of a Psychologist's Work.....	71
Bibaeva E.V., Adushinova A.G. Motivation for Fitness Aerobics among Women Living in Countryside.....	77
Mikhaleva I.M. Students' Psychological Well-Being as a Factor of Preventing Extremism.....	83

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Bolshov V.B. Employment and Education Employment of University Students.....	91
Gavrilova N. I. Perception of Modern Museum by Large Siberian Cities Residents (an Example of Irkutsk City).....	97
Kopalkina E.G. Features of Voluntary Medical Insurance in Russia.....	102

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Уважаемые коллеги,
вновь приветствую вас на страницах нашего журнала!

В декабрьском номере «Социальной компетентности» вас ждёт много интересных статей, посвященных различным областям научного знания.

В разделе «Филология» две замечательные статьи С.О. Пшеничникова и Н.А. Корепиной, посвященных серьезным методологическим проблемам современного языка: структуре функционально-семантической категории, ее ядра и периферии и обогащением русского языка калькированием английской лексики.

В разделе «Юридические науки» размещено продолжение интереснейших размышлений М.А. Мушинского о проблемах гражданского общества с юридической точки зрения, представлен любопытный сравнительный анализ истории развития института ответственности за кражу в современном российском законодательстве и советском праве, предложенный в статье Т.И. Эрхитуевой и Н.В. Илтаковой, и в работе В.В. Андреева раскрывается важная проблема –

проблема пробелов в законодательстве нашей страны, а также пути их преодоления.

В разделе «Педагогические науки» авторами (Н.Е. Горская, В.В. Копылова, К.В. Костина, Е.А. Прибылева) поднимаются серьезные педагогические проблемы в обучении студентов, такие как смысл и смыслообразование в учебном процессе, гендерные особенности обучения иностранному языку и т. д.

Широко представлена научная проблематика в разделе «Психологические науки». Авторами (А.Г. Адушинова, А.А. Ананьева, Е.В. Бибаева, Т.А. Жданко, Л.А. Ларионова, И.М. Михалева, О.В. Пуляевская) разбираются и анализируются вопросы влияния градостроительных особенностей рекреационных объектов города на психологическое состояние человека, аутентичность как профессиональная ценность, мотивация к занятиям фитнес-аэробикой у сельских женщин, психологическое благополучие студентов как фактор профилактики экстремизма.

Раздел «Социологические науки» представлен статьями В.Б. Большова, в которой анализируются трудовая и образовательная занятость студентов вузов, Е.Г. Копалкиной об особенностях добровольного медицинского страхования в России и Н.И. Гавриловой «Современный музей в интерпретативных практиках жителей крупных сибирских городов (на примере города Иркутска)».

Хочется поздравить наших авторов-педагогов с прошедшим праздником Днем учителя, авторов-социологов с Днем социолога, авторов-психологов с Днем психолога, авторов-юристов с Днем юриста!

Номер выходит в канун новогодних праздников, поэтому хочу выразить авторам, редакторам, читателям искреннюю благодарность за работу в 2017 году и в виде пожелания разместить прекрасные стихи Дмитрия Веневитинова:

*Друзья! Встречайте новый год
В кругу родных, среди свободы:
Пусть он для вас, друзья, течёт,
Как детства счастливые годы.
Но средь Петропольских затей
Не забывайте звуков лирных,
Занятий сладостных и мирных,
И старых, искренних друзей.*

**Елена Струк, главный редактор,
доктор философских наук**

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ И ЕЕ СТРУКТУРЕ

© Н.А. Корепина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье обсуждается функционально-семантическая категория и ее структура. Рассматриваются понятия «категория» и «поле». Функционально-семантическая категория представлена в рамках концепции А.В. Бондарко и имеет план содержания и план выражения. Очерчена структура функционально-семантической категории: ядро и периферия. Проанализированы характеристики ядра, периферии, а также признаки, описывающие функционально-семантические категории в целом.

Ключевые слова: категория, поле, функционально-семантическая категория, план содержания, план выражения, ядро, периферия.

Формат цитирования: Корепина Н.А. К вопросу о функционально-семантической категории и её структуре // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 7–11.

ON THE ISSUE OF FUNCTIONAL AND SEMANTIC CATEGORY AND ITS STRUCTURE

N.A. Korepina

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article discusses the functional and semantic category and its structure as well as considers the notions *category* and *field*. The functional and semantic category is represented within the conception by A.V. Bondarko and has content plane and expression plane. The structure of the functional and semantic category is defined as a core and periphery. Some features of the core, periphery as well as the general characteristics of the functional and semantic categories are analyzed.

Keywords: *category, field, functional and semantic category, plane of content, plane of expression, core, periphery*

For citation: Korepina N.A. On the issue of Functional and semantic category and its structure // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 7–11. (In Russian)

Настоящая статья посвящена изучению функционально-семантической категории и ее структуры. Чтобы приблизиться к пониманию того, что такое функционально-семантическая категория, начнем с рассмотрения основных понятий и терминов данной категории.

Для начала обратим внимание на термин «категория», активно применяемый в различных науках. Так, в философии категории отражают восприятие мира в главных формах его бытия во времени и пространстве [1; 2; 3]. Более того, в психологии функция категоризации позиционируется как основа когнитивной деятельности человека [4], а в психолингвистике рассматривается в качестве базисных структур человеческого сознания [5; 6; 7]. В лингвистике категории являются наивысшими обобщениями в области мышления, психики и языка

[8, с. 36]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что категоризация представляет собой важное и неотъемлемое явление человеческого мозга, поскольку в речепроизводстве и речепонимании участвуют определенные познавательные процессы. Вместе с тем, понимая мир и осмысливая себя в нем, человек категоризует вещи и жизненные ситуации, с которыми он сталкивается, отражая окружающий мир при помощи языка [9, с. 4].

Уместно отметить, что языковая категория подразумевает любую группу языковых элементов, выделяемых на основании какого-либо общего свойства, то есть некоторого признака или параметра. Данный признак лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов. Члены этих классов ха-

рактируются одним и тем же значением признака (например, категория падежа, категория одушевленности/неодушевленности и т. д.).

Под понятийной категорией, как правило, понимается замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или отдельное значение этого признака независимо от степени их грамматикализации и способа выражения. В языке, например, говорят о существовании понятийной категории активности/неактивности, цели, места, причины и т. д. [10].

Необходимо подчеркнуть, что понятие «поля» в грамматике разрабатывают в отечественном языкознании с 60-70-х гг. XX века такие ученые как В.Г. Адмони, М.М. Гухман, Е.И. Шендельс, А.В. Бондарко и др. Во многих отношениях понятие поля берет свое начало из теории понятийных категорий И.И. Мещанинова, а также опирается на учение В.В. Виноградова о модальности как о семантической категории, имеющей в языках разных систем смешанный лексико-грамматический характер. Так, В.В. Виноградов выявил систему форм и видов выражения категории модальности в русском языке в сфере синтаксиса, морфологии и строевых лексических элементов.

Важно заметить, что понятие функционально-семантической категории (ФСК) в отечественной лингвистике восходит к понятиям И.И. Мещанинова, по мнению которого последние выражают в языке нормы действующего сознания, отражают общие категории мышления [11, с. 14–15]. Вклад И.И. Мещанинова в развитие языкознания заключается в том, что он сопоставил большое количество языков, принадлежащих разным системам, наблюдал различные формы выражения одного и того же понятия. Это явилось продолжением ономазиологического направления в русском языкознании.

Примечательным является тот факт, что в рамках одного языка выделяются категории, которые выражаются в языке комплексом средств, составляющих особую систему в этом языке. А.В. Бондарко предпринял попытку выделить собственно языковую природу этих категорий и развил это направление в терминах ФСК или функционально-семантических полей.

Под ФСК, вслед за А.В. Бондарко, мы понимаем систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций. По своей структуре ФСК представляет собой поле, поэтому существующее употребление терминов *функционально-семантическая категория* и *функционально-семантическое поле* оправдывается. Частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов является критерием выделения ФСК.

Отметим, что любая ФСК имеет план содержания и план выражения. Семантическое содержание категорий аналогично значению морфологических категорий. Более того, содержательный план семантической модели ФСК представляет собой семантико-функциональную общность, являющуюся основой объединения разнородных языковых элементов. Подобная общность обуславливает приближенность семантических элементов, выраженных различными языковыми средствами, к определенной семантической зоне. Кроме этого, общая семантическая черта на вершине иерархии является инвариантной для этой зоны [12, с. 21]. Итак, другими словами, к плану содержания мы относим саму категорию и ее языковую интерпретацию.

С другой стороны, план выражения образуют языковые средства или система языковых средств, которые относятся к разным уровням, сторонам, аспектам языка. В такую систему языковых средств входят морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, различные комбинации средств контекста [13, с. 8–9]. Следуя обозначенному выше представлению о плане выражения и содержания, ученый А.В. Бондарко вводит понятие ФСК, понимая под этим комплексную категорию, охватывающую совокупность содержательных значений, выражаемых элементами разных языковых уровней [там же; 5].

Следовательно, формальная модель ФСК представляет собой генерализированное представление средств и способов выражения общекатегориального значения, организованных по принципу их приближенности к центру (ядру) и периферии. Центр (ядро) ФСК содержит в себе макси-

мальное сосредоточение специфических признаков, характеризующих ту или иную категорию. Кроме этого, ядерные элементы обладают однозначностью семантики. Они стилистически нейтральны, имеют высокую частоту употребления. С другой стороны, периферия характеризуется тем, что признаки рассматриваемой категории выражены слабее или совсем слабо, вплоть до размытости. Периферийные элементы обладают невысокой степенью частотности, стилистически маркированы, многозначны, с наименьшей выраженностью их способности к сочетаемости [14;15;16;17]. В области периферии находятся, по определению М.М. Гухмана, «разнотипные единицы», которые функционально соотносятся с данной категорией и не представляют собой нормализованных средств выражения [18, с. 172].

Уместно подчеркнуть, что существуют определенные критерии, по которым выявляется ядро (центр) ФСК, к ним относятся:

- 1) частотность употребления при выражении определенного категориального значения;
- 2) максимальная функциональная нагрузка;
- 3) максимальная концентрация специфических для данной категории признаков;
- 4) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенной семантической функции [12, с. 24].

Более того, соотношение центра и периферии ФСК характеризуется совокупностью следующих черт:

- 1) максимальная концентрация базисных семантических признаков, отражающих качественную специфику данной ФСК (центр/ядро), – разреженность таких признаков (периферия);
- 2) сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций (центр/ядро) – рассредоточение сетки свя-

зей, их ослабление, проявление той или иной изолированности (периферия);

3) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенных семантических функций (центр/ядро) – меньшая степень специализации (периферия);

4) регулярность функционирования данного языкового средства или комплекса средств (центр/ядро) – нерегулярность или меньшая степень регулярности, меньшая употребительность (периферия) [19;10; 20, с. 289–661; 17, с. 12–25].

Все известные в языке ФСК отличаются между собой следующими признаками:

- 1) по количественному составу ядра: моноцентрические – полицентрические;
- 2) по качественному составу ядра: гомогенные – гетерогенные (или комплексные).

Если ФСК с гомогенным ядром составляют единицы какого-то одного уровня системы языка – либо морфологического (ФСК темпоральности), либо лексического (ФСК нумеративности) или синтаксического, то ФСК с гетерогенным ядром опираются на комплекс разноуровневых средств, например, морфологических и лексических (ФСК аспектуальности) или лексических, морфологических и синтаксических (ФСК самости).

Итак, из всего вышесказанного можно заключить, что ФСК – система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории. Функционально-семантическое поле включает не только грамматические единицы, классы и категории как исходные системы, но и относящиеся к той же семантической категории элементы их среды.

Библиографический список

1. Ильин В.В. Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. М.: Высшая школа, 1972. 470 с.

2. Тимофеев И.С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М.: Наука, 1972. 216 с.

3. Спиркин А.Г. Категории // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. [Электронный ресурс]. <http://terme.ru/dictionary/> (23.11.2005).
4. Леонтьев А.А. Мир человека и мир языка: научно-художественная литература. М.: Детская литература, 1984. 127 с.
5. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
6. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988. 208 с.
7. Михеев А.В. Категоризация и концептуальные классы // Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991. С. 45–59.
8. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
9. Костюшкина Г.М. Концептуализация и категоризация в языке. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. С. 4–49.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 684 с.
11. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 5–15.
12. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 20–25.
13. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 116 с.
14. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
15. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
16. Бондарко А.В. Полевые структуры в системе языковой категоризации // Теория, история, типология языков: материалы чтений памяти чл. корр. В.Н. Ярцевой. М.: РАН, Институт Языкознания, 2003. Вып. 1. С. 13–20.
17. Бондарко А.В. Языковая интерпретация семантических категорий в сфере грамматики // Язык. Личность. М.: Языки славянских культур, 2005. С.142–159.
18. Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 117–174.
19. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. С. 204–244.
20. Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 12–29.
21. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.

References

1. Il'in V.V. *Ontologicheskie i gnoseologicheskie funktsii kategorii kachestva i kolichestva* [Ontological and Gnoseological Functions of Quality and Quantity Categories]. Moscow: Vysshaya shkola Publ, 1972, 470 p.
2. Timofeev I.S. *Metodologicheskoe znachenie kategorii «kachestvo» i «kolichestvo»* [Methodological Meaning of Quality and Quantity Categories]. Moscow: Nauka Publ, 1972, 216 p. (In. Russian)
3. Spirkin A.G. *Kategorii* [Categories. Encyclopedic Dictionary of Philosophy]. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. <http://terme.ru/dictionary/> (accessed 23.11.2005).
4. Leont'ev A.A. *Mir cheloveka i mir yazyka: nauchno-khudozhestvennaya literatura* [Human World and World of Language: Science and General Fiction]. Moscow: Detskaya literatura, 1984, 127 p.
5. Bruner Dzh. *Psikhologiya poznaniya. Za predelom neposredstvennoi informatsii* [Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing]. Moscow: Progress Publ, 1977, 413 p.
6. Petrenko V.F. *Psikhosemantika soznaniya*. [Psychosemantics of Consciousness]. Moscow: University of Moscow Publ, 1988, 208 p.
7. Mikheev A.V. *Kategorizatsiya i kontseptual'nye klassy* [Categorization and Conceptual Classes]. *Semantika i kategorizatsiya*. Moscow: Nauka Publ, 1991, pp. 45–59. (In. Russian)
8. Stepanov Y.S. *Imena, predikaty, predlozheniya: semiologicheskaya grammatika* [Names, Predicates, Sentences (A Semiological Grammar)]. Moscow: Nauka Publ, 1981, 360 p.
9. Kostyushkina G.M. *Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya v yazyke* [Conceptualization and Categorization in the Language]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University Publ, 2006, pp. 4–49. (In. Russian)
10. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, 684 p.
11. Meshchaninov I.I. *Ponyatiinye kategorii v yazyke* [Conceptual Categories in Language]. *Trudy Voennogo instituta inostrannykh yazykov*. 1945, no. 1, pp. 5–15. (In. Russian)
12. Bondarko A.V. *K teorii polya v grammatike – zalog i zalogovost'* [On Field Theory in Grammar: Diathesis and its Field]. *Voprosy Yazykoznanija*. 1972, no. 3, pp. 20–25. (In. Russian)
13. Bondarko A.V. *Grammaticheskaya kategoriya i kontekst* [Grammar Category and Context]. Leningrad: Nauka Publ, 1971, 116 p.

14. Bondarko A.V. *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Functional Grammar and Aspectology Issues]. Leningrad: Nauka Publ, 1983, 208 p.
15. Bondarko A.V. *Funktsional'naya grammatika* [Functional Grammar]. Leningrad: Nauka Publ, 1984, 136 p.
16. Bondarko A.V. *Polevye struktury v sisteme yazykovoi kategorizatsii* [Field Structures in the System of Linguistic Categorization]. *Teoriya, istoriya, tipologiya yazykov: materialy chtenii pamyati chl. korr.* V.N. Yartsevoi. Moscow: RAN, Institut Yazykoznaneya, 2003, iss. 1, pp. 13–20. (In Russian)
17. Bondarko A.V. *Yazykovaya interpretatsiya semanticheskikh kategorii v sfere grammatiki* [Linguistic Interpretation of Semantic Categories in Grammar]. *Yazyk. Lichnost'*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, pp. 142–159. (In Russian)

18. Gukhman M.M. *Grammaticheskaya kategoriya i struktura paradigm* [Grammar Category and Paradigm Structure]. *Issledovaniya po obshchei teorii grammatiki*. Moscow: Nauka Publ, 1968, pp. 117–174. (In Russian)
19. Bondarko A.V. *Teoriya morfologicheskikh kategorii* [Theory of Morphological Categories]. Leningrad: Nauka Publ, 1976, pp. 204–244. (In Russian)
20. Bondarko A.V. *Polevye struktury v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Field Structures in Functional Grammar System]. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Polevye struktury*. Saint-Petersburg: Nauka Publ, 2005, pp. 12–29. (In Russian)
21. Bondarko A.V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki (na materiale russkogo yazyka)* [Theory of Meaning in Functional Grammar System (as exemplified in the Russian language)]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, 736 p.

Сведения об авторе

Корепина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 ИР-НИТУ. cosmir@yandex.ru

Критерии авторства

Корепина Н.А. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 15.10.2017 г.

Author credentials

Korepina Natalia Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages for Engineering Fields of Study Department № 2, e-mail: cosmir@yandex.ru

Authorship Criteria

Korepina N.A. has done research, formalized the research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interests

The author declares no conflict of interests.

Received 15 October 2017

ОБОГАЩЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАЛЬКИРОВАНИЕМ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

© С.О. Пшеничников, Н.А. Корепина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В данной статье внимание уделено раскрытию значения термина «калькирование», выделено четыре основных вида заимствований иноязычного словаря. Статья актуальна, так как наблюдение за переходом слов и фраз из какого-либо иностранного языка в русский язык помогает понять историю русского языка как литературного, так и диалектов. Делается вывод, что в эпоху глобализации смешение языков – это непредотвратимый процесс.

Ключевые слова: экспансия, калькирование, язык-рецептор, язык-источник, лексика.

Формат цитирования: С.О. Пшеничников, Н.А. Корепина. Обогащение русского языка калькированием английской лексики // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 12–15.

THE RUSSIAN LANGUAGE ENRICHMENT BY CALQUING ENGLISH VOCABULARY

S.O. Pshenichnikov, N.A. Korepina

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article goes into the meaning of the term *calquing* and highlights four main types of borrowing foreign vocabulary. The topic is relevant as observation of words and phrases borrowing from a foreign language into Russian helps to understand the history of the Russian language of both standard one and dialects. It is concluded that in the era of globalization languages blending is an inevitable process.

Keywords: expansion, calque, target language, source-language, lexis

For citation: Pshenichnikov S.O., Korepina N.A. The Russian Language Enrichment by Calquing English Vocabulary // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 12–15. (In Russian)

Термин «калькирование» происходит от французского слова *calque* – копия, подражание [1]. Этот способ заимствования иностранной лексики отличается той особенностью, что с его помощью не разрушается восприятие лексической системы языка-рецептора.

Возникновение, развитие, равно как и деятельность любого языка, в том числе русского, в межнациональном общении – это многоплановый процесс, зависящий от комплекса общественных и лингвистических факторов [2].

Русский язык принадлежит к числу наиболее развитых и обработанных языков мира. Богатство языка, в первую очередь, определяется наличием разнообразного лексического словаря. Еще в середине девятнадцатого века был издан толковый словарь живого великорусского языка, составленный Владимиром Ивановичем Далем. Этот словарь включает в себя около двухсот

тысяч слов. Современный русский язык насчитывает около четырехсот пятидесяти тысяч слов [3]. Такая разница в количестве по прошествии ста пятидесяти лет обусловлена развитием языка.

Одним из способов развития языков народов мира является заимствование иностранных слов. Ускорившийся процесс глобализации и интеграции расширил влияние отдельных языков на лексические запасы каждого народа [4]. Период преимущественного заимствования из английского языка в русский берет начало с двадцатого века, тогда как латынь и греческий играли роль языков-источников в праславянский период и эпоху христианизации соответственно.

И английский, и русский имеют общую индоевропейскую семью. Однако последний относится к восточной подгруппе славянских языков, а первый – к англо-фризской подгруппе германских языков [4].

Две эти языковые среды являются полностью самостоятельными. Для каждой характерно наличие развитой письменной речи, множества носителей данных языков, огромного лексического словаря, а также ресурсов, обуславливающих отсутствие функциональной ограниченности языка.

Из вышеперечисленных характеристик можно сделать вывод о том, что рассматриваемые языковые среды являются благополучными или не вымирающими, а, следовательно, под причиной заимствования нельзя подразумевать явление влияния более сильной языковой среды на носителей языка-источника, вступающих в контакт с ней, в данном случае влияние английского на русский.

Так какова же причина заимствования англицизмов в современный русский язык? Согласно пособию для иностранных студентов-русистов М.А. Брейтера, основной причиной усвоения иностранной лексики признается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора [4]. Некоторые примеры этого рассмотрим далее.

Поскольку английский язык является общепризнанным международным, а число говорящих на нем более миллиарда человек, его влияние в большей или меньшей степени во всех сферах общества каждого государства достаточно велико. Более того, он является важнейшим в межгосударственном общении, торговле, сотрудничестве, а также в бизнесе. Это объясняется колониальной политикой Британской империи в девятнадцатом веке и мировым влиянием Соединенных Штатов Америки в настоящее время [2].

Другими причинами заимствования иностранных слов является необходимость выразить при помощи перенимаемого слова многозначные русские понятия и возможность пополнить выразительные средства языка [5].

Существует и социально-лексическая причина: восприятие человеком слова из другой языковой среды, как более престижного или «красиво» звучащего.

Кальки являются скрытыми англицизмами, так как иноязычный характер таких англицизмов определяется с помощью этимологического анализа. Этимологический анализ – это выявление истинного зна-

чения слова или фразы на основе изучения его происхождения.

Существует несколько видов кальки, рассмотрим каждый из них подробнее:

1. Словообразовательная (лексическая) калька – вид, включающий в себя слова, составленные из морфем своего языка по образцу языка источника. Суффиксы *-er*, *-or*, *-ist* соответствуют в русском языке суффиксам *-чик*, *-щик*, *-ник*, *-ель*, *-ог*, *-ун*, обозначающих человека по его роду занятий или профессии [6]: *environmentalist* – эколог; *road sweeper* – дворник; *air hostess* – бортпроводница на самолетах [7]. Приставки *in-*, *un-*, *im-*, *ir-*, *non-* соответствуют в русском языке приставкам *не-*, *без-*, *а-*: *indifferent* – безразличный; *immoral* – аморальный; *non-stop* – безостановочно, беспрерывно [7].

При переводе каждой из морфем в слове также образуется лексическая калька, например: *skyscraper* – небоскреб, то есть очень высокое здание с несущим стальным каркасом [8]; *semiconductor* – полупроводник – вещество, характеризующееся увеличением электрической проводимости с ростом температуры [8]; *biography* – жизнеописание – описание жизни человека, сделанное другими людьми или им самим [8]; *tramlines* – трамвайные линии – рельсы, по которым трамвай направляет свое движение [8].

2. Семантическая калька – вид, когда слова получают новые переносные значения под влиянием иностранных слов эквивалентов, например: *конек* – в значении любимое дело, произошло от английского *hobby*, в переводе означающее лошадка, пони [6]; *зеленые* – о долларах. Переносное значение прилагательного образовано под влиянием английского жаргонного *green* в этом же значении [6]; *продвинутый* – это слово, образованное от англ. *advanced* и используемое в значении более совершенный, *продвинутый курс обучения* [6]; *медуза*, *бесхарактерный человек* – от англ. *jellyfish* как и бесхарактерный человек, так и медуза похожи на желе [6]; *угощайтесь* – от англ. *help yourself*, что дословно могло бы означать помоги себе сам [6]; *компьютерная мышь* – от англ. *mouse*, так как компьютерная мышь по форме схожа с мышью биологической [6].

3. Фразеологическая калька подра-

зумекает создание выражений на родном языке путем пословного перевода иностранного фразеологического оборота. При переводе фразеологизмов, пословиц часто применяется именно данный тип калькирования. Например: *Dirty war* – Грязная война [9]. Это понятие, получившее распространение как калька с английского языка по Вьетнамскому вопросу. *Nation of shopkeepers* – Нация лавочников [9]. Этот оборот был впервые употреблен Адамом Смитом в одной из его работ. *To call on the carpet* – Вызвать на ковер. Данная фраза означает вызов подчиненного к начальству с целью выговора [9].

4. Полукалька – частичное калькирование составных слов. Например: *television* – телевидение. В данном случае переведена только вторая часть *vision* [1]. *Workaholic* – трудоголик. Переименовано на русский язык только первая часть слова *work* [1].

Только широкое употребление заимствованного выражения или слова дает возможность укорениться в среде носителей языка рецептора. Такой процесс называется *адаптация*, являющийся наиболее важным для новых определений, переносимых из языка-источника, будь то узкое заимствование или калькирование [5].

В настоящее время русский язык является одним из мировых языков планеты. На нем говорят около двухсот шестидесяти миллионов человек по данным статистики удельного веса владеющих русским языком в общей численности населения Земли на 2017 год. Стоит отметить, что в современном мире все больше калькированию подвергаются русские слова или также становятся источником для прямого заимствования во многих языках [7].

Поскольку ни один язык не способен к существованию в замкнутом пространстве, даже при огромном количестве носителей, языковое общение выступает как один из основных факторов развития какого бы то ни было языка.

Таким образом, калькирование, проявляющееся на разных языковых уровнях, обогащает язык-реципиент и защищает его от чрезмерного влияния иноязычной лексики. Скрытые англицизмы, существующие в словарной системе русского языка, способствуют его обогащению. Кроме того, этот способ заимствования не противоречит убеждениям борцов за чистоту русского языка и способствует сохранению традиционной структуры языка.

Библиографический список

1. Современный словарь иностранных слов. Русский язык. Москва: Изд-во «АСТ», 2002. 976 с.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. Союз, 2002, С. 88
3. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 35–43.
4. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток: изд-во «Диалог», 2005. 135 с.
5. Евсева И.В., Лузгина Т.А. / Под ред.

- И.А.Славкиной; Современный русский язык: курс лекций. Сибирский федеральный ун-т. Красноярск, 2007. 642 с.
6. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. 208 с.
7. Шанский, Н.М. Иванов В.В. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1987. 192 с.
8. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1998. 2106 с.
9. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

References

1. *Sovremennyi slovar' inostrannykh slov. Russkii yazyk* [Contemporary Dictionary of Foreign Words. The Russian Language]. Moscow: AST. Publ, 2002. 976 p. (In. Russian)
2. Kazakova T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical Bases of Translation Studies]. Moscow: Soyuz. Publ, 2002, p. 88. (In. Russian)
3. D'yakov A.I. *Prichiny intensivnogo zaimstvovaniya anglicizmov v sovremennom russkom yazyke* [Reasons for Intensive Borrowings of Anglicisms in Modern Russian]. Language and Culture. Novosibirsk, 2003, pp. 35–43.
4. Breiter M.A. *Anglicizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy: posobie dlya inostrannykh studentov-rusistov* [Anglicisms in the Russian Language: History and Prospects]. Vladivostok: Dialog. Publ,

- vaniya anglitsizmov v sovremennom russkom yazyke* [Reasons for Intensive Borrowings of Anglicisms in Modern Russian]. Language and Culture. Novosibirsk, 2003, pp. 35–43.
4. Breiter M.A. *Anglicizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy: posobie dlya inostrannykh studentov-rusistov* [Anglicisms in the Russian Language: History and Prospects]. Vladivostok: Dialog. Publ,

2005, 135 p. (In. Russian)

5. Evseeva I.V., Luzgina T.A. *Sovremenniy russkii yazyk: kurs lektsii* [Contemporary Russian: Course of Lectures]. Siberian federal University. Krasnoyarsk, 2007, 642 p. (In. Russian)

6. Kysin L.P. *Inoyazychnye slova v sovremennoi zhizni* [Loan Words in Contemporary Life]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya* [The Russian Language at the End of the 20th Century]. Moscow, 1996, 208 p.

Сведения об авторах

Пшеничников Сергей Олегович, студент гр. ЭПб-15-2 Института энергетики ИРНИТУ. sergppshenich@gmail.com

Корепина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 ИРНИТУ. cosmir@yandex.ru

Критерии авторства

Пшеничников С.О., Корепина Н.А. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 1 декабря 2017 г.

7. Shanskii, N.M. Ivanov V.V. *Sovremenniy russkii yazyk* [Contemporary Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie Publ, 1987, 192 p. (In. Russian)

8. Myuller V.K. *Anglo-russkii slovar'* [English-Russian Dictionary]. Moscow: Russkii yazyk Publ, 1998, 2106 p. (In. Russian)

9. Kunin A.V. *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkii yazyk Publ, 1984, 944 p. (In. Russian)

Author credentials

Pshenichnikov Sergey, a student of Power Engineering Institute, group EPb-25-2, e-mail: sergppshenich@gmail.com

Korepina Natalia Alekseevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department No 2 for Engineering Fields of Study, e-mail: cosmir@yandex.ru

Authorship Criteria

S.O. Pshenichnikov, N.A. Korepina have done research, formalized the research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interests

The authors declare no conflict of interests.

Received 1 December 2017

ПРОБЛЕМА ПРОБЕЛОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

© В. В. Андреев

Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Аннотация. Статья посвящена проблеме пробелов права и законодательства в современной Российской Федерации. В ней рассмотрены основные отрасли права, в которых встречаются пробелы, способы преодоления в зависимости от специфики. Рассмотрены примеры как законодательной практики, так и правоприменительной. Сделаны выводы о целесообразности запрета преодоления пробелов в законодательстве по аналогии в уголовном праве. Намечены основные направления в работе по совершенствованию законодательной практики в России.

Ключевые слова: пробел в праве, пробел в законодательстве, правоприменительная деятельность, аналогия права, аналогия закона, Конституционный Суд, Верховный Суд, нормативно-правовое регулирование, законотворческая деятельность, нормативно-правовой акт, преодоление пробелов в праве, устранение пробелов в праве.

Формат цитирования: Андреев В.В. Проблема пробелов в законодательстве Российской Федерации и пути ее преодоления // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 16–22.

THE PROBLEM OF GAPS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE WAYS OF ITS OVERCOMING

V.V. Andreev

Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the issues of gaps in law and legislation in the modern Russian Federation. It examines the main branches of law where there are gaps and the ways of their overcoming according to the specifics. The consideration is given to the examples both of legislative and law enforcement practice. The conclusions have been drawn about the relevance of the ban to bridge the gaps in legislation on the analogy of criminal law. The author outlines the major directions in the improvement of legislative practice in Russia.

Keywords: gap in law, gap in legislation, law enforcement activity, analogy of law, Constitutional Court, Supreme Court, normative legal regulation, lawmaking activity, normative legal act, overcoming of gaps in law, elimination of gaps in law

For citation: Andreev V.V. The problem of gaps in the legislation of the Russian Federation and the ways of its overcoming // Social Competence, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 16–22. (In Russian)

Одна из актуальнейших проблем российского законодательства – пробелы в праве. Данное явление вполне закономерно, так как является результатом того, что реалии меняются, и потребность в регулировании тех или иных вопросов возникает как ответ на эволюцию отношений в обществе. Такие ситуации возникают как с отдельными лицами, так и с целыми организациями. И задача эффективно функционирующей правовой системы – разрешать

их оперативно, реагируя гибко и в русле общеправовых ценностей.

В том, что совершенствование законодательства необходимо убеждают цифры. Например, за 12 лет существования УК РФ с момента принятия в него было внесено более 500 поправок (по данным на 2009 год)¹.

¹ Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 43 с.

Пробел в праве или законодательный пробел: подход к терминологии

На первый взгляд, понятия совершенно идентичны, однако более глубокое изучение позиции отечественных правоведов говорит о наличии некоторых нюансов. Так, Л.В. Тихомирова обращает внимание, что пробел в праве – это «частичное или полное отсутствие правового регулирования» общественных отношений [8, с. 707]. Понятие законодательного пробела более узко, оно указывает на то, что в нормативном правовом акте отсутствует регулирование конкретного вопроса. То есть законодательный пробел мы понимаем не иначе как разнovidность пробела в праве, связанную с отсутствием определенной законодательной нормы [5].

Пробелы в праве в общем и в законодательстве в частности – это серьезный недостаток правового регулирования, который необходимо устранять в максимально короткий срок после выявления. Причины появления этих дефектов несколько:

- генезис новых отношений в обществе,
- упущения в процессе правотворческой деятельности, связанные с нарушением правил юридической техники законотворческими структурами.

В целом пробелы в праве нарушают системность законодательства и препятствуют эффективной работе органов правопорядка и судебной системы. Очевидно, что в каждой стране, в том числе и в России, ведется активная работа по их ликвидации. Задача НПА – нести полноту и определенность, что уже само по себе предполагает максимальное выявление и устранение пробельности законодательства.

Правоприменительная деятельность – вот главный способ выявления наличия пробелов в праве в целом и в законодательстве в частности. В процессе примене-

ния норм уголовного, гражданского, административного и другого законодательства выявляется потребность в нормах, которые регулируют правоотношения, возникающие в конкретных случаях.

Если возникает конфликт интересов, нарушение чьих-то прав или другая подобная ситуация, а суд не может решить ее имеющимися в арсенале законодательной базы средствами – значит, имеет место пробел, который необходимо восполнять.

Восполнение предусматривает несколько вариантов:

1. Принятие Постановления Конституционным Судом Российской Федерации, которое действует до принятия НПА.

2. Внесение дополнений в законодательство. Здесь правоведы отмечают некоторую неповоротливость государственной машины, которая связана со стремлением избежать разночтений, недоработок и других проблем. Конституция РФ (ст. 105, ст. 107) предполагает несколько этапов:

- разработка проекта дополнения к закону РФ,
- получение одобрения проекта в комитетах Госдумы,
- принятие законопроекта или дополнения к нему Государственной Думой,
- передача в Совет Федерации, где происходит рассмотрение в течение 14 дней. В процессе обсуждения в Совете Федерации законопроект (дополнение) либо утверждается, либо отклоняется, что влечет возвращение на доработку, а также при наличии разногласий предусматривает создание согласительной комиссии, задача которой – преодолеть противоречия,
- после утверждения Советом Федерации – подписание Президентом РФ, если он отклоняет законопроект – предыдущая процедура повторяется [3].

Конституционный Суд как инструмент преодоления пробелов в законодательстве Российской Федерации

Для Российской Федерации это тем более актуально, что наличие пробелов не позволяет в полной мере гарантировать и защищать права человека и гражданина, гарантированные Конституцией страны. Особое значение в этом процессе играет

Конституционный Суд. По сути, именно он является тем органом, который принимает окончательное решение о том, что законом, использованным в конкретном случае и конкретной ситуации, были нарушены чьи-то права, прописанные основным зако-

ном Российской Федерации [7].

Когда все законные способы защиты прав исчерпываются, именно на Конституционный Суд возлагается обязанность восстановления справедливости даже в том случае, если конкретная правовая норма в законодательстве отсутствует. В таком случае решение выносится «исходя из духа и принципов Конституции РФ» [7].

Законодательство Российской Федерации не предусматривает возможностей обращения в Конституционный суд в случае ситуаций, когда имеет место наличие пробела. Выявление таких фактов происходит непосредственно в процессе судебной деятельности, когда юридические и физические лица обращаются сюда по конкретной проблеме. Ситуации могут быть различны:

- необходимость разрешения судебного дела в соответствии с Конституцией РФ,
- жалобы на нарушение прав и свобод, гарантированных Конституцией,
- несоответствие принятого органами власти закона (постановления) Конституции.

Если при рассмотрении дела обнаруживается наличие пробела законодательства, Конституционный Суд устраняет имеющиеся пробелы несколькими способами:

1. Прямое применение норм Конституции в каждом конкретном случае. В этом случае предписания Конституционного Суда содержат отправку непосредственно к норме Конституции. Такой способ подтверждает высокий статус Конституции, а также возможность преодоления пробельности с их помощью. Более подробно способ применения данного метода рассмотрен В.Д. Зорькиным [2, с. 180].

2. Использование аналогии права, аналогии закона. Характеристику этого способа преодоления пробельности законодательства дал сам Конституционный Суд. Исходя из определения, «аналогия закона применяется в данном случае для того, чтобы устранить пробелы в правовом регулировании различных отраслей права. Право на эти действия вытекает из полномочий суда и потребности в осуществлении правосудия. Неприменение аналогии, с точки зрения Конституционного Суда, при-

ведет к невозможности эффективной защиты прав, а значит, к их ограничению, что недопустимо»².

3. Выявление правового смысла нормы. В таком случае не происходит констатации пробела в законодательстве, потому что оно устраняется при помощи толкования соответствующего закона, с использованием конституционно-правового смысла основных его положений.

4. Установление порядка регулирования определенных правоотношений до принятия законодателем соответствующего закона. Здесь показательным является Постановление Конституционного Суда от 10 июля 2007 года № 9, которое выявляет наличие пробела и устанавливает в своем решении порядок действий в похожих случаях.

Пробел касался отсутствия возможности установления субъекта финансирования на получение средств гражданами, которые работали по трудовому договору и подлежали страхованию. В случае, если работодатель (или страхователь) платил страховые взносы в Пенсионный Фонд РФ ненадлежащим образом или не платил вовсе, такая возможность была затруднена. В связи с этим Конституционный Суд вынес Постановление, которым обязал государство обеспечить исполнение за страхователя этой обязанности в пользу застрахованных лиц вплоть до «установления законодателем соответствующего правового регулирования»³.

² Определение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2006 г. № 76-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ю. Н. Миронова на нарушение его конституционных прав ч. 4 ст. 1 ГПК РФ» [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июля 2007 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой» [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс».

По своей сути, этот способ представляет собой нормотворчество, гарантирующее реализацию законных прав и интересов граждан и лиц, проживающих на территории России. Устанавливая порядок и создавая тем самым образец правоприменения, Конституционный Суд ликвидирует пробел в законодательстве до тех пор, пока не будет принят соответствующий нормативно-правовой акт. Данный образец может использоваться как кратковременно, так и длительное время.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что формального закрепления за Конституционным судом мониторинга российского законодательства на предмет наличия непредусмотренных законом «белых пятен» нет. В связи с этим различные ученые-правоведы по-разному рассматривают Постановления Конституционного Суда: от сугубо правоприменительной функции до нормотворческой, создающей прецедент.

Е.Г. Тутынина, которая считает Постановления Конституционного Суда интерпретационными актами, позволяющими дать обязательное для всех органов власти и суда обязательное толкование основного закона страны, при этом для отраслевого

права данное толкование может корректироваться в процессе законотворчества [9, с. 2–4]. Следует также указать на позицию Т.Я. Хабриевой и В.Д. Зорькина, которые исходят из того, что решения Конституционного Суда имеют прецедентный характер и обязательны для правотворческих органов, а акты толкования являются прецедентами, создающими новые нормы права, которые могут быть положены в основу нового закона [11, с. 24].

В любом случае, необходимо отметить, что Постановления Конституционного Суда и толкования норм Конституции и права имеют определенное нормативное значение уже в силу того, что они обладают признаками нормативно-правового акта: официальные, обязательны к исполнению, обладают особой юридической силой, направлены на непосредственное действие, стабильны⁴. В данном русле видится обоснованным обратить внимание на то, что вполне целесообразно наделить Конституционный Суд полномочиями проверять нормативно-правовые акты на наличие пробельности и устранять эти недостатки. Такая практика сделала бы работу конституционной юстиции более эффективной.

Проблема пробельности в уголовном праве

Пробелы, обнаруживаемые в законодательстве, подлежат устранению. Однако нормотворческая деятельность требует большого количества времени, а необходимость решения ситуации – здесь и сейчас. Отсюда возможности преодоления пробелов, используя аналогию закона и аналогию права, которая осуществляется в процессе деятельности судебных органов. Но в такой отрасли как уголовное право, ситуация осложняется запретом на применение аналогии. В связи с этим, М.А. Кауфман последовательно доказывает неизбежность аналогии и здесь⁵.

Он указывает, что, несмотря на законодательный запрет на аналогию в уголовном праве, имеются неоднократные случаи ее использования. Такой запрет не только вредит судопроизводству и правоприменительной практике, но и вынуждает фактически в обход запрета пользоваться аналогией, так как она позволяет назначить адекватное преступлению наказание, предотвращая безнаказанность преступления и ухода от ответственности. Стратегическая задача – минимизация пробелов в уголовном праве, однако законодатель, при всем старании не может гарантировать отсутствия таковых.

Поэтому необходимо сведение возможных недосмотров и неточностей формулировок законодательства к мини-

⁴ Долматова М.Б. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в решениях по вопросам избирательного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 31 с.

⁵ Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 43 с.

муму с помощью Верховного Суда РФ. Так как он уполномочен давать разъяснения по применению уголовного законодательства, он конкретизирует определения, а также осуществляет отсылки к другим законам, уточняющим специфику применения статей при квалификации преступления и назначении наказания судом.

В этом случае следует учесть, что формулировки и разъяснения Верховного Суда должны отвечать, в случае наличия пробела законодательства, повышенным требованиям, потому что в отдельных случаях они могут трактоваться как расширение пределов ответственности, что противоречит нормам Конституции и УК РФ. В рамках этого процесса особое значение приобретает судебское усмотрение как субъективный фактор, необходимый для преодоления пробела в законодательстве с целью осуществления правосудия.

В пользу аналогии говорит и тот факт, что она традиционно использовалась в российском праве, начиная с 1917 года. Несмотря на то, что научный подход ее полностью отрицал, в переходные периоды она позволяла эффективно осуществлять правосудие [1, с. 113]. Отрицательное отношение к аналогии часто связывают с возможностью расширительной трактовки преступления и как итог – наказание инкомыслящих и даже их физическое истребление, как это было в 30-е годы XX века. Однако и после отмены аналогии в российском законодательстве имеются примеры ее применения.

Так, например, Постановлением Пленума ВС РФ от 18.11.2004 г. №24 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного

имущества, приобретенных преступным путем», по мнению правоведов, закрепляется применение аналогии. Е.В. Епифанова указывает, что в п. 21 постановления указывается, что, когда имеет место вынесение обвинительного приговора по ст. 174 УК суд обязан в процессе разбирательства доказать также факт получения того имущества, которое реализуется в результате его добычи преступным путем. Епифанова также обращает внимание на п. 24, который предусматривает наказание нотариуса за пособничество по ч. 5 ст. 33 УК РФ и ст. 174 УК, а также по ст. 202 УК в случае, если он использовал свои служебные полномочия для регистрации такой сделки.

Н.А. Лопашенко в этой связи также указывает, что Верховным Судом в данном случае имело место не толкование закона, а законотворчество, что недопустимо в рамках запрета аналогии. Таким образом, это не просто превышение компетенции, так как аналогия прослеживается в квалификации преступлений в данном случае [4, с. 42].

Сегодня Российская Федерация модернизирует законодательство, ставя целью гуманизацию и декриминализацию, однако проблем с пробелами в уголовном праве существует еще множество. Это связано, прежде всего, с появлением новых, ранее неизвестных составов преступлений, в связи с чем регулярно осуществляются дополнения к УК. Тем не менее, законодатель не всегда успевает криминализировать деяния вовремя, и в данном случае видится уместным все-таки разрешить использование аналогии как возможности обеспечить справедливое наказание за преступление [1, с. 116].

Пробелы в гражданском законодательстве РФ и пути их преодоления

В отличие от уголовного законодательства, гражданское право признает аналогию как способ решения имущественного спора, не урегулированного законодательно напрямую (ст. 6 ГК РФ). Это вытекает из специфики гражданских правоотношений, которые существенно отличаются от уголовного и административного права.

Так, частноправовые отношения мо-

гут влечь за собой возникновение как прав, так и обязанностей уже в силу смысла гражданско-правовых НПА. Если в уголовном и административном праве при отсутствии нормы, регулирующей правонарушение, в принятии иска необходимо отказать, то в гражданском праве – нет. Суд обязан обеспечить правосудие, руководствуясь ст. 6 ГК. Она предусматривает два варианта решения проблемы:

– аналогия закона, то есть руководствуясь законами, которые регулируют идентичные правоотношения,

– аналогия права, то есть при отсутствии законов, которые можно применить, суд обязан руководствоваться духом и смыслом гражданского законодательства.

Следует отметить, что такая правоприменительная практика не восполняет пробелы, поэтому нормотворческие органы постоянно ведут работу по дополнению и уточнению уже существующего гражданского законодательства.

Примером тому могут служить организационные отношения, которые очень подробно рассматривает в своей работе С.В. Тычинин, доказывая факт того, что никакое совершенное законодательство не способно до конца урегулировать все нюансы, так как имеет место факт пересечения с остальными отраслями законодательства, а также огромное разнообразие нюансов [10, с. 139].

Нематериальные блага, отношения по поводу которых регулируются ГК РФ, также вызывают ряд споров и дискуссий. Теоретические изыскания правоведов привели законодателя к тому, что такие блага принадлежат человеку от природы, то есть для их возникновения нет необходимости совершать какие-то действия. Однако при их нарушении необходимо обеспечить защи-

ту пострадавшей стороны [10, с. 39]. Учитывая их специфику, законодателю не всегда удается точным образом урегулировать их восстановление (а порой восстановление в полной мере невозможно). Отсюда и наличие пробельности в гражданском законодательстве, а также отсылки к аналогии права и закона [10, с. 41].

Гражданское право, кроме общепринятых, признает также специальные способы преодоления пробелов в праве:

– соглашение сторон широко применяется как в гражданском, так и в смежных областях права: семейном, земельном, трудовом и жилищном,

– обычаи делового оборота используются при решении спорных вопросов имущественного характера в гражданском и земельном праве,

– НПА субъектов РФ и органов местного самоуправления, регулирующие частные моменты всех вышеперечисленных отраслей права [6, с. 46],

– прецедентные решения вышестоящих судов [11, с. 48].

В таможенном и налоговом праве, если имеет место пробел, то он трактуется в пользу негосударственного участника правоотношений, тем самым защищая физические и юридические лица от самоуправства государства.

Библиографический список

1. Епифанова Е.В. Аналогия в уголовном праве: история и современность. // Актуальные проблемы экономики и права. Казань, 2008. № 1. С.113–117.
2. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: НОРМА, 2010. 544 с.
3. Кругликов Л.Л., Климцева, О.Ю. О пробелах и аналогии в уголовном праве // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: Сб. научных статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль: Ярославский государственный университет. 2000. С. 3–17.
4. Лопашенко Н.А. Толкование Пленумом Верховного Суда РФ норм об ответственности за незаконное предпринимательство и легализацию // Уголовное право. 2005. № 2. С. 37–55.
5. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 472 с.
6. Полянов Д.Н. Специальные способы преодоления пробелов в гражданском праве // Вестник Омской юридической академии. № 3 (24). 2014. С. 46–49.
7. Тайна совещательной комнаты. На вопросы Михаила Барщевского отвечает глава Конституционного суда РФ Валерий Зорькин // Российская газета. 2011. № 5612.
8. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Издание М.Ю. Тихомирова. 2002. 927 с.
9. Тутынина Е.Г. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации как вид интерпретационных актов и средство судебной политики // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 9. С. 2–4.
10. Тычинин С.В., Романенко Д.И. Правовая природа пробела в гражданском праве // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 136–143.
11. Хабриева Т.Я. Процессуальные вопросы толкования Конституции в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 10. С. 15–24.

References

1. Epifanova E.V. Analogy in Criminal Law: History and Modernity. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Topical Issues of Economics and Law]. Kazan', 2008, no. 1, pp.113–117.
2. Zor'kin V.D. *Sovremennyi mir, pravo i Konstitutsiya* [Modern World, Law and Constitution]. Moscow, NORMA Publ, 2010. 544 p.
3. Kruglikov L.L., Klimtseva, O.Yu. About Gaps and Analogy in Criminal Law. *Normotvorcheskaya i pravoprimenitel'naya tekhnika v ugovnom i ugovno-protsessual'nom prave* [Norm Creating and Law Enforcement Technique in Criminal and Criminally-Remedial Law]. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet. 2000, pp. 3–17. (In Russian)
4. Lopashenko N.A. Interpreting Illegal Entrepreneurship Responsibility Act by Plenum of Supreme Court of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2005, no. 2, pp. 37–55. (In Russian)
5. Polyakov A.V., Timoshina E.V. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Saint-Petersburg. Saint-Petersburg University Publ, 2005. 472 p.
6. Polyanov D.N. Specific Ways of Gaps Overcoming in Civil Law. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii* [Vestnik of Omsk Judicial Academy], 2014, no. 3 (24), pp. 46–49. (In Russian)
7. *Taina soveshchatel'noi komnaty. Na voprosy Mikhaila Barshchevskogo otvechaet glava Konstitutsionnogo suda RF Valerii Zor'kin* [Secret of the Consultation Room. Head of the Constitutional Court of the Russian Federation Valerii Zor'kin answers the questions of Mikhail Barshchevskiy], *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2011, no. 5612.
8. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia], Moscow. M.Yu Tikhomirova Publ, 2002. 927 p.
9. Tutynina E.G. Judgement of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Type of Interpretative Acts and Means of Judicial Policy. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitral and Civil Proceedings], 2012, no. 9, pp. 2–4. (In Russian)
10. Tychinin S.V., Romanenko D.I. *Nauchnye vedomosti. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Legal Nature of Gaps in Civil Law//Scientific Bulletin. Series of Papers: Philosophy, Sociology, Law], 2013, no. 23 (166), iss. 26, pp. 136–143.
11. Khabrieva T.Ya. Procedural Issues of Constitutional Interpretation in the Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1996, no.10, pp. 15–24. (In Russian)

Сведения об авторе

Андреев Валентин Владимирович, магистрант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, e-mail: patriot-ru95@mail.ru

Критерии авторства

Андреев В. В. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 10.12.2017 г.

Author's Credentials

Andreev Valentin Vladimirovich, a Master's Degree Student of Political Science, History and Regional Studies Department, Faculty of History, e-mail: patriot-ru95@mail.ru

Criteria for Authorship

Andreev V. V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Received 10 December 2017

**"ИЗНАНКА" ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. Часть 2.
ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ИХ НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ**

© М.А. Мушинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье с позиций широкого подхода к пониманию гражданского общества предпринята попытка аргументировать точку зрения о том, что зачастую гражданско-общественные функции выполняют стихийные объединения граждан, которые государственная власть и политизированная (официозная) часть гражданского общества либо игнорируют, не принимают всерьез, "не хотят замечать", либо реально не видят, не имеют информации о их существовании. Поэтому в структуру гражданского общества включены как те элементы, которые находятся в состоянии активного взаимодействия с государством и с другими политизированными институтами гражданского общества (политические партии, местное самоуправление, профсоюзы, общественные советы, зарегистрированные НКО, СМИ и т. п.), так и институты, которые с "системным миром" совсем или почти совсем не контактируют, функционируют в "теневом" режиме, в том числе и в смысле юридических условий. Однако существование таких институтов объективно подтверждается эмпирическими данными.

В первой части статьи были рассмотрены различные подходы к пониманию гражданского общества, поскольку в соответствии с ним формируются представления о его структуре и возможности включения в него "теневых" элементов. Сделана попытка ответить на вопрос – о каких общественных группах, сообществах и социальных институтах можно, а о каких нельзя говорить как о «теневых» элементах гражданского общества? В качестве противоположности («негражданским») элементам (тем, которые не следует включать в структуру гражданского общества) автором достаточно подробно рассмотрено сообщество лиц без определенного места жительства ("бомжи") как одного из "изнаночных" институтов гражданского общества в современной России.

Во второй части статьи в качестве сообществ граждан, которые следует изучать как «теневые» элементы гражданского общества, последовательно рассмотрены «уличные дети», явление «АУЕ», «футбольные фанаты» как характерный пример из широкого спектра неформальных объединений, виртуальные теневые сообщества: «игроманы», "группы смерти" и т. п. Предпринята попытка доказать необходимость комплексных межотраслевых исследований "изнаночных" явлений гражданского общества. В поисках инструментов автор в статье обратился к "изнаночным" сторонам социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом: теневой экономике и теневому праву. Сделан вывод, что зачастую теневое право – это нормативные системы, регулирующие общественные отношения внутри сообществ, представляющих собой элементы "изнанки" гражданского общества.

Итоговый вывод статьи: «изнаночные» социальные группы и образующиеся на основе их множества социальные институты являются неотъемлемой частью гражданского общества в России.

Ключевые слова: гражданское общество, "изнанка" гражданского общества, социальная группа, институт гражданского общества, право, теневое право, лица без определенного места жительства, неформальные молодежные объединения.

Формат цитирования: М.А. Мушинский. "Изнанка" гражданского общества. Часть 2. Отдельные элементы и их научное познание // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 23–41.

"UNDERSIDE" OF CIVIL SOCIETY. PART 2. THE INDIVIDUAL ELEMENTS AND THEIR SCIENTIFIC KNOWLEDGE

M.A. Mushinskiy

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article from the standpoint of a broad approach to understanding civil society's attempt to argue a point of view that often civil society functions are performed by spontaneous Association of citizens that the government and politicized (semi-official) part of civil society either ignored, not taken seriously, "I do not want to notice", or really do not see, do not have information about their existence. Therefore, civil society is included as the elements that are in a state of active interaction with the state and with other political and

civil society institutions (political parties, local government, trade unions, community councils, registered non-profit organizations, media, etc.), and institutions with "systemic world" with little or no contact, operated in "shadow" mode, including in the legal sense of the terms. However, the existence of such institutions is objectively confirmed by empirical data.

In the first part of the article considers different approaches to understanding civil society, because according to him formed the understanding of its structure and the possibility of incorporating the "shadow" elements. An attempt is made to answer the question – what kind of social groups, communities and social institutions can, and what cannot be said to be a "shadow" elements of civil society? The author proposes to exclude from structure of civil society openly "extra-cultural", anti-social groups and associations operating in violation of universally recognized norms of morality, universally valid behavioral norms, and harmful to public relations and the interests of other members of society, and thus oppose itself to society. To designate them used the phrase "uncivil society". As opposed to 'uncivil' elements the author considers in detail a community of persons without a certain residence (homeless) as one of the "undersides" of civil society institutions in modern Russia.

In the second part of the article, the communities of citizens who should be regarded as "shadow" elements of civil society has consistently considered "street children", phenomenon "AUE", football fans as a typical example of the wide range of informal associations, a virtual shadow community: gamers, "group of death", etc. The author concludes that even those elements of the "undersides" civil society and youth community, which in its organization seem to have pronounced anti-social, extremist ideology, for example, a group of teenagers declaring themselves to be skinheads, or a group of "AUE", which in fact may be a mere imitation, having nothing to do with the real racist, nationalist underground, or the underworld. The participants have not yet "crossed the line", did not commit socially dangerous acts. However marginal their character is obvious, and if you do not perform time correction, the face will be overcome, will join the "uncivil" society. In this case, certainly need of individual preventive work with individuals of such groups, but seems to be more effective prevention work with the relevant groups, communities, in respect of phenomena in general. This requires integrated and interdisciplinary study of its phenomena of civil society. In search of tools for such studies the author of the article also referred briefly to the "undersides" of social phenomena, is organically linked to civil society: the informal economy and shadow law. Concluded that often shadow law is a normative system regulating social relations within communities that represent the elements of the "undersides" of civil society.

The final conclusion of the article: "undersides" social group formed based on their many social institutions are an integral part of civil society in Russia. The state must attempt a constructive dialogue with considered, still today, the informal institutions of civil society, to examine them by using biased research institutes, to provide assistance, including legal, in their organization and development – to the extent that they are necessary for citizens of the state, combine them. Civil society in Alliance with public authorities should take measures to transform shadow institutions, that is, to their gradual, not violent, delicate conversion in accordance with the interests and needs of citizens – their members by harmonizing these interests and needs with the outside world. At the same time, accumulated in the informal communities, the experience of informal intra-group communication, social communication can be used for the benefit of positive social development.

Keywords: civil society, the "undersides" of civil society, social group, civil society Institute, law, shadow law, persons without a certain residence (homeless), informal youth association

For citation: Mushinskiy M.A. "Underside" of civil society. Part 2. The individual elements and their scientific knowledge // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 23–41. (In Russian)

Детские элементы в структуре "изнанки" гражданского общества. Реальные и виртуальные молодежные теньевые сообщества

В первой части статьи была рассмотрена проблема не совсем адекватного отношения общества, представителей публичной власти, ученых к сообществам лиц, попавших в сложную жизненную ситуацию, относящихся к социальной группе "бомжи".

Вдвойне порочно, негуманно и близоручко невнимательное отношение общества к попавшим в сложную жизненную ситуацию детям, которые также склонны объединяться в группы для совместного выжи-

вания и времяпрепровождения. Словосочетание "дети – наше будущее" в данном случае необходимо воспринимать не как расхожий, но малозначимый в практическом отношении словесный штамп. Напротив, оно совершенно объективно отражает реальную социальную ситуацию, которую необходимо иметь в виду при конструировании механизмов строительства "развитого" гражданского общества в России. Через несколько лет те граждане, которые сегодня находятся в подростковом и детском

возрасте, составят основу нашего общества. И вряд ли можно ожидать социальной активности и толерантности от человека озлобленного, перенесшего в детстве лишения и обиду, находящегося в состоянии педагогической запущенности, имеющего недостатки в психическом и (или) физическом развитии, не нашедшего поддержки со стороны государства и общества в трудную минуту.

В постреволюционной Советской России 1920-30-х гг. это явление называлось "беспризорники", сообщество которых живо показано художественными средствами в первом советском звуковом кинофильме – картине Н. Экка "Путевка в жизнь". С.А. Стивенсон для современной характеристики социальной группы несовершеннолетних, находящихся в наиболее тяжелом социальном положении бездомности, предлагает понятие "уличные дети". Автор трактует его в узком смысле – "это дети и подростки в возрасте до 17 лет включительно, для которых улица представляет основную социальную и экономическую среду и которые лишены гарантированного доступа к жилью. Фактически, это бездомные дети. От прочих групп детей, проводящих значительное время на улице (членов молодежных субкультур, подростков – членов уличных компаний и т. д.), их отличает необходимость самим находить средства к существованию. Тем самым они фактически лишаются детского статуса, в соответствии с которым взрослые должны о них заботиться, и становятся более или менее равноправными членами неформальных уличных сообществ, наравне с другими городскими маргиналами" [24].

Одно из самых страшных явлений в современной российской действительности – это так называемое "социальное сиротство". Такие подростки и дети – прямой "кадровый резерв" для маргинальной среды, для элементов "антигражданского общества". Чтобы не произошел переход несовершеннолетних в антигражданский статус, необходимы профилактические мероприятия, вдумчивая и реальная, воплощенная в соответствующее законодательство, социальная политика в отношении бездомных подростков, детей, которые остались без попечения родителей и надзора со стороны взрослых, детей-

инвалидов, детей из малоимущих и неблагополучных семей, из семей беженцев и вынужденных переселенцев и т. д. Кроме того, нужна сбалансированная, научно обоснованная, хорошо и стабильно финансируемая государственная программа возвращения в социум подростков, уже совершивших общественно-опасные поступки. Среди задач такой программы не только индивидуальное "исправление и перевоспитание", мотивация законопослушного поведения и "аксиологическая терапия", но и извлечение подростка из "антигражданской" среды, разрушение устойчивых общественно-вредных социальных групп, создание альтернативных сообществ, которые могли бы привлечь молодого человека с определенным типом характера, темпераментом, способностями и наклонностями.

Безусловно, обращаясь к "детской" части проблемы "обратной стороны" гражданского общества, не следует останавливаться только лишь на стихийных группировках сирот и бродяжничающих ребятишек. В настоящее время имеется значительное количество подростковых групп, объединяющих детей из семей с самым разным социальным статусом, которые не охвачены официальной воспитательной доктриной, не зарегистрированы, а значит, не подпадают под действие ФЗ "О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений"⁶ и других подобных актов законодательства. Более того, взрослая часть гражданского общества зачастую и не подозревает о их существовании. Отчасти потому, что участники этих групп принимают правила игры, предусматривающие, помимо прочего, тайну организации и конспирацию. А отчасти вследствие того, что в большинстве случаев общение между участниками таких групп имеет виртуальный характер, осуществляется в социальных сетях.

Из тех теневого молодежных сообществ, которые характеризуются контактами в большей степени реальными, а не виртуальными (хотя имеют и активную "компьютерную жизнь"), наибольшую тревогу в

⁶ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»: Федер. закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

последние годы вызывает сообщество, известное по аббревиатуре АУЕ. Данное самоназвание расшифровывается как "арестантско-уркаганское единство", "арестантский уклад един". Хотя это молодежное течение и имеет откровенно криминальный подтекст, "воровское братство" в качестве идеологического фундамента и блатную романтику как средство вовлечения новых членов, переводить его автоматически в разряд "антигражданских" элементов преждевременно. Несмотря на то, что в "штабе" организации АУЕ действительно усматриваются функционеры профессиональных преступных сообществ, в своей массе это движение охватывает обычных ребят, не успевших еще "перешагнуть грань", не совершающих на самом деле ничего противозаконного и общественно-вредного. Но они регулярно платят дань в "общак".

Кого-то запугали, заставляют это делать под угрозой перевода в разряд изгоев, "опущенных". Или даже из страха прямой физической расправы. Так, по данным ответственного секретаря Совета при Президенте РФ по делам человека Я. Лантратовой, в детских учреждениях Забайкальского края на воровской "общак" ежемесячно взимается с каждого ребенка "взнос" в сумме от 50 рублей (круглый сирота) до 250 рублей (из богатой семьи). "Контроль за работой движения АУЕ и сбором средств в общак ведется из мест лишения свободы. Заключение имеют выход на смотрящих на воле через социальные сети и мобильную связь. А те уже работают с детьми. Собранные деньги тратят по покупке продуктов, сигарет, которые в посылках отправляют на зону" [9].

А кто-то делает это добровольно. Для одних это увлекательная игра в "казаков-разбойников" на стороне разбойников, для других – форма социального протеста, пусть даже и не осознанного. Не случайно наибольшее распространение эта своеобразная подростковая "мода" получила в субъектах Российской Федерации, имеющих в своем составе откровенно депрессивные, неблагополучные, не подразумевающие реальных социальных лифтов муниципальные образования. Прежде всего это Иркутская область, Красноярский край, Республика Бурятия, Забайкальский край.

Эффект катализирован "благодаря" тому, что данные регионы на протяжении столетий выполняли роль места ссылки, здесь дислоцированы многочисленные учреждения для отбывания уголовного наказания. Далеко не все освободившиеся из них уезжали в те регионы России, где они проживали и были осуждены, многие "оседали" в Сибири и Забайкалье, вошли в состав местного населения, привнеся в региональную культуру свой пласт "воровской" субкультуры. Директор школы, расположенной на территории Ангарской воспитательной колонии для несовершеннолетних, И. Пескова описывает ситуацию следующим образом: осужденные подростки зачастую родились в семьях, где тюрьма – это норма, а другой жизни они не видели. "Многие дети попадают в криминальную среду от безысходности. Они никому не нужны ни дома, ни в школе ... Они везде изгои. А здесь им говорят: "Ты нам нужен". Подростку обязательно надо чувствовать, что он не один, что он такой же, как все. Ему ставят условие: сегодня ты принесешь нам рубль, а когда сядешь, мы тебя не бросим. И ребенок понимает, что он когда-нибудь сядет, но это нормально, так и должно быть" [23]. С этим выводом опытного педагога совпадает и наблюдение уже цитировавшейся выше Я. Лантратовой: "Они говорят: "Сегодня мы собираем на общак для зоны, а когда мы сами окажемся на зоне, то будут собирать на общак для нас". Они заранее предначертали себе, что сядут. Для них это некая романтика" [9].

С учетом массовости явления, ширины охвата подростковой аудитории, государству во взаимодействии с институтами гражданского общества, педагогическим и научным сообществами, очень важно разобраться в его социальных и психологических корнях, выработать средства и механизмы противодействия. Иначе данное "изнаночное" явление гражданского общества рано или поздно приведет к массовому пополнению "антигражданских" сообществ – преступного мира, к ухудшению криминальной ситуации в стране.

В таком же контексте, как представляется, нужно рассматривать и более изученное, отчасти уже приобретшее официальный статус в форме клубов болельщиков, но требующее дальнейшего осмысле-

ния и организации явление спортивного фанатизма, прежде всего футбольного. По мнению А.В. Якуба, данное явление имеет целый ряд проявлений. Его можно рассматривать как общественное движение, как социальную группу и как сообщество носителей специфической субкультуры. При этом не все участники данной социальной группы формализованы в фан-клубы. Часть из них представляет собой "свободных" болельщиков, фанатично преданных "своей" футбольной команде. В каждой фан-группе выделяется несколько десятков так называемых "хулиганов" – наиболее активных и агрессивных болельщиков, для которых собственно спортивная сторона вопроса имеет не такое уж и большое значение. Они пытаются претендовать на роль своеобразной элиты фан-движения, и именно их деятельность зачастую приобретает антиобщественную направленность [26]. Нередкие драки между группами футбольных болельщиков причиняют значительный ущерб общественному порядку, нравственности и безопасности. Например, каждый проводимый в г. Москве футбольный матч между командами премьер-лиги "оттягивает" на себя до трех тысяч сотрудников правоохранительных органов, которые могли бы быть использованы с гораздо большей пользой, если бы не угрозы, которые создают футбольные хулиганы. И это не считая "стюардов" (контролеров-распорядителей – сотрудников стадионов). Все чаще футбольные фанаты оказываются в гуще событий явно экстремистского плана, далеких от спортивных событий, в частности, на националистической почве. Как это было в ходе известных событий в декабре 2010 г. на Манежной площади и в других местах столицы, поводом для которых послужило убийство футбольного болельщика Егора Свиридова. Глава Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы В.В. Черников категорически против признания агрессивных повадок хулиганствующих групп фанатов субкультурой, поскольку "К какой-либо культуре подобное поведение не имеет на малейшего отношения". При этом специалист отмечает, что зарождающиеся внутри фан-движения боевые группировки кем-то умело управляются не только в делах спортивных, в том чис-

ле используются в попытках "разыграть этническую карту" [16]. Поэтому наиболее агрессивные такие группировки следует отнести к организациям "антигражданского" типа. Можно также вспомнить, что наряду с термином "субкультура" иногда предлагается термин "контркультура".

Однако, как и ранее, позволим себе утверждать, что далеко не все фанатские сообщества имеют антиобщественный характер. Следует иметь в виду, что помимо чисто спортивного азарта, "боления" за "свою" команду, молодых людей привлекает в фанатское движение именно желание быть членом такой необычной и привлекающей внимание сверстников ("крутой" на молодежном сленге) социальной группы. Можно выделить такие признаки сообщества, как наличие у футбольных болельщиков своего непонятого окружающим сленга, служащего как вербальным знаком "причастности" к "движению", так и средством конспирации, наличие экипировки и знаков отличия, распределение ролей между членами фан-группы, гомогенность группы, единый психический склад и психологический настрой участников.

К футбольным "фанатам" мы обратились лишь за наиболее характерным примером. Российская палитра молодежных субкультур, на базе которых формируются "теневые" институты гражданского общества, очень разнообразна. Такие "движения" и соответствующие им социальные группы, как хиппи, панки, рокеры, байкеры, металлисты, битники функционируют и, соответственно, изучаются уже несколько десятилетий. Другие возникли относительно недавно и еще ждут своих исследователей (эмо, готы, рейверы, гранжи, граффитеры, ролевики, транс, фурри и т. п.). Даже из перечисленных названий видно, что многие из них "пришли" в российское молодежное сообщество с Запада. Причем зачастую американские и европейские общества ими уже переболели и там эти движения практически "сошли на нет". В России же они попали на благодатную почву социальной нестабильности, бедности, нечетких ориентиров будущего для большей части молодых людей, культурологического разнообразия и безвкусицы, идеологического вакуума, отсутствия продуманной ориентационной работы с молодежью со сторо-

ны государства и ангажированных им "официальных" институтов гражданского общества, и прочих всем известных факторов. В большом числе случаев имеет место не осознанная приверженность российских подростков – участников конкретного "движения" – его идеологии (они ее особото и не знают, и не понимают), а простое подражательство. На первый план выходит внешняя атрибутика: стиль одежды и поведения, жесты, типичные виды деятельности, лозунги, символика, "фенечки", сленг и т. д. – как возможность "выделиться из толпы", удивить сверстников, ощутить свою причастность к сообществу единомышленников, противопоставить себя официозу. В крупных городах зачастую имеет место многолетняя (иногда даже с советских времен) преемственность неформальных молодежных групп, а также изменчивость их состава и мобильность участников. Эти тенденции на примере "Арбатской системы" отлично описаны С.А. Стивенсон [24].

В контексте общей темы статьи можно утверждать: даже те элементы "изнанки" гражданского общества – молодежные сообщества, которые в основе своей организации вроде бы имеют ярко выраженную антисоциальную, экстремистскую идеологию, например, группы подростков, провозглашающие себя скинхедами, на поверку могут оказаться лишь имитацией, не имеющей ничего общего с реальным расистским, националистическим подпольем. Соответственно, и коррекция поведения их участников может оказаться (до поры до времени, если не упустить ситуацию из-под контроля) не такой уж и сложной задачей. И.В. Погодин по этому поводу высказывает мнение, согласно которому применительно к России "сегодня можно говорить только о некоторой сообщности молодых людей, чья подражательская идеология исходит от западного движения "скинхедов". Но на Западе оно действительно организовано и доставляет

много хлопот органам правопорядка. У нас же эта часть молодёжи сгруппировалась в рамках фанатов скинхедской музыки и спортивных болельщиков". Нужно делать различие между реальными скинами и "играющими в скинов" подростками. "В данный момент истории в России нет молодежных организаций расистов, а есть маленькие разрозненные группы подростков, формирующиеся на некой идеологии скинхедов, которая витает в кругах музыкальных фанов и спортивных болельщиков, подпитываясь социальными условиями жизни молодёжи. Молодых людей интригует форма (камуфляж, высокие ботинки и короткая куртка, хотя это уже и уходит в прошлое) и свастика – символ центра и бесконечности жизни. Им импонирует сила, которую они вместе представляют" [18].

На наш взгляд, процитированный автор нарисовал все же излишне благостную картину. "Настоящие" экстремисты, расисты и националисты, в России, увы, есть. В том числе в молодежной среде. Иначе не было бы уголовных дел, подобных серии дел в отношении членов националистической группировки "Боевая организация русских националистов" Баклагина, Исаева, Волкова, Тихомирова, Тихонова, Горячева, Коршунова, Хасис, обвиняемых, в частности, в убийстве судьи Мосгорсуда Эдуарда Чувашова, адвоката Станислава Маркелова, журналистки Анастасии Бабуровой, а также нескольких граждан неславянской национальности и активистов антифашистского движения, в совершении других преступлений. Однако посыл понятен, и мы с ним согласны: в каждом конкретном случае нужно тщательно разобраться: когда имеет место реальный экстремизм и нацизм, а когда – игра в них, инфантильное подражательство подростков, стремление к "особости", представляющее собой девиацию, но не переросшее еще в стадию общественно-опасной деятельности.

Виртуальные теневые сообщества

Если говорить о тех молодежных сообществах, которые характеризуются контактами в большей степени, или даже исключительно виртуальными, то к "изнаночной" стороне гражданского общества от-

носится, пожалуй, большинство. И это новое явление социальной жизни ни в коем случае нельзя игнорировать и выпускать из-под научного контроля, хотя бы учитывая его масштабы.

Так, огромный охват имеет аудитория игроков ("геймеров"), общающихся с единомышленниками в сочиненной для них разработчиками игре виртуальной ирреальности. Известны случаи, когда подросток (в редких случаях – и взрослый человек) полностью уходит в этот выдуманный мир, теряя связь с реальной окружающей действительностью. Налицо болезненная зависимость. Соответственно, психиатры признают игроманию заболеванием, а социальные психологи – новым и плохо еще изученным социальным недугом. Очевидно, что в его изучении нужно учитывать не только индивидуальные психические и психологические особенности каждой отдельной попавшей в зависимость личности, но и групповой аспект, рассматривать сетевую игру как форму социального общения, а совокупность ее участников – как своеобразное сообщество. Как отмечают исследователи, "В киберпространстве интенсивно распространяется некая разновидность псевдочеловеческого существования посетителей интернет-форумов, чатов и пользователей сети в целом. Реальность больше "не проживается" людьми, она воображается, начинают наслаиваться один на другой различные уровни личности. Формируются виртуальные сообщества, и те, кто наибольшую часть времени проводят в сети, изолируют себя от истории реального мира" [10]. Отметим, что в сообществах геймеров нередко входят не только подростки, но и люди весьма "почтенного" возраста. В частности, игра используется людьми, внезапно потерявшими и не могущими длительное время найти работу – как средство на какое-то время отвлечься от недружелюбной действительности, хотя бы виртуально "уйти" от собственных проблем и неудач.

В Интернете на базе так называемых "социальных сетей" создано сегодня не поддающееся учету число виртуальных социальных групп – в диапазоне от безобидного и даже в известном смысле полезного общения бывших одноклассников, чьи человеческие контакты благодаря компьютерной технике обрели "второе дыхание" и новое прочтение, до распространителей и потребителей порнографии, наркотиков, экстремистских и иных преступных сообществ.

Возвращаясь к молодежной тематике отметим, что сетевое общение подростков не всегда имеет безобидный характер. Так, последние годы общественность бьет тревогу по поводу виртуальных сообществ, сложившихся вокруг темы суицида – "Синий кит", "группы смерти" и т. п. Неустойчивостью подростковой психики в данном случае пользуются манипуляторы. То есть в контексте нашей темы складывается примерно та же ситуация, что и в рассмотренном ранее примере с АУЕ: в субъектном составе социального явления есть откровенно незаконное и антиобщественное, как правило, хорошо законспирированное меньшинство ("ядро" организации), и есть "рядовые" члены сообщества и сочувствующие, объединенные идеей, в целом не вписывающейся в общепризнанные обществом ценности, пассивно осуждаемой обществом. Деструктивный характер явления заключается еще и в том, что приобщение ребенка, подростка к виртуальному сообществу препятствует социализации личности, искажает вектор смысла жизни, ставит преграды к восприятию общепринятых социальных установок. Однако образующая большинство масса участников сообщества в то же время не совершает противозаконных, антиобщественных действий, а значит их нельзя отнести к "антигражданскому обществу". Налицо "теневые" элементы гражданского общества, требующие тщательного теоретического осмысления. Государство и гражданское общество пытаются выработать средства противодействия рассматриваемому явлению.

Государство – путем установления административных средств выявления соответствующих фактов⁷, а также путем введения в уголовный закон специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за побуждение несовер-

⁷ О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" и статью 15.1 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : федер. закон от 07 июня 2017 г. № 109-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3478.

шеннолетних к самоубийству, а также к другим действиям и «увлечениям», представляющим для него угрозу, в том числе с помощью средств Интернета. В июне 2017 г. в УК РФ, помимо новой редакции «стандартного» состава преступления, предусмотренного ст. 110 "Доведение до самоубийства", введены следующие составы: ст. 110.1. "Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства", ст. 110.2. "Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства" и ст. 151.2. "Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего".⁸

О масштабах явления свидетельствует статистика, озвученная министром внутренних дел России В.А. Колокольцевым: за первую половину 2017 г. заблокированы более 16 тысяч "групп смерти" [13]. Что касается новелл УК РФ, то они только вступили в действие, судить о их эффективности рано. Единственный пока осужденный администратор "групп смерти" в соцсети "ВКонтакте" Филипп Будейкин (Лис), с подачи которого 15 подростков – членов соответствующих сообществ – покончили с собой в разных регионах России, был выявлен еще

до их принятия, поэтому осужден по "старой" статье о доведении до самоубийства. Однако, по-видимому, "процесс пошел": в августе 2017 г. в прессе появились сообщения о задержании сотрудниками МВД России в Московской области и Хабаровске администраторов групп социальной сети, которые склоняли подростков к самоубийствам, и возбуждении в отношении них уголовных дел по новым составам [17].

Общество противодействует "группам смерти" доступными ему средствами. Например, в г. Саянске Иркутской области в настоящее время проводится заслуживающий внимания эксперимент: педагоги и общественники в качестве альтернативы "группам смерти" и другим подобным ресурсам создали "ВКонтакте" группу "ЧУДО Саянск", построенную на тех же коммуникационных и психологических принципах, что и деструктивные группы, но имеющую позитивные концепцию, сценарий и задания для подростков [22]. Однако всем этим мероприятиям явно не хватает теоретической базы, в том числе исследований виртуальных сообществ под углом зрения социальной стратификации, как "изнаночных" новообразований гражданского общества.

Параллельное изучение «изнаночных» сторон социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом: теневая экономика, теневая политика, теневое право. Выявление взаимосвязей и разработка исследовательского инструментария

Для соответствующих научных (в том числе научно-прикладных) исследований "изнаночных" явлений гражданского общества в методологическом плане полезно, как представляется, обратиться к работам, посвященным теневым, "обратным", негативным сторонам других социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом.

В частности, достаточно активно экономистами и юристами исследуется явление теневой экономики. Для нашей темы представляют интерес те работы, в которых под явлением "теневая экономика" понимаются не только экономические преступления и коррупционные схемы, но и "экономические отношения между отдельными гражданами и/или **неформальными объединениями** (выделено мною – М. М.), ... не регистрируемые и не учитываемые государством (так называемая "вторая" экономика). Этот тип отношений выступает ответной реакцией граждан на просчеты хозяйственного механизма ..." [5, с. 309]. В последнее время помимо словосочетания "вторая экономика" к подобным теневым отношениям зачастую применяется характеристика "гаражная экономика", поскольку в большинстве случаев "производствен-

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : федер. закон от 07 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

ные цеха", "сервисы" и "ателье" расположены в квартирах, личных подворьях и гаражах граждан. И ее представители для решения своих производственных, организационных вопросов и проблем создают ассоциации. Соответственно, тоже неофициальные. Помимо "гаражной экономики" (и вместе с ней, в дополнение к ней) в "теневой" области экономических отношений находится также такое характерное для современной России явление, как неформальные, скрытые отношения в сфере труда – фактические трудовые отношения без юридического оформления, "зарплата в конвертах" и, соответственно, неуплата работодателем обязательных платежей и т. п. По оценкам специалистов, в настоящее время теневой сектор охватывает примерно 20 % российского рынка труда [15].

Объектом научного познания являются также многочисленные "теневые" явления в политике – политический подкуп, манипулирование сознанием электората, лобби и т. п. Здесь также можно позаимствовать методологические подходы и инструментарий для изучения "изнанки" гражданского общества.

В последние годы большое внимание уделяется "обратной стороне" права и правовых явлений. Можно усмотреть в данном случае три основных исследовательских ракурса: а) изучение негативных аспектов права в целом; б) изучение отдельных негативных явлений – элементов правовой действительности; в) изучение совокупности "юридического негатива" как органической части правовой жизни.

К негативным аспектам права как социального явления обратился первым, по-видимому, Гегель, введя в научный оборот концепт "неправо" – так называется раздел III части первой "Философии права" [7], есть обращение к нему и в ряде других работ. Мыслитель подразделяет "неправо" на: а) непреднамеренное неправо, б) обман, в) преступление. Существование "неправа" также оправданно и необходимо, как и права, поскольку дает праву импульс к развитию права в обществе [6, с. 106]. Отметим, что в своих рассуждениях о "неправе" Гегель в основном оперирует пониманием права в естественно-правовом, иногда в субъективном, но не объективном (формально-юридическом) смысле. Это натал-

кивает и нас на мысль о том, что в поисках ответов на вопросы по поводу явления "неправо" необходимо четко осознать для себя – теневую сторону какого именно явления мы ищем. И если гражданское общество – это область свободного волеизъявления индивидов, что подразумевает акцент на естественное право, то не является ли оно само по себе одним из проявлений "неправа" по отношению к законодательству, по крайней мере, в случае конфликта между интересами и ценностями государства и части социума?

Современные юристы, прежде всего, теоретики права, обращались к этой теме неоднократно под разными углами зрения. Так, В.А. Бачинин высказал мысль о том, что на определенном изломе истории созданное государством позитивное право, встав на путь самоотрицания, может утратить свою позитивность и в "нормативно-ценностном смысле превращается в свою противоположность – право негативное" [3].

Р.А. Ромашов делит право на "положительное" и "негативное". Причем ценность в его версии представляет именно "негативное", "отрицательное" право. Дело в том, что два названных вида права ассоциируются с типами правового регулирования. "Положительное" право ближе к "разрешительному" типу, отличающемуся значительной степенью зарегулированности общественных отношений государством с помощью законодательства. В данном случае намерения у государства благие, но в результате детальной регламентации решений и поступков у граждан развиваются патерналистские настроения, иждивенчество, утрачиваются навыки самостоятельного разрешения своих проблем и исчезает стремление к инициативе и самосовершенствованию. Плотной опекой со стороны государства наносится вред социальной энергии людей, и в итоге они добровольно отказываются даже от той небольшой доли самостоятельности, которая все же предусмотрена для них в законе [21, с. 132–136]. Таким образом, для развитого гражданского общества, движущей силой которого является социальная энергия, самостоятельность и активность граждан и их объединений, характерно "негативное" право. Соответствующий ему тип правового регулиро-

вания не предусматривает детальную регламентацию поступков людей, устанавливает лишь минимально-необходимые правила и запреты, определяет поведенческие рамки – "разрешено все, что не запрещено законом".

Среди отдельных негативных явлений правовой действительности в наибольшей степени исследованы на сегодня, во-первых, противоправное поведение (в узком смысле – правонарушение), во-вторых – негативные явления из области правосознания: правовой нигилизм, профессиональные правовые деформации и т. п.

Н.И. Матузов и А.В. Малько рассматривают негативные правовые явления с точки зрения их встроенности в правовую жизнь общества. Правда, до сего дня не разрешен спор между двумя этими учеными по поводу того – является ли "правовая жизнь" самостоятельной категорией юриспруденции. А.В. Малько является убежденным сторонником того, что это категория, а вот Н.И. Матузов полагает необходимым детальное изучение всех сторон правовой жизни, но не одобряет признание за ней значения самостоятельной научной категории, поскольку в данном случае происходит, по его мнению, ненужная замена устоявшейся, хорошо изученной категории "правовая система" на другую подобную, но менее обоснованную и более абстрактную. Поскольку данная авторитетная дискуссия напрямую не входит в предмет настоящей статьи, не станем обращаться к аргументам ее сторон. Они последовательно изложены, в частности, в вышедшей в 2016 г. коллективной монографии под редакцией А.В. Малько [см.: 20]. Отметим лишь, что наличие названного разногласия не мешает двум ученым вот уже два десятилетия писать в соавторстве научные работы и выступать соредакторами коллективных научных трудов и сборников по проблемам правовой жизни общества. В контексте нашей темы важен вывод, что в правовую жизнь (в отличие от правовой системы, что является важным элементом аргументации позиции А.В. Малько) входит комплекс всех юридических явлений – как позитивных, так и негативных. К последним относятся преступления и иные правонарушения, их субъекты и криминальные структуры, коррупция, злоупотребления, деформации

правосознания, выражающиеся, в частности, в правовом нигилизме, идеализме, популизме, ошибки в праве и иные, препятствующие положительной юридической деятельности факторы [12].

С точкой зрения А.В. Малько в целом совпадает позиция Ю.Ю. Ветютнева, согласно которой введению в научный оборот понятия "правовая жизнь" предшествовало понимание того, что "правовая жизнь (в отличие от правовой системы) включает в себя не только официальные, легально признанные явления, но и различного рода отступления, отклонения от юридически установленных образцов" [4, с. 51].

Поскольку право – это неременный элемент социальной жизни, допустим, переход от частного к общему: так же как и в правовой жизни общества, в социальной жизни в целом (в бытии общества) присутствуют не только официальные, легально признанные явления, но и различного рода отступления, отклонения от признанных государством и ангажированной им частью гражданского общества нормативов и образцов. В том числе и "теневые" социальные сообщества. Остается вопрос – следует ли их считать элементами гражданского общества.

Наиболее перспективно для заимствования элементов методологии изучения "теневых" институтов гражданского общества обращение к явлениям, охватываемым понятием "теневое право".

Обращение к данному явлению в ретроспективе в качестве наиболее яркого примера дает существующие веками вне границ конкретного государства поведенческие кодексы масонов.

Можно утверждать, что "теневое право" было достаточно широко распространено и в Российской империи. Вероятно, к явлениям из этого ряда можно отнести этническое обычное право того периода, "туземные" своды правил многочисленных народов и "народцев" ("иностранцев") – этносов, населявших удаленные от имперского центра, недавно включенные в состав Империи территории. "Теневой" характер им придавала слабая изученность, невозможность осуществить в короткий срок кодификацию и включение в общегосударственную систему законодательства огромного количества устных правил пове-

дения, соблюдаемых разными народами в разных "глухих уголках" и на разных "окраинах" огромного государства. При этом, в соответствии с проводимой политикой мирного "собирания земель", российское государство относилось к данным проявлениям "теневого права" весьма толерантно: это хорошо видно из "Устава об управлении инородцев"⁹ и целого ряда актов законодательства того периода. Нельзя утверждать, что имперское правительство вовсе не пыталось включить поведенческие кодексы "туземного" населения в государственную правовую систему. Н.С. Ахметова, например, пишет: "В колониальную эпоху, вследствие введения российского права, в Казахстане создавалась ситуация, когда сосуществовали правовые и судебные системы традиционного казахского и русского обществ. ... Отказавшись от радикального пути ломки старых традиций и норм, российское правительство, в соответствии с проводимой им политикой, так называемого косвенного управления, пыталось наряду с другими механизмами внедрения имперского права применить запись обычаев и кодификацию" [1, с. 179–184]. Однако повсеместно и всеохватно это было сделать физически невозможно.

Пример другой системы "теневого права" в Российской империи, значительно отличающейся от "инородческого права" и своим происхождением, и отношением со стороны власти, а главное – наличием некоего конспиративного элемента, – это правила поведения старообрядцев. Пройдя с момента Раскола путь от запрета и гонений до легализации и терпимого отношения со стороны государственной власти, старообрядческое сообщество выработало свои неписанные поведенческие кодексы, тщательно оберегаемые от постороннего глаза и праздного интереса. В литературе высказывается мнение о том, что своими экономическими успехами производственники и купцы из числа старообрядцев – Морозовы, Мамонтовы, Третьяковы, Рябушинские и др. – во многом обязаны именно их приверженности веками выработанным поведенческим стандартам, которыми ру-

ководствовались в хозяйственных связях тщательно отбираемые, принадлежащие к одному сообществу и потому связанные взаимным доверием партнеры. Как пишет Н.А. Кричевский, "За два с половиной века Раскола старообрядческие сообщества привыкли руководствоваться собственными понятийными уложениями", которые в совокупности представляли собой свод, далеко не всегда совпадающий с официальными нормами – "приемлемый для членов сообщества эрзац легальной правовой системы" [11, с. 34]. При этом, несмотря на имевшиеся в старообрядческих практиках неправовые вкрапления (например, стремление решать свои клановые и коммерческие проблемы с помощью коррупционных схем), в целом "понятийные уложения" старообрядцев были "серыми" ("теневыми"), не совпадающими со сложившимся на тот момент общественным укладом, но не откровенно незаконными или общественно-вредными. Особняком в социальном институте старообрядства выделялось до сих пор до конца не понятое и не достаточно изученное сообщество офеней, которые не только были своего рода "секретной службой" раскольников всех толков, имели свой малопонятный для окружающих набор поведенческих нормативов, но и выработали свой собственный конспиративный язык.

Как представляется, в случае с приведенными историческими примерами имели место "параллельные" государству системы нормативного регулирования, которые можно признать проявлениями "теневого" права. При этом теневой их характер не означал их относимость к "неправу". Они, как правило, не пребывали в состоянии антагонизма с позитивным правом государства, их существование допускалось государством. Во всяком случае, имперское правительство не предпринимало активных попыток борьбы с ними, законодательного запрета. Вместе с тем, осуществляемое ими регулирование общественных отношений находилось вне контроля со стороны государства, что можно расценить либо как юридический плюрализм в качестве составной части правовой доктрины Российской Империи, либо как проявление известной слабости российского государства того периода и его правовой системы,

⁹ Устав об управлении инородцев 1822 года // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38. № 29126.

либо как сочетание того и другого.

К слову сказать, приведенные исторические примеры имеют современное продолжение. И сегодня есть свои неписанные, не ставшие официально признанными источниками права, поведенческие нормативы у малых коренных народностей Сибири, Севера России и Дальнего Востока, у жителей субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, у потомков староверов – "семейских", живущих в Забайкалье и других регионах ... Хотя масштаб явления и его социально-правовое значение (и назначение) уже далеко не те, что в имперский период.

Отдельная сложнейшая и не теряющая актуальности социальная проблема – жизненный уклад, нормы поведения и общественная организация цыган. Проблематика уникальная, далеко выходящая за рамки "стандартных" для малых народов проблем национальной культуры, этнической идентичности и аккультурации. Особенно сказанное относится не к "оседлым", а к кочевым группам.

Применительно к современности интересную трактовку явления "теневое право" дает В.М. Баранов. Считая важной характеристикой теневого права то, что оно является разновидностью негативного неофициального права, автор осуществляет вход в данный вопрос через основные идеи психологической школы, делящей право на официальное (позитивное, формальное, писаное) и неофициальное (интуитивное, неформальное, общественное). Последнее не связано с официальной позицией, с авторитетом государственной власти. Поэтому правовая действительность, согласно данной концепции, гораздо более вариативна, чем та часть правовой системы, которая регулируется государственным законодательством. В нее включены либо с ней связаны не только признаваемые государством системы социального регулирования, но и "вредный побочный продукт регуляции". Акцент на вредность и негативность феномена теневого права хотя и оправдан, но имеет определенную меру, ведь каждое сложное явление из областей политико-правовой и морально-психологической имеет как положительный, так и отрицательный моменты. "Соответственно, – пишет

автор, – и теневой порядок, теневое право не могут быть абсолютно негативным феноменом. Это связано с тем, что возникновение и становление теневого права происходило и происходит через организационно-деловые обычаи и обыкновения ... некоторые элементы теневого права содержат такие нормативные механизмы, которые превосходят нормы официального права и вполне могут служить основой для совершенствования действующего законодательства. ... На основе теневого права при длительном и последовательном его функционировании возникает теневой порядок или даже теневой правопорядок" [2, с. 179]. Тем не менее, далее автор характеризует теневое право как "искаженный, не планируемый ни одним демократическим государством и **ИСТИННЫМ** (выделено мною – М. М.) гражданским обществом вариант права отличиться, а точнее, выделиться из государственной сферы жизни, отделиться от нее". В описании признаков данного явления он отдает предпочтение примерам из "воровского закона". Отсюда вывод: "Теневое право – основа воспроизводства преступной сферы" [2, с. 180–181]. В.М. Баранов в итоге предлагает следующую дефиницию: "Теневое право – отрицательное проявление юридического плюрализма, специфическая форма неправа, опасная разновидность негативного неофициального права, представляющего собой, находящийся в состоянии борьбы с официальным правом, свод асоциальных обязательств, устанавливаемых самими участниками общественных отношений, предписаний, символов, ритуалов, жестов, жаргона, посредством которых регламентируются все этапы противоправной деятельности, образуется теневой правопорядок, охраняемый специальными морально-психическими, материальными и физическими санкциями" [2, с. 182].

Работа В.М. Баранова, цитаты из которой приведены выше, представляет собой логически стройное, убедительное исследование, чрезвычайно полезное в методологическом плане для изучения неофициальной, внесударственной стороны правовой действительности. Тем не менее, позволим себе не согласиться с автором в одном из главных моментов. На наш взгляд, явление "теневое право" не является состав-

ной частью (разновидностью) "неправа", не охватывается им. Наоборот, объем понятия "теневое право" гораздо шире и лишь часть теневого права приобретает антигосударственный и антиобщественный характер, трансформируется в "неправо". В том числе (но не только) так называемый "воровской закон". В основной же своей массе проявления теневого права лишены негативного, общественно-вредного содержания.

На наш взгляд, прежде всего под ним следует понимать альтернативные государственным системы нормативного регулирования ("корпуса норм" по В.М. Баранову), регламентирующие отношения между членами достаточно массовых сообществ. То есть зачастую "теневое право" – это нормативные системы, регулирующие общественные отношения внутри сообществ, представляющих собой "теневые" элементы общества, примеры которых были рассмотрены нами в настоящей статье ранее. Сообществ, которые не относятся к "негражданскому обществу"! Теневое – не значит обязательно вредное. Теневое – значит незаметное, непосредственно не наблюдаемое, маскируемое. Теневое право при этом отличается от признанных и

разрешенных государством "дополнительных" систем социального регулирования: корпоративного (внутриорганизационного, локального), религиозного (имея в виду зарегистрированные государством религиозные организации), муниципального, коммунального. Отличия заключаются в том, что: а) системы "teneвого права" не признаны государством, о их существовании либо не известно, либо факт их существования властью замалчивается, либо их значение неадекватно преуменьшается (по ошибке либо намеренно); б) соответственно, в законодательстве государства не создана юридическая база их развития; в) зачастую "теневые" правила поведения для членов соответствующего сообщества имеют большее значение, нежели государственно-властные установления; г) нередко географический ареал действия норм той или иной системы "teneвого права" вообще не совпадает с границами конкретного государства, эта система имеет транснациональный международный характер (или, наоборот, ограниченно-локальный на части территории государства, не обязательно совпадающей с конкретной административно-территориальной единицей).

К итогам: "изнаночные" социальные группы и образующиеся на их основе социальные институты являются неотъемлемой частью гражданского общества в России

Мы не считаем бесспорным тезис Ю. М. Резника о том, что "Гражданское общество возникает прежде всего из потребности жизненного мира упорядочить и привести в соответствии с логикой собственного развития отношения с системным миром и в первую очередь с государством и с экономической системой. Оно является организованной реакцией индивидуальных и коллективных субъектов на технократическое воздействие этих систем, их экспансионистские устремления" [8, с. 224]. Как представляется, понимание гражданского общества не должно сводиться только лишь к зоне соприкосновения "жизненного" и "системного" миров. Если согласиться с изначально искусственной природой гражданского общества и с тем, что это понятие подразумевает лишь объединение "гражданских личностей", то в России на сегодня

гражданского общества нет и в ближайшем обозримом будущем быть не может. Ведь это особое состояние личности, "стремящейся овладеть "высшими" родовыми силами человека и получившей свою автономию в процессе длительной и упорной борьбы за свое социальное освобождение и духовное раскрепощение" [8, с. 226]. "Личность гражданского общества – новый человеческий тип, ориентированный на созидание, гражданские отношения и новую духовность" [19, с. 77]. Гражданского общества нет в таком случае просто потому, что число граждан Российской Федерации, безусловно, подпадающих под характеристики "гражданской личности", вряд ли составляет большинство. А можно сделать и гораздо более опасный вывод – что в России есть гражданское общество, но это только часть общества, объединяющая

"лучших" – "гражданских личностей", и есть остальные – серая масса, к стихийным объединениям которых понятие "гражданское общество" отношения не имеет. Уверены, что это не так.

Для нашего поиска более ценным представляется другой фрагмент процитированного обстоятельного труда по проблемам гражданского общества – тот, в котором авторы выделяют в качественном составе "гражданской жизни" сочетающиеся друг с другом интерессубъективный и объективный аспекты: "...интерсубъективность гражданской жизни реализуется в форме рационально-спонтанного (сознательно-бессознательного), взаимосогласованного, нормативно опосредованного и символически-регулируемого взаимодействия автономных субъектов, а ее объективность – в системе институтов гражданского общества, складывающихся и развивающихся во многом эволюционным, естественным путем" [8, с. 244]. Действительно, представления членов конкретных гражданских сообществ о необходимости (полезности) участия в данном сообществе и о правилах совместной деятельности, поведения и взаимодействия с другими его членами зачастую имеют характер выработанного на социальном опыте, заведомо правильного знания, прошедшего объективную проверку предшествующими поколениями, а потому не требующего дополнительного осмысления. И эти интерессубъективные, некритичные, консервативные по своей сущности представления граждан (участников институтов гражданского общества) хорошо вписываются в эволюцию институтов – социальных образований, возникших в самом обществе естественно, а не по воле государства и вне его контроля.

В структуру гражданского общества, по нашему убеждению, включены как те элементы, которые находятся в состоянии активного взаимодействия с государством и с другими политизированными институтами гражданского общества (политические партии, местное самоуправление, профсоюзы, общественные советы, зарегистрированные НКО, СМИ и т. п.), так и институты, которые с "системным миром" совсем или почти совсем не контактируют, функционируют в "теневом" режиме, в том числе и в смысле юридических условий. Однако существование таких институтов объективно подтверждается опытным путем.

И здесь следует согласиться с И. В. Мерсиановой, которая, проанализировав множество подходов к пониманию гражданского общества, пришла к выводу о том, что "Чрезвычайно важно, чтобы теория гражданского общества основывалась на надежных эмпирических данных, характеризующих его как на макроуровне анализа его структур, так и на микроуровне анализа его субъектов" [14, с. 6]. А эмпирические данные позволяют утверждать, что отдельные институты гражданского общества объединяют не только "гражданских личностей", но любых граждан государства. Задача гражданского общества как институционального образования в данном случае – организовать: а) взаимодействие и совместную деятельность индивидов на основе общих потребностей и интересов, а также заинтересованных индивидов с получившимися организациями; б) в некоторых случаях – взаимодействие с другими подобными организациями. В том числе и в отношении неподконтрольных государству. Это и есть "изнанка" гражданского общества.

Обобщая характеристики рассмотренных и некоторых других "теневых" сообществ, можно сделать вывод, что они имеют следующую двухуровневую структуру.

В основе организации (на первом, "нижнем" уровне) находится такой вид общности людей, как вторичная неформальная социальная группа. При этом явление социальной группы мы понимаем в традиционном, признаваемом значительным числом социологов смысле – как совокупность индивидов, которые с целью удовлетворения каких-то своих потребностей и интересов, реализации чувств или идей, находятся во взаимодействии между собой, осознают свою принадлежность к группе (самоидентификация) и принадлежность к ней других ее членов, являются приверженцами характерных для группы ценностей и субкультуры (если она есть), добровольно принимают на себя обязанности по соблюдению выработанных внутри данной группы правил поведения (конформизм). Диапазон группообразующих факторов в данном случае очень широк – от "низменных" бытовых физиологических потребностей (группы бомжей) до "высоких" духовных практик и попыток изменения Мира и Человека (религиозные секты). При наступлении определенных условий и формировании соответствующих призна-

ков социальная группа может преобразиться в организацию, в том числе в ассоциацию. Однако такая трансформация связана, как правило, уже с внешними контактами, в том числе с органами публичной власти, с легализацией и формализацией, выходом из "тени".

Второй ("верхний") уровень образуется вследствие того, что причины и условия, внешние социальные факторы и внутреннее психологические побудительные мотивы объединения граждан в группу повторяются в пространстве и во времени. Поэтому одинаковые или похожие группы возникают независимо друг от друга в разных местах России. Так, например, сообщества бомжей существуют повсеместно и в целом похожи друг на друга, хотя никак не общаются между собой. В других случаях, например, с АУЕ, имеется некий координационный центр, который обеспечивает информационный обмен, вырабатывает единые для сообщества поведенческие нормативы.

Совокупность, множество однородных социальных групп – это уже массовое социальное явление, исторически сложившаяся, характеризующаяся устойчивостью (повторяемостью) форма организации совместной деятельности. Поэтому мы и пытаемся представить ее как институт. Теневой ("изнаночный") институт гражданского общества.

Если исходить из неоднократно упомянутой нами необходимости широких научных исследований "изнаночных" институтов гражданского общества, а значит и выработки универсальной методологии таких исследований, то описанную трансформацию можно представить также несколько иначе, через социологические концепты "реальных" и "номинальных" ("статистических") общественных групп.

Первоначально исследователь в качестве объекта получает территориально локализованную реальную совокупность общающихся между собой, имеющих общие интересы и занимающихся совмест-

ной деятельностью людей. Как это видно, например, из многочисленных процитированных выше работ социологов, стандартно начинавших свои исследования с опросов и интервью с членами естественным образом возникших стихийных коллективов людей без определенного места жительства. Основами формирования из совокупности людей реальной социальной группы являются совпадающие потребности и интересы этих людей, причем удовлетворение этих потребностей и интересов («в одиночку») либо затруднено, либо вообще невозможно. В отдельных случаях (например, религиозные секты, организации спортивных фанатов, некоторые сетевые группы) «цементирующими» первоосновами для группы выступают не потребности и интересы, а ценности и воззрения. Хотя потом все равно «включается» потребность в реализации ценности через внутригрупповое общение с единомышленниками.

Однако повторяемость результатов таких исследований, осуществляемых в разное время в разных городах разных субъектов Российской Федерации, выявление единых существенных характеристик, позволяет сделать вывод, что мы имеем дело уже с номинальной группой, то есть с неопределенной совокупностью людей, выделяемых по некоторым устойчивым признакам. Это выделение имеет смысл для целей масштабного исследования не нескольких десятков лиц, а объективно наличествующего в современном российском обществе "теневого" социального явления ("бомжи", "фанаты", "дети улицы", "участники АУЕ", "игроманы" и т. п.). Поэтому у номинальных групп есть второе название – статистические, то есть в данном случае исследователь обращается уже к статистической совокупности частных проявлений масштабного явления и абстрагируется от непосредственных связей и отношений внутри реальных групп, принимая во внимание лишь результирующие, наиболее обобщенные характеристики, полученные по итогам частных исследований.

Заключение

Все вышесказанное в двух частях настоящей статьи позволяет, на наш взгляд, сделать обобщающий вывод: наличие "изнанки" гражданского общества – это дан-

ность. Возникает вопрос: положительный или отрицательный характер имеет данное явление? Вероятно, больше отрицательное, поскольку идеология и социальный уклад

теневых социальных образований все же не соответствует воззрениям и интересам большинства, хотя и не антагонистичны им. Зачастую деятельность теневых групп хотя и не имеет откровенно антиправового характера, но отличается маргинальностью, склонностью перехода в антиобщественное состояние. Поэтому гражданское общество в союзе с публичной властью должно, на наш взгляд, принимать меры к трансформации теневых институтов, то есть к их постепенному, не насильственному, деликатному преобразованию в соответствии с интересами и потребностями граждан – их участников, путем гармонизации этих интересов и потребностей с окружающим миром. В то же время, как это ни парадоксально звучит, но накопленный в теневых сообществах опыт неформального внутригруппового общения, социальной коммуникации, выживания в трудных условиях наконец, вполне вероятно можно использовать на благо позитивного общественного развития. В том числе и в контексте обогащения юридической сферы жизни общества, восприятия неформальных правил поведения (элементов "теневого" права), интеграции их в "официальную" правовую систему общества. Ведь они прошли жесткую верификацию самой жизнью. Для этого опыт "изнанки" гражданского общества нужно тщательно изучать.

Весьма удачно, на наш взгляд, обозначила данную проблему С.А. Стивенсон. Она пишет: "Распад советской суперсистемы породил множество маленьких и больших систем, групп, "крыш", под защитой которых люди пытаются выжить и которые сами развивают довольно сложные системы взаимоотношений, понятий, норм, возможностей. К ним и пытаются прибегнуть маргиналы как взрослые, так и дети. Эти теневые сообщества являются важной чертой постсоветского урбанизма ... Глобальные процессы трансформации государств и преобразования рынков труда приводят к вытеснению значительных групп населения (мигрантов, беженцев, представителей этнических меньшинств, бедных слоев) на периферию общества. Подходить к объяснению опыта этих людей лишь с помощью понятия "социального исключения" (social exclusion), описания различных сценариев, благодаря которым они "проваливаются" на

социальное дно, значило бы сильно обеднить понимание. В этом смысле внимание к социальному капиталу не только теряемому при вытеснении из "большого общества", но и накапливаемому в теневых сообществах, представляется оправданным и полезным" [24].

Как представляется, одна из функций государства в его взаимодействии с гражданским обществом вытекает из генеральной функции обеспечения и защиты прав и свобод личности. Это направление деятельности масштабируется с отдельной личности на социальные общности. Соответственно, функцией государства является обеспечение условий для реализации, охрана и защита прав и законных интересов социальных групп и институтов. Как официально оформленных, зарегистрированных органами публичной власти, имеющих законодательную базу своей деятельности, так и теневых. Причем последних – даже в большей степени, поскольку именно вокруг них возникают всевозможные риски. Эффективное государство – это такое, которое обладает средствами преодоления влияния институтов "негражданского общества" на них, воспрепятствования "перетягиванию" социальных групп, находящихся в колеблющемся, "пограничном" состоянии, в экстремизм, криминал и иной антиобщественный негатив. Задача науки – юриспруденции, социологии, психологии, педагогики, культурологии, конфликтологии и др. – помочь государству в выработке такого инструментария.

Возможен вариант мирного, корректного вытеснения "неправовых", теневых гражданских сообществ их социализированными аналогами, находящимися в правовом поле. Или корректировка сущности, ценностного ряда и поведенческой направленности существующих сообществ при сохранении их "оболочки", институциональной формы. Такая социальная терапия возможна используемыми в различных сочетаниях социально-психологическими, педагогическими, медиативными, даже экономическими средствами. Но меньше всего – юридическими и властными. Хотя юридическая и административная поддержка, сопровождение корректирующих мероприятий иногда все же необходимы. Так, например, В.А. Янышева в диссертации

дает обоснование социально-психологической коррекционной программы изменения направленности асоциальных подростковых групп, разработанной с учетом системно-психологических характеристик этих групп и опирающейся на диагностику определенных характеристик членов неформальных подростковых объединений¹⁰.

В идеале государство должно предпринимать попытки конструктивного диалога с рассмотренными, пока еще на сегодня теньвыми институтами гражданского общества, изучить их с помощью ангажированных научных институтов, оказать помощь, в том числе и юридическую, в их организации и развитии – постольку, поскольку они необходимы для части граждан государства, объединяют их. При этом не важно – имеется ли у государства какая-либо иная (политическая, экономическая) заин-

тересованность в них. Ведь обязанность государства – максимально полно обеспечить, защитить права и удовлетворить интересы **каждого** своего гражданина, при одновременном обеспечении общественного (коллективного) интереса. Поэтому государство должно наладить взаимодействие с ними, но не с позиций "старшего брата", не в смысле волонтаристской регламентации их деятельности, а на естественно-правовых и социально-правовых началах, в русле реализации обязанности государства на создание для каждого гражданина оптимальных условий для достойного существования и самореализации творческого потенциала, свободного удовлетворения личных интересов, в том числе путем добровольного объединения с другими личностями (ст. 30 Конституции Российской Федерации).

Библиографический список

1. Ахметова Н.С. Кодификационная работа в России по Казахскому обычному праву в XIX веке // Вестник КарГУ. 2007. № 1. С. 34–42.
2. Баранов В.М. Теневое право: очерки техники правотворчества. Избранные труды : монография. М.: Юстиция, 2017. 586 с.
3. Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.
4. Ветютнев Ю.Ю. "Свет" и "тьнь" правовой жизни // Актуальные проблемы правовой политики и правовой жизни современной России: сб. статей. Тамбов, 2008. С. 50–57.
5. Вечканов Г.С. Экономическая безопасность: учебник. СПб.: Питер, 2007. 384 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 234 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
8. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 492 с.
9. Детки для клетки: интервью с Я. Лантратовой (интервьюер Е. Меркачева) // Московский комсомолец. 2016, 14–21 декабря.
10. Дмитриева В.А., Нестерова Я.В. Аспекты рискованного поведения и интернет-зависимости в социализации молодежи // Личность в изменяющихся социальных условиях : сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2012.
11. Кричевский Н.А. Свод понятийных уложений // Совершенно секретно. 2017. № 5 (394). С. 34–35.
12. Малько А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 43–51.
13. Материал с сайта "Российской газеты", 26 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2017/06/26/>
14. Мерсиянова И.В. Определение понятия "гражданское общество": опыт систематизации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 2–6.
15. Особенности национальной нищеты: интервью с директором Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Т. Малеевой // Московский комсомолец. 2017, 5–12 апреля.
16. Отморозков – в черный список: интервью с В.В. Черниковым // Аргументы и факты. 2017. № 11.
17. Петров И. Полицейские задержали двух администраторов "групп смерти" в соцсетях // сайт "Российской газеты" [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2017/08/29/> (21.09.2017).
18. Погодин И.В. Научно-практическая характеристика современного состояния молодежной групповой антиобщественной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2009.

¹⁰ Янышева В.А. Системно-психологическая коррекция асоциальной групповой активности подростков : дис. ...канд. псих. наук. Ярославль, 2008. 283 с.

№ 1 (49). С. 137–141.

19. Политология: энциклопедический словарь / Аверьянов Ю.И., Айвазова С.Г., Алексеева Т.А. и др. М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. 431 с.

20. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики: монография / А.С. Анисимова, С.Ф. Афанасьев, З.С. Байниязова и др. / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2016. 488 с.

21. Ромашов Р.А. Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. СПб.: Алетейя, 2015. 344 с.

22. Старшинина Е. Удивлять, открывать и действовать // Пятница. 2017. № 18.

23. Старшинина Е. Жизнь по понятиям // Пятница. 2017. № 23.

24. Стивенсон С.А. Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 91–101.

25. Якуба А.В. Футбольные фанаты как субкультура в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 184–189.

References

1. Akhmetova N.S. Codification Work in Russia on the Kazakh Customary Law in the XIX Century. *Vestnik KarGU* [Vestnik of Karaganda State University], 2007, no. 1, pp. 34–42. (In Russian)

2. Baranov V.M. *Tenevoe pravo. Ocherki tekhniki pravotvorchestva. Izbrannye Trudy* [Shadow Law: Sketches of Lawmaking Mechanisms. Selectas]. Moscow: Yustitsiya Publ., 2017. 586 p.

3. Bachinin V.A. Non-Law (Negative Law) as a Category and Social Reality. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2001, no. 5, pp. 14–20. (In Russian)

4. Vetyutnev Yu.Yu. 'Light' and 'Shadow' in Legal Life. *Aktual'nye problemy pravovoi politiki i pravovoi zhizni sovremennoi Rossii* [Topical Issues of Legal Policy and Legal Life of Modern Russia]. Tambov, 2008, pp. 50–57. (In Russian)

5. Vechkanov G.S. *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic Security]. St. Petersburg: Piter Publ., 2007, 384 p.

6. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki* [Science of Logic]. Moscow: Mysl' Publ., 1971, vol. 2, 234 p.

7. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translation from German; com. eds D.A. Kerimov and B.S. Nersesyants. Moscow: Mysl' Publ., 1990, 524 p.

8. Kal'nogo I.I. *Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost'* [Civil Society: Roots and Modernity]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006, 492 p.

9. Merkacheva E. Kiddies for Cage: Interview with Ya. Lantratova. *Moskovskii komsomolets* [Moscow Komsomol Member], 2016, pp. 14–21 December. (In Russian)

10. Dmitrieva V.A., Nesterova Ya.V. *Aspekty riskovannogo povedeniya i internet-zavisimosti v sotsializatsii molodezhi* [Aspects of Socialist Youth's Risk Behavior and Internet Addiction]. *Lichnost' v izmenyayushchikhsya sotsial'nykh usloviyakh. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Personality in Changing Social Conditions. Information Package of International Scientific Practical Conference]. Krasnoyarsk, 2012.

11. Krichevskii N.A. Code of Conceptual Law-

Letters. *Sovershenno sekretno* [Top Secret], 2017, no. 5 (394), pp. 34–35. (In Russian)

12. Mal'ko A.V. Modern Russian Legal Policy and Legal Life. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2000, no. 1, pp. 43–51. (In Russian)

13. Material of the site of "Russian Gazeta". [Elektronnyi resurs]. <https://rg.ru/2017/06/26/> (accessed 24.06.2017).

14. Mersyanova I.V. Determination of the Concept "Civil Society": Systematization Experience. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2011, no. 4, pp. 2–6. (In Russian)

15. *Osobennosti natsional'noi nishchety: interv'yu s direktorom Instituta sotsial'nogo analiza i prognozirovaniya RANKhiGS T. Maleevoi* [Features of National Poverty: Interview with Director of Institute of Social Analysis and Forecasting RANEPА T. Maleeva]. *Moskovskii komsomolets* [Moscow Komsomol Member], 2017, 5–12 April. (In Russian)

16. Otmorozkov – v chernyi spisok: interv'yu s V.V. Chernikovym [Hellions to the Blacklist: Interview with V.V. Chernikov]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 2017, no. 11. (In Russian)

17. Petrov I. *Politseiskie zaderzhali dvukh administratorov "grupp smerti" v sotssetyakh* [Police Detention of two Managers of 'Group of Death' in Social Networks]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazeta]. Available at: <https://rg.ru/2017/08/29/> (accessed 21.09.2017).

18. Pogodin I.V. Scientific-Practical Characteristics of Contemporary State of Youth Group Antisocial Activity. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2009, no. 49, pp. 137–141. (In Russian)

19. Averkhanov Yu.I., Aivazova S.G., Alekseeva T.A. *Politologiya : entsiklopedicheskii slovar'* [Political Sciences: Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Moskovskogo kommercheskogo un-ta Publ., 1993, 431 p.

20. Anisimova A.S., Afnas'ev S.F., Bainiyazova Z.S. *Pravovaya zhizn' obshchestva: problemy teorii i praktiki* [Legal Life of Society: Theory and Practice

Issues]. Moscow: Prospekt Publ., 2016, 488 p.
21. Romashov R.A. Pen'kovskii E.V. *Filosofiya prava i prestupleniya* [Philosophy of Law and Crime]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2015, 344 p.
22. Starshinina E. *Udivlyat', otkryvat' i deistvovat'* [To Surprise, Open and Act]. Pyatnitsa, 2017. No. 18.
23. Starshinina E. *Zhizn' po ponyatiyam* [Live by the Code of Criminals]. Pyatnitsa, 2017, no. 23.
24. Stivenсон S.A. Street Children and Shadow

Сведения об авторе

Мушинский Михаил Адеилович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Критерии авторства

Мушинский М.А. провел самостоятельное исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за некорректные заимствования и плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила 3.10.2017 г.

Town Communities. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2000, no. 3/4, pp. 91–101. (In Russian)
25. Yakuba A.V. Football Fans as Subculture in Russia. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 4 (26), pp. 184–189. (In Russian)

Author credentials

Mushinskiy Mikhail A., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State Law Sciences Department, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Authorship Criteria

Mushinskiy M.A. conducted independent research, designed the research results and responsibility for improper citation and plagiarism.

Conflict of Interests

The author declares no conflict of interests

Received 3 October 2017

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРАЖУ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© Т.И. Эрхитуева, Н.В. Илтакова

Бурятский государственный университет,
Российская Федерация, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6.

Аннотация. После революции 1917 года коренные изменения в общественном строе повлекли за собой образование нового социалистического права. Советская правовая система выражала узко классовые интересы пролетариата и обеспечивала сугубо государственные интересы. Авторами рассматриваются проблемы становления и реформирования советского уголовного законодательства о краже.

Ключевые слова: уголовное право в советский период, история развития уголовной ответственности за кражу, особенности наказания за кражу в послереволюционный период, квалифицирующие признаки кражи.

Формат цитирования: Эрхитуева Т.И., Илтакова Н.В. История развития института ответственности за кражу в советский период // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 42–45.

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LIABILITY IN THE SOVIET PERIOD

T.I. Erkhitueva, N.V. Iltakova

Buryat State University,
6 Sukhe-Bator Str., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation

Abstract. After the revolution of 1917, the fundamental changes in the social system resulted in the formation of a new socialist law. The Soviet legal system acted in the narrow-class interests of the proletariat and promoted inherently governmental interests. The authors consider the issues of the formation and reforming of the Soviet criminal legislation on theft.

Keywords: criminal law in the Soviet period, the history of the development of criminal liability for theft, features of punishment for theft in the post-revolutionary period, constituent elements of theft.

For citation: Erkhitueva T.I., Iltakova N.V. History of development of the institute of liability in the soviet period // Social competence, 2017, vol 2, no 4, pp. 42–45. (In Russian)

До принятия первого советского уголовного кодекса не существовало единой системы норм о преступлениях против собственности с четко очерченными составами преступлений и соответствующими санкциями.

Однако в некоторых декретах делались попытки сформулировать отдельные нормы [1, с.56–57]. Так в декрете Совета Народных Комиссаров от 5 мая 1921 года «Об ограничении прав по судебным приговорам» перечислены такие преступления как кража, разбой, грабеж, мошенничество, вымогательство, присвоение и растрата.

Другой декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 1 июня 1921 года «О мерах борьбы с хищением из государственных складов и должностными преступлениями и способствующими хи-

щениями». К уголовно наказуемым деяниям относились: незаконный отпуск товаров лицами, работающими в органах снабжения, распределение, заготовки и производства, а также работниками складов, баз; заведомо незаконное получение товаров из государственных складов, баз, мельниц и т. д. Виновные подвергались строгой изоляции на срок не ниже трех лет и высшая мера наказания при отягчающих обстоятельствах (многократность вменяемых деяний, массовый характер хищения, ответственность занимаемой должности и т. д.) [2, с. 504–505].

Невозможность сиюминутной разработки нормативно-правовых актов, малограмотность значительной части населения, привлекавшейся к судебной деятельности, – вот, по мнению, А.В. Верещагиной основные причины, побудившие отказаться от радикальных положений проекта Декрета № 1

и обусловившие привлечение буржуазных специалистов.

Таким образом, Декретом № 1 закреплялась полисистемная модель организации юстиции дооктябрьского периода [3, с.108].

Ко второй половине 1921 г. коллегия наркомата юстиции РСФСР разработала проект Уголовного кодекса. Он был внесен в Совет Народных Комиссаров РСФСР, а затем передан на рассмотрение во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР. III сессия ВЦИК IX созыва внесла в проект ряд изменений. 24 мая 1922 года проект ею был утвержден и введен в действие в качестве Уголовного кодекса РСФСР с 1 июня 1922 года [4, с.26].

В особенной части были указаны преступления против собственности, такие как кража, грабеж, разбой, присвоение вверенного имущества, мошенничество, вымогательство (в том числе и шантаж), умышленное истребление или повреждение имущества.

Кража представляла собой тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. снизил санкции за имущественные преступления по сравнению с прежним Уголовным кодексом.

Наказание за кражу личного имущества по п. «в» ст. 162 составляло лишение свободы на срок до одного года, за кражу из государственных и общественных складов при особо отягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок до пяти лет п. «д» ст. 162. Максимальный срок лишения свободы составлял 10 лет.

7 августа 1932 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [5, с. 62].

Объектом уголовно-правовой охраны становится социалистическая (государственная, колхозная, кооперативная) собственность.

За хищение (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте, колхозного и кооперативного имущества в

качестве наказания закон предусматривал расстрел с конфискацией имущества, при смягчающих обстоятельствах лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «О хищении государственного и общественного имущества» предусматривалось три состава преступления: хищение государственного имущества, хищение колхозного, кооперативного и другого общественного имущества, недонесение о квалифицируемом хищении.

Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества караются заключением в исправительном трудовом лагере на срок от 7 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой; при квалифицирующих признаках лишение свободы повышалось до 25 лет. За хищение общественного имущества сроки лишения свободы были несколько меньше, но верхний их предел достигал 20 лет. По Указу устанавливалась ответственность даже за недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества [6, с. 361].

Второй Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» установил ответственность только за кражу и разбой по отношению к личному имуществу.

Важно отметить, что понятия кражи и разбоя в Указе отличались от даваемых в Уголовном Кодексе РСФСР 1926 г. их определений. Так, кража в Указе была определена как «тайное или открытое похищение личного имущества граждан, т. е. она по существу включала в себя и грабеж.

Квалифицирующими признаками являлись повторность и совершение кражи шайкой.

27 октября 1960 г. Верховный Совет РСФСР принял третий советский Уголовный кодекс, который вступил в силу с 1 января 1961 года.

В Уголовном кодексе преступления против социалистической собственности наказывались строже таких же преступлений, но направленных против личной собственности. Кража государственного или общественного имущества при особо отяг-

чающих обстоятельствах наказывалась лишением свободы на срок от 5 до 15 лет, с конфискацией имущества или без нее, тогда как подобная кража личного имущества наказывалась лишением свободы на срок от 4 до 10 лет.

Кражей называлось тайное похищение государственного, общественного или личного имущества.

Квалифицирующими признаками были совершение хищения повторно, по предварительному сговору группой лиц, особо опасным рецидивистом, в крупных размерах, с применением технических средств.

Законом РСФСР от 25 июня 1962 года Уголовный кодекс был дополнен статьей 93, которой допускалось применение смертной казни за хищение государственного или общественного имущества «в

особо крупных размерах, независимо от способа хищения», если стоимость похищенного превышала 10 000 рублей.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР» в ст. 89 и ст. 144 Уголовного кодекса РСФСР были внесены изменения, которые привели к появлению в советском уголовном законодательстве нового состава преступления – квалифицированного вида кражи государственного и личного имущества («с проникновением в жилище»), («помещение или иное хранилище»).

Таким образом, законодатель установил приоритет уголовно-правовой охраны государственной и общественной собственности, что привело к ужесточению мер наказания за данные преступления.

Библиографический список

1. Шматов В.М, Золотарева Е.В. История развития российского законодательства о кражах // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции. 2017. С. 56–57.
2. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 45.
3. Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и содержание // Журнал российского права. 2011. С.108.
4. Елисеев С.А. Преступления против собственности по УК РСФСР 1922 г. // Сибирский юридический вестник. ИГУ. 2004. № 1.
5. Семенов В.М. История развития уголовного законодательства России об ответственности за кражу в советский период // Российский следователь. 2005. № 3. С. 61– 64.
6. История отечественного государства и права. Ч. 2. М.: Юристъ, 2006. С. 361.
7. Новицкая Т.Е. Использование дооктябрьских норм права в первый год Советской власти // Правоведение. 1983. № 3. С. 48–54.
8. История советского уголовного права // А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский. М., 1947.
9. Материалы Народного комиссариата юстиции // Народный суд. Вып. 2. М., 1918.
10. Еженедельник советской юстиции. М.: 1922. № 44–45.
11. Семенов В.М. История развития уголовного законодательства России об ответственности за кражу в советский период // Российский следователь. М.: 2005. № 3. С. 61– 64.
12. Савелов О.П. Исторические аспекты возникновения квалифицирующего признака кражи (незаконного проникновения в жилище) // История Органов Внутренних Дел России: сборник научных трудов. М., 2001.

References

1. Shmatov V.M, Zolotareva E.V. Development of Russian Law on Theft. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki v deyatel'nosti podrazdelenii politzii*. [Topical Issues of Theory and Practice in Police Unit Activities], 2017, pp. 56–57. (In Russian)
2. *Ezhenedel'nik sovetsoi yustitsii* [Weekly Publication of Soviet Justice], 1922, no. 44–45, pp. 45.
3. Vereshchagina A.V. Decree No. 1 on the Court: History of Preparation and Content. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2011, p.108.
4. Eliseev S.A. Property crime in Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, 1922. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Juridical Vestnik]. ISU, 2004, no. 1.
5. Semenov V.M. History of Development of Russian Criminal Legislation on theft in the Soviet Period. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2005, no. 3, pp. 61– 64. (In Russian)
6. History of the Russian State and Law. Part. 2, Moscow, Yurist Publ, 2006, p. 361.
7. Novitskaya T.E. Application of pre-October Statutes of the Law during the First Year of Soviet Power]. *Pravovedenie* [Legal Studies], 1983, no. 3,

pp. 48–54. (In Russian)

8. A.A. Gertsenzon, Sh.S. Gringauz, N.D. Durmanov, M.M. Isaev, B.S. Utevsii. *Istoriya sovetского уголовного права* [History of the Soviet Criminal Law]. Moscow, 1947.

9. *Materialy Narodnogo komissariata yustitsii. Narodnyi sud* [Materials of People's Commissariat of Justice. People's Court]. Moscow, iss. 2, 1918.

10. *Ezhenedel'nik sovetской yustitsii* [Weekly Publication of Soviet Justice]. Moscow, 1922, no. 44–45.

Сведения об авторах

Эрхитуева Татьяна Ильинична, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Бурятского государственного университета, e-mail: tanja_77@mail.ru

Илтакова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, e-mail: ulynpa@mail.ru

Критерии авторства

Эрхитуева Т.И., Илтакова Н.В. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 10.12. 2017 г.

(In Russian)

11. Semenov V.M. History of Development of Russian Criminal Legislation on theft in the Soviet Period. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator]. Moscow, 2005, no. 3, pp. 61–64. (In Russian)

12. Savelov O.P. Historical Aspects of the Constituent Element of Theft (Home Invasion). *Istoriya Organov Vnutrennikh Del Rossii: sbornik nauchnykh trudov* [History of Internal Affairs Bodies of Russia: Collection of Research Papers]. Moscow, 2001.

Author credentials

Erkhitueva Tatyana Ilyinichna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department, e-mail: tanja_77@mail.ru

Iltakova Natalya Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Theory, History of State and Law Department, e-mail: ulynpa@mail.ru

Criteria for Authorship

Erhitueva T.I., Iltakova N.V. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Received 10 December 2017

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА
И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ**

© Н.Е. Горская

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «смысл», «смыслообразование». Представлены различные точки зрения исследователей на данную проблему. Подчеркивается недостаточность в разработке целостной теории смысла. Указывается на то, что отправной точкой в исследовании смысла и смыслообразования для многих мировых ученых являются работы по экзистенциальной и гуманитарно-ориентированной психологии. Описываются современные подходы к смыслу и смыслообразованию в учебном процессе. Делается вывод о том, что на данный момент в отечественной психологии существуют подходы к проблеме смысла и смыслообразования, которые можно рассматривать в контексте учебного процесса.

Ключевые слова: *смысл, смыслообразование, учебный процесс, социальные ценности, жизненные ценности и установки.*

Формат цитирования: Горская Н.Е. Современные подходы к проблеме смысла и смыслообразования в учебном процессе // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 46–51.

MODERN APPROACHES TO MEANING AND MEANING-MAKING ISSUES IN EDUCATIONAL PROCESS

N.Ye. Gorskaya

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the concepts «meaning», and «meaning-making» and provides various viewpoints of scientists on this issue. It emphasizes that the holistic theory of meaning is insufficiently developed. The author shows that the starting point for scientists in the study of meaning and meaning-making is existential and humanitarian-oriented researches. Modern approaches to meaning and meaning-making in educational process are described. The article concludes that currently in the domestic psychology there are approaches to the problem of meaning and meaning formation that can be considered in the context of the educational process.

Keywords: *meaning, meaning-making, educational process, social values, values and attitude towards life*

For citation: Gorskaya N.Ye. Modern approaches to meaning and meaning-making issues in educational process // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 46–51. (In Russian)

Одной из важнейших тем исследования в отечественной психологии на протяжении многих лет остается проблема смысла и смыслообразования личности обучающихся. Это связано, в первую очередь, с глобальными экономическими и социальными изменениями в мире, оказывающими большое влияние на молодое поколение. Учитывая данный факт, актуальным является изучение смысла и смыслообразования обучающихся, поскольку именно смысловая сфера личности составляет основу жизненных ценностей, определяя тем самым направленность ее познания (К.В. Абакумова, А.Г. Асмолов, Н.А. Васильев, Д.А. Леонтьев, А.В. Серый,

М.С. Яницкий и др.).

В психологии понятие «смысл» трактуется как единство взаимоотношений человека с миром, характеризуя значимость для познающего субъекта тех или иных объектов и явлений постигаемой им действительности. Впервые эта проблема нашла осмысление в «описательной психологии», ярким представителем которой является В. Дильтей [1].

Научная идея данной проблемы заключается в раскрытии смыслового содержания душевной жизни человека, неразрывной связи с окружающей действительностью и психофизическими процессами. Под термином «смысл» ученый понимал

ценность жизни человека, его эмоции, чувства, всю полноту той жизни, которую он испытывает. Однако первичным, по В. Дильтею, является субъект, что говорит о некоторых ограничительных рамках данной теории. Последователями научных идей В. Дильтея стали Э. Шпрангер, З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, Э. Фромм, К. Роджерс и др. Однако взгляды ученых на проблему смысла резко разделились. В одних зарубежных теориях смысл наделяется субъективными характеристиками и выражает субъективную реальность личности, ее внутренний мир. В других он выступает как независимый феномен объективной действительности, существующей в объективных отношениях.

В отечественной психологии проблемами смысла и смыслообразования занимались такие известные ученые как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.Г. Асеев, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Е.В. Субботский, В.К. Вилюнас, Б.А. Сосновский, В.Е. Кемеров, А.В. Серый и др. Стоит отметить, что несмотря на общее понимание важности понятия «смысл», точки зрения, теории, позиции, относительно интерпретация данного феномена, также неоднозначны. Это связано с недостаточной разработанностью целостной теории смысла, многогранностью сущности по своей природе самого смысла и смыслообразования. Так, существующие теории представляют смысл такими понятиями как «личностный смысл», «смыслообразование», «индивидуализированный смысл», «социализированный смысл», «смысловая установка», «смысловое взаимодействие» «содержание», «смысловая сфера человека», «мотив» и многое другое. В.Г. Асеев в своих работах использует понятие «психологический смысл» [2], В.Е. Кемеров считает, что уместно оперировать понятием «жизненный смысл» [3], А.Г. Асмолов личностный смысл понимает как «содержание» [4].

Интересной, на наш взгляд, является теория А.В. Серого, по мнению которого смысл – целостная совокупность жизненных отношений, которые являются ценностной системой личности. Под личностным смыслом ученый понимает сознание человека, которое является связующим звеном между различными его подсистемами. Эти подсистемы отражают процессы развития и

функционирования личности в процессе жизнедеятельности человека. Исследователь считает, что определяющими критериями организации смысловой системы является взаимоотношение между познанием личности и окружающей ее действительностью, что способствует появлению и функционированию смысловых образований [5]. А.В. Серый делает вывод о том, что при осмысливании процесса и результатов конкретной деятельности одного вида отношений, возникают новые задачи, которые дают возможность для развития и переход к другому типу деятельности, обуславливая тем самым функционирование смысловых образований уже на более высоком уровне [6]. В работах А.В. Серого также акцентируется внимание на том, что к учебному процессу необходимо относиться как к смысловой реальности, учитывая ее особенности и саму специфику понятия «смысл» [6]. Предметом исследования, как указывает ученый, чаще всего, являются смысловые особенности обучающихся в условиях учебной деятельности с элементами внутренней дифференциации. В.И. Панов объясняет это тем, что смыслы – это единицы сознания, в связи с чем активно задействованным оказывается потенциал сознания обучающихся, который и обеспечивает их личностно-смысловое развитие [7].

Следует отметить, что отправной точкой в исследовании смысла и смыслообразования для многих мировых ученых являются работы по экзистенциальной и гуманитарно-ориентированной психологии. Идеи гуманистической психологии, ярким представителем которой является А. Маслоу, направлены на изучение природы человека, его внутренние и внешние проявления через понятие «самоактуализация», т. е. через реализацию своих способностей, с целью жить полноценной, разносторонней, удовлетворяющей жизнью [8].

Для выявления особенностей формирования смысла и смыслообразования необходимо изучение этих феноменов в различных плоскостях научного знания. Наиболее значимыми для современной теории смысла являются те подходы, в которых смысл рассматривается как «ядро» личности. Одной из таких теорий является концепция интегральной индивидуальности

В.С. Мерлин, из которой следует, что смысл необходимо рассматривать как систематизирующую способность, которая влияет на все подсистемы человека, подчиняя их себе в той или иной мере [9].

В своей статье мы рассматриваем современные подходы к смыслу и смыслообразованию в учебном процессе. Как указывает С.Д. Смирнов, смысловая реальность учебного процесса – это весомый объект психолого-педагогического исследования [10].

Данную проблему исследовали И.В. Абакумова (Смыслообразование в учебном процессе, деятельность-смысловая модель в обучении), А.К. Белоусова (Организация совместной мыслительной деятельности учащихся), И.А. Васильев (Смысловая регуляция мыслительной деятельности), П.Н. Ермаков (Смыслообразовательные стратегии подростков, разной познавательной направленности), В.П. Зинченко (Живое знание), В.В. Знаков (Операциональные смыслы как фактор избирательности и целенаправленности мыслительного поиска), Е.В. Клочко (Инициация мыслительной деятельности), Е.Ю. Патяева (Заданное, стихийное и самоопределяемое учение), Э.Е. Телегин (Концепция регуляции и саморегуляции творческой мыслительной деятельности) и др.

На данный момент в отечественной психологии существуют подходы к проблеме смысла и смыслообразования, которые можно рассматривать в контексте учебного процесса.

Интересной и наиболее значимой, на наш взгляд, является трактовка смысла крупнейших отечественных философов-гуманистов конца XIX начала XX века Н.А. Бердяев, С.Л. Франка, П.А. Флоренского, М.М. Бахтина и др., по мнению которых смысл существования человека, его основа заключается в нравственных, духовных и культурных ценностях. Данный подход в современной его трактовке, называется культурологическим; именно в этом подходе смысл проявляется наиболее значимо, поскольку смысл рассматривается как чисто личностное качество познающего культуру субъекта, где предпочтение отдается в предмете исследования тому объективно-содержанию, которое несет в себе культура. Культура содержит в себе поми-

мо смысла, факты, имеющие непосредственное отношение к смыслообразованию обучающихся: отработка, переработка, усвоение, трансляция и др. В связи с этим, культурологический подход в обучении необходимо рассматривать как смыслообразующий фактор, поскольку предполагает не только смыслы, но и способы, методы смысловой организации учебного процесса. Следует отметить, что особенность культуры в учебном процессе проявляется в диалоге. Этот факт раскрывает М.М. Бахтин в теории диалога культур, представляя диалоги автора со своими героями, героев между собой, диалог читателя с автором и т. д. [11]. Таким образом, культура в учебном процессе выступает как носитель смысловых диалогов, иницируя и актуализируя смыслообразовательные процессы обучающихся. А.Н. Леонтьев в своих работах рассматривает учебный процесс как передачу культурных ценностей от одного поколения к другому через процесс раскрытия смыслов в научных и литературных источниках, произведениях искусства, традициях и т. д. [12]. Можно сделать вывод о том, что обучение с точки зрения культурологического подхода придает целостность дифференцированной культуре, обеспечивая множественный диалог и погружение учащихся в его смысловой континуум.

В учебном процессе также выделяется семиотический подход, суть которого заключается в рассмотрении учебного процесса с точки зрения некоего комплексного, динамически развертывающегося текста в реальной действительности. Согласно данному подходу, то мышление обучающегося по отношению к какому-либо объекту, который необходимо изучить, будет неопределенным, континуумным. За единицу текста следует принимать некий субъектный образ, извлечь который из мышления обучающегося возможно лишь разрушив всю его структуру. Интересным, на наш взгляд, представляется тот факт, что согласно данному подходу, знаком мышления преподавателя, наоборот, является понятие как свободная в своем движении единица. Это можно представить следующим образом. Любое высказывание, произнесенное обучающимся на своем языке и преподавателем на своем языке в одном

континуумном пространстве знаков не будут равными. Преподаватель и обучающийся находятся в оппозиционной семиотической связи, поэтому у каждого смысл порождается по-разному, в результате взаимодействия разнородных знаковых систем, на субъективном уровне.

Герменевтический подход, наоборот, рассматривает скрытый смысл текста, разделяя его на значения и смыслы. С точки зрения данного подхода, контекстное прочтение и осмысление текста становятся важным механизмом смыслообъяснения в учебном процессе. Особое значение приобретают также знания и понимание подлинного смысла текста. В тексте может быть заключено одно значение, но несколько смыслов, или текст может не иметь значения вообще, в силу того, что в реальности ему ничто не соответствует, но иметь при этом смысл. При прочтении текста возникают и раскрываются определенные смыслы, и, текст оказывается объективно прочитанным. Поэтому учебная деятельность может быть организована именно таким образом, результатом которой являются смыслы, которые передаются обучающемуся, приобретая характер личностных смыслов. При организации данной деятельности ясно прослеживается смыслообразующее значение герменевтики.

Немаловажную роль в учебном процессе играет аксиологический подход (греч. *axiologie* – ценность), основой которого являются базовые ценности культуры и личностные смыслы. Эти ценности имеют свою особенность: возникнув из ситуативных смыслов, являясь стержневой основой личности, представляют собой устойчивые установки. Как указывает Н.А. Журавлева, ценностные ориентации имеют смысло-жизненное значение в достижении которых играют роль личностные качества, образцы поведения, являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций [13]. В конкретной ситуации система ценностей обучающихся является источником смыслообразования, поскольку имеет смысловую природу. Учитывая данную особенность системы ценностей обучающихся, можно спрогнозировать спонтанные смыслообразования и, таким образом, обогатить ценностные ориентации и все ценностные регуляции. М.С. Яницкий указывает на то, что

типы ценностных систем обучающихся не только могут соответствовать определенным этапам развития общества, но и определяются уровнем развития самой личности [14]. Данную точку зрения разделяет И.А. Свиридова, считая, что ценностные ориентации являются индикаторами психологического здоровья личности [15]. Понятие «ценности» могут трактоваться учеными в различных значениях, однако можно констатировать, что это – социальный ориентир «достойного поведения» личности.

Учитывая выше сказанное, можно сделать вывод, что личностные ценности, являясь регуляцией жизнедеятельности обучающихся, должны соответствовать социальным ценностям, принятым в обществе и социальной группе. В связи с этим, основной задачей аксиологического подхода является формирование и развитие самих личностных ценностей обучающегося и интериоризация социальных ценностей в личностные. Данный подход тесно связан с экзистенциальным (от лат. *existentia* – существование, бытие). Однако, если аксиологический подход направлен на все ценности как таковые, то экзистенциальный – на сугубо индивидуальные ценности личности. Важное значение имеет уникальность и неповторимость личности, все ее жизненные этапы, циклы и события. Суть данного подхода заключается в том, чтобы сделать учебную деятельность обучающихся свободной и открытой, со всеми ее экзистенциальными проявлениями. Другими словами, смыслообразующая направленность экзистенциального подхода заключается в необходимости понимания учебного процесса с точки зрения видения обучающимся смысла своих действий. Учебный процесс направлен на задачу образования смыслов учения и познания, т. е. на задачу смыслообразования в целом. Однако, учебный процесс должен быть взаимосвязан с реальной жизнедеятельностью обучающихся и с целью переориентации учебного процесса на жизненные ценности, которые непосредственно влияют на них. Такой подход позволяет объединить действительный, практический, интеллектуальный (духовный) смысл жизни с собственными чувствами, переживаниями и другими личностными проявлениями обучающихся.

Феноменологический подход (от греч. *phainomenon* – являться, быть видимым) в обучении проявляется в подвижности и динамике смысла и смыслообразования. Внимание обращено к глубинным проявлениям сознания, таким как предчувствие, ожидания, ощущение близости истины и другие его смысловые проявления. А.Г. Асмолов, раскрывая сущность данного подхода, отмечает, что феноменологическая сфера личности характеризуется не только сознанием и осознаваемыми смыслами, но и неосознаваемыми смысловыми установками, такими как подсознание, надсознание, сверхсознание, предсознание. Если рассматривать данный подход относительно смысловой образующей учебной деятельности, то можно констатировать, что феноменология ориентирует учебный процесс на сознание и сверхсознание обучающихся, тем самым создавая предпосылки смыслового обеспечения учебной деятельности. Это дает возможность преподавателю акцентировать внимание на использование соответствующих этому дидактических средств. К ним можно отнести учебный материал, направленный на творчество и креативную деятельность обучающихся. Творчество в процессе обучения представляет собой порождение и самодвижение смыслов, расширяя прежние и способствуя возник-

новению новых, дополнительных смыслов.

В рамках синергетического подхода (от греч. *synergeia* – совместное действие) учебный процесс рассматривается с точки зрения гуманитарной направленности. Самоорганизация обучающегося является основой данного подхода, при котором расширяется пространство выбора. В учебном процессе эта свобода выбора, в большинстве случаев – множественна и определяется, в основном, смысловой значимостью для обучающихся изучаемых реальных. Открывая новые смыслы, осознавая их, принимая одни и отказываясь от других – свидетельство синергетической природы смыслообразования обучающихся.

Таким образом, анализ данных современных подходов к проблеме смысла и смыслообразования в учебном процессе показывает насколько сложна и актуальна данная проблема. Для ее детального изучения требуется, в первую очередь, целостная система в определении понятия «смысл», которое напрямую связано с представлениями о человеке, его личности и жизнедеятельности. Смыслы и смысловые образования в учебном процессе во многом определяют специфику взаимоотношений между обучающимся и окружающим его миром, характеризуя значимость для познающего тех или иных объектов и явлений постигаемой им действительности.

Библиографический список

1. Дильтей В. Описательная психология: перевод с немецкого. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.
2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.
3. Кемеров В.Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М.: Политиздат, 1977. 256 с.
4. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2010. 447 с.
5. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 270 с.
6. Серый А.В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 186 с.
7. Панов В.И. Некоторые подходы к методологии развивающего образования // Психологическая наука и образование. 1998. № 3 / 4. С. 38–46.
8. Маслоу А. Мотивация и личность; пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Питер, 2011. 351 с.
9. Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1971. 120 с.
10. Смирнов С.Д. Педагогическое и психологическое высшее образование: от деятельности к личности: учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 304 с.
11. Бахтин М. М. Человек в мире слова. М.: Изд-во РОУ, 1995. 139 с.
12. Леонтьев Д.А. Смысл и побудительная сила мотива // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности / ред. Л.И. Анцыферова, Т.И. Артемьева, В.Г. Асеев, Ин-т психол. АН СССР. М., 1988. С. 47–51.
13. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 35–53.
14. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. 213 с.

15. Свиридова И.А. Ценностно-смысловые индикаторы психологического здоровья личности // Проблема здоровья личности в теоретической и прикладной психологии: материалы Междуна-

родной научно-практической конференции / под ред. Н.А. Кравцовой. Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2011. С. 190–197.

References

1. Dil'tei V. *Opisatel'naya psikhologiya: perevod s nemetskogo* [Descriptive Psychology: Translation from German]. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ., 1996, 160 p.
2. Aseev V.G. *Motivatsiya povedeniya i formirovaniye lichnosti* [Motivation of Behaviour and Personality Formation]. Moscow, Mysl Publ., 1976, 158 p.
3. Kemerov V.E. *Problema lichnosti: metodologiya issledovaniya i zhiznennyi smysl* [Personality Problem: Methodology of Studies and Life Meaning]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, 256 p.
4. Asmolov A.G. *Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Personality Psychology: Cultural and Historical Understanding of Human Evolution]. Moscow, Smysl Publ., 2010, 447 p.
5. Seryi A.V. *Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funktsii, dinamika*. [Personal Meanings System: Structure, Functions, Dynamics]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2004, 270 p.
6. Seryi A.V. *Psikhologicheskie mekhanizmy funktsionirovaniya sistemy lichnostnykh smyslov* [Psychological Mechanisms of Functioning of Personal Meanings System]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2002, 186 p.
7. Panov V.I. *Nekotorye podkhody k metodologii razvivayushchego obrazovaniya* [Some Approaches to Developmental Education Methodology]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 1998, no. 3 / 4, pp. 38–46. (In.Russian)
8. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2011, 351 p.
9. Merlin B.C. *Lektsii po psikhologii motivov che-*

- loveka [Lectures on Human Motives Psychology]. Perm. PGPI Publ, 1971, 120 p.
10. Smirnov S.D. *Pedagogicheskoe i psikhologicheskoe vysshee obrazovanie: ot deyatel'nosti k lichnosti* [Psychological and Pedagogical Higher Education: from Activity to Personality]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya» Publ, 2001, 304 p.
11. Bakhtin M. M. *Chelovek v mire slova* [Man in the World of the Word]. Moscow: ROU Publ, 1995, 139 p.
12. Leont'ev D.A. *Smysl i pobuditel'naya sila motiva* [Meaning and Propulsion of Motive]. *Motivatsionnaya regulyatsiya deyatel'nosti i povedeniya lichnosti* [Motivational Regulation of Personality's Activity and Behaviour]. Institute Psychology AN SSSR. Moscow, 1988, pp. 47– 51. (In.Russian)
13. Zhuravleva N.A. *Dinamika tsennostnykh orientatsii molodezhi v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii* [Dynamics of Youth Value System in Social-Economic Conditions]. *Psychological Journal*, 2006, vol. 27, no. 1, pp. 35–53. (In.Russian)
14. Yanitskii M.S. *Tsennostnoe izmerenie massovogo soznaniya* [Value Measure of Collective Consciousness]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2012, 213 p.
15. Sviridova I.A. *lichnosti* [Axiological Indicators of Personality's Psychiatric Health]. *Problema zdorov'ya lichnosti v teoreticheskoi i prikladnoi psikhologii* [Personality's Health Issue in Theoretical and Applied Psychology]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [International Scientific-Practical Conference Materials]. Vladivostok: Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy. 2011, pp. 190 – 197. (In.Russian)

Сведения об авторе

Горская Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 для технических специальностей факультета прикладной лингвистики, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Критерии авторства

Горская Н.Е. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Author credentials

Natalya Ye. Gorskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, Faculty of Applied Linguistics, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Authorship Criteria

Natalya Ye. Gorskaya has done research, formalized the research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interests

The author declares no conflict of interests

Статья поступила 1.10.2017 г.

Received 1 October 2017

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ

© Н.Е. Горская, Е.А. Прибылева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «смысл», «смыслообразование», которые являются значимыми в общей теории развития личности. Представлены различные точки зрения исследователей на данную проблему. Обосновывается необходимость изучения особенностей смыслообразования в профессиональном обучении. Особое внимание уделяется специфике дизайнерской деятельности, требующей креативности мышления, которая является одной из основных профессиональных качеств. Исследуются смысловые особенности студентов-дизайнеров. Используется фигурный тест Э. Торренса, направленный на диагностику уровня креативности и творческого мышления студентов. Описываются результаты исследования, делается вывод о том, что креативностью изначально наделены творческие личности, способные реализовать личностный смысл средствами окружающего их мира.

Ключевые слова: смысл, смыслообразование, креативность, творческое мышление, смысловые особенности.

Формат цитирования: Горская Н.Е., Прибылева Е.А. Особенности формирования смысла и смыслообразования студентов-дизайнеров // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 52–59.

FEATURES OF DESIGN STUDENTS' MEANING AND MEANING-MAKING FORMATION

Gorskaya N.Ye., E. A. Pribyleva

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article deals with the concepts «meaning», «meaning-making» that are significant in the general theory of personality development and provides various viewpoints of scientists on this issue. It proves the necessity to study meaning making features in vocational education and training. Particular attention is paid to the specificity of design activities that require creative thinking, one of the main professional qualities. The semantic features of Design students are explored with the aid of the figural test by E. Torrens aimed at diagnosing students' level of creativity and creative thinking. The author provides the results of the study and concludes that creative individuals capable to realize personal meaning by means of the world around them are originally endowed with creativity.

Keywords: meaning, meaning-making, creativity, creative thinking, meaning features

For citation: Gorskaya N.Ye., Pribyleva E.A. Features of design students' meaning and meaning-making formation // Social Competence, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 52–59. (In.Russian)

Актуальной темой исследований различных направлений науки в настоящее время являются процессы смыслообразования личности обучающихся. Экономические и социальные изменения в нашей стране оказывают влияние не только на общество в целом, но и на каждого обучающегося в отдельности. Это проявляется в изменениях ценностных ориентаций, норм поведения, неясности мотивации и самих процессов социализации. В связи с этим, необходимо изучение смысловой сферы личности обучающихся, которая подчиняет себе все ее жизненные проявления, со-

ставляя основу смысложизненной ориентации, определяя направленность и пристрастность познания (К.В. Абакумова, А.Г. Асмолов, Н.А. Васильев, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, А.В. Серый, М.С. Яницкий и др.). Несомненно, любому возрастному периоду свойственны сложные личностные перемены, выражающиеся в пересмотре жизненных смыслов, целей, ценностей, изменении жизненных планов. Для нашего исследования актуальным является изучение особенностей смысловых образований студентов-дизайнеров на этапе профессионального обучения.

Несмотря на достаточную теоретическую разработанность смысла и смыслообразований в психологии, исследований, относительно особенностей, свойств и механизмов единства содержательных и динамических их проявлений в профессиональном обучении, пока еще немного.

В отечественной и зарубежной психологии мы находим различные теоретические обоснования, относительно формирования и развития смысловых образований личности. Так, их описание представлено в зарубежной литературе, в частности, в психоанализе (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг), в неопрейдизме (Э. Фромм), в персоналистическом направлении (К. Роджерс, В. Франкл, В. Штерн) и в социокультурном подходе (Дж. Брунер, М. Коул, Э. Дэвидсон). Несмотря на различные подходы к изучению данной проблемы, для всех исследователей очевидно, что смысловые образования напрямую зависят от взаимоотношений между личностью и миром, характеризующаяся значимостью для познающей личности тех или иных объектов и явлений постигаемой ею действительности.

Следует отметить, что особое влияние на формирование современной теории смысла в психологии оказала теория З. Фрейда, согласно которой природа смысла двойственна: с одной стороны, личностное поведение имеет определенный (явный смысл), а с другой, этот смысл определяется первичным (скрытым смыслом) [1].

Интересными, на наш взгляд, представляются социокультурные исследования смыслообразований (Дж. Брунер, М. Коул, Э. Дэвидсон и др.). Данные исследования показали, что, несмотря на значительные различия в системе значений, логических схем и знаний в целом, познавательный механизм достаточно универсален для представителей самых разных культур. Образованные их представители по складу ума более схожи между собой, чем необразованные и образованные представители одной и той же культуры. Из этого исследователи сделали вывод, что гетерогенность человеческого мышления объясняется особенностями смыслообразования каждой конкретной личности, а не системой знаний и традициями образования.

Что касается отечественной трактовки смысла и смыслообразования то, преж-

де всего, необходимо рассмотреть некоторые философские подходы к данной проблеме. Наиболее ценными для нашего исследования являются взгляды крупнейших отечественных философов-гуманистов конца XIX – начала XX века Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, П.А. Флоренского, М.М. Бахтина и др. По мнению ученых, смысл существования человека, его основа заключается в нравственных и духовных ценностях (покаяние, очищение, спасение души), ключевым символами которых является свобода и творчество, заключающаяся в абсолютном смысле [2–5].

Рассматривая проблему смысла и смыслообразования с точки зрения отечественной психологии следует отметить, что категорию «смысл» ввел Л.С. Выготский в 20-е годы прошлого века. По мнению ученого, личность познает и ощущает окружающий ее мир значениями, осознавая, что мышление – это не только система отражения объективных значений, но и ее внутреннее состояние [6]. В дальнейшем теорию смыслообразования Л.С. Выготского развивают А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.Г. Асеев, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь и др., уделяя внимание личностным характеристикам человека [7].

Современные исследователи (В.С. Мерлин, И.В. Абакумова, А.К. Белоусова, И.А. Васильев, В.П. Зинченко, Е.В. Ключко, Э.Е. Телегин и др.) рассматривают смысл, исходя из интегральной индивидуальности личности.

Как отмечалось выше, проблема личностного смысла в профессиональном обучении является наиболее значимой в общей теории развития личности. Наиболее глубоко данная проблема была изучена И.В. Абакумовой, которая не только исследовала смысловой компонент, но и выделила критерии развития личностного смысла обучающихся [8].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что для изучения и выявления смысловых особенностей обучающихся необходимо понимание и осмысление общей теории смысла и смыслообразования. Для нашего исследования важным является тот факт, что любая смысловая ситуации включает некое переживание, личное отношение к воспринимаемому образу, что приводит к формированию специ-

фической ценностно-смысловой установке. Эту установку сопровождает определенная эмоция, которая связывает предыдущие и последующие моменты смыслообразования личности, тем самым оказывая влияние на познавательную направленность личности. Сам процесс восприятия определенного образа в профессиональной деятельности, в свою очередь, влияет на личность и на дальнейшее формирование собственного личностного смысла.

Для нашего исследования актуальным представляется также изучение особенностей смыслообразования студентов-дизайнеров. Дизайнерская деятельность требует особого нестандартного мышления и характеризуется способностью объединять целостный образ будущего. Профессия дизайнера предполагает специфическое восприятие мира, которое заключается в динамизме процессов и постоянной изменчивости форм. Идея формирования проектного замысла определенного дизайна находится в единстве с проблемой выбранной темы проекта, отправной точкой которого является смыслообразование. Понимание смысла означает видение предмета как образа, что и формулирует тему проектной разработки. Для успешной разработки проекта, в свою очередь, предполагается наличие таких важных личностных характеристик, как креативность и творческий подход. Как указывает В.Ф. Сидоренко, особенностью дизайнеров является владение способами «метафорического понимания» мира, языка предметов, способность создания новых предметных форм, несущих в себе новые сообщения [9].

Исследованием креативности занимались такие крупные ученые как Е.П. Торренс, Дж. Гилфорд, Р. Дилтс, К. Роджерс, П. Эдварс, А.Х. Маслоу, С. А. Медник, В.Н. Дружинин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Б.М. Теплова. Несмотря на многообразие интерпретации данного понятия, большинство ученых определяют креативность через категорию смысла, как отношение человека к миру, осознание своего места в нем, выражая свой личностный смысл.

Современные исследователи (З.И. Калмыкова, Н.А. Ковешникова и др.) рассматривают креативность, как способность

личности к творчеству, подчеркивая влияние образовательной среды на формирование нестандартного мышления, как проявление независимости в суждениях, инициативности, а также, как развитие чувства прекрасного [10–11].

Цель нашего исследования – изучить особенности смыслообразования у студентов-дизайнеров. В своей работе мы исходим из предположения о том, что им присущи особенности формирования смысла и смыслообразования, выражающиеся в высоком уровне креативности и творческого мышления, поскольку, как указывалось выше, именно эти показатели рассматриваются как одни из основных профессиональных качеств дизайнера. Выявленные и изученные особенности смыслообразования обучающихся позволяют адекватно моделировать процессы формирования их смысловой сферы.

В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой были обозначены следующие исследовательские задачи:

1. Провести теоретический анализ по данной проблеме;
2. Определить содержательные характеристики креативности;
3. Выявить особенности формирования смыслообразования у студентов-дизайнеров.

Мы исходим из предположений, что студенты-дизайнеры изначально имеют высокий уровень креативности и творческого мышления. Для исследования уровня креативности и творческого мышления, нами использовался фигурный тест Э. Торренса [12]. Ответы на все задания данного теста даются в виде рисунков и подписей к ним. Время выполнения задания не устанавливается, поскольку креативный процесс предполагает свободную организацию временного компонента творческой деятельности. Художественный уровень исполнения в рисунках не учитывается. Обработка результатов всего теста предполагает оценку пяти показателей уровня креативности: «беглость», «оригинальность», «разработанность», «сопротивление замыканию» и «абстрактность названий». Полученный результат означает следующий уровень креативности по Торренсу: 30 – плохо; 30-34 – ниже нормы; 35-39 – несколько ниже нормы; 40-60 – норма; 61-65 – несколько выше нормы;

66-70 – выше нормы; >70 — отлично.

Выборку исследования составили студенты ИРНИТУ института архитектуры и строительства (36 человек). Результаты исследования уровня креативности представлены в диаграммах.

Как видно из диаграммы 1, основная часть испытуемых студентов (66,6 %) выполнили тест с результатом в пределах нормы. Число испытуемых, выполнивших тест выше нормы, составило 8,33 %. Число респондентов, у которых были выявлены отличные пока-

затели, составляет 3,25 %. Следует отметить, что студенты, выполнившие тест несколько ниже нормы, также присутствуют в группе испытуемых. Их число составило 21,82 % от общей выборки.

Далее мы проанализировали результаты теста на беглость (диаграмма 2). Анализ показал, что опрошенные студенты выполнили первое задания в среднем на 33 балла, второй – на 64,8. Данный показатель определяет скорость и продуктивность в решении профессиональных задач. Это

Диаграмма результатов Торренса

Диаграмма 1. Общие результаты

Субтест на беглость, баллы

Диаграмма 2. Беглость

выражается в законченности предложенных рисунков или определенных линий, фигур, в осмысленных и неповторяющихся изображениях, что говорит о наличии не одной идеи, а нескольких. Можно констатировать, что большому числу студентов-дизайнеров свойственна способность к порождению и воплощению идей, соответствующих требованиям к заданиям.

Как видно из диаграммы 3, в тестах на оригинальность студенты набрали от 7 до 10 баллов из 10 возможных. Достаточно большое число студентов (33,3 %) имеют максимальный балл. Число испытуемых,

набравших 7 баллов, составляет 25 %, 8 и 9 баллов – 16,6 %. «Оригинальность» является самым значимым показателем креативности. Студенты, набравшие высокие баллы, характеризуются способностью выдвигать оригинальные идеи, гибкостью мышления при поиске решения, умением делать большие умственные «скачки». Это свидетельствует о высокой интеллектуальной активности и неконформности, самобытности и уникальности, а также специфичности творческого мышления достаточного числа испытуемых.

Субтест на оригинальность

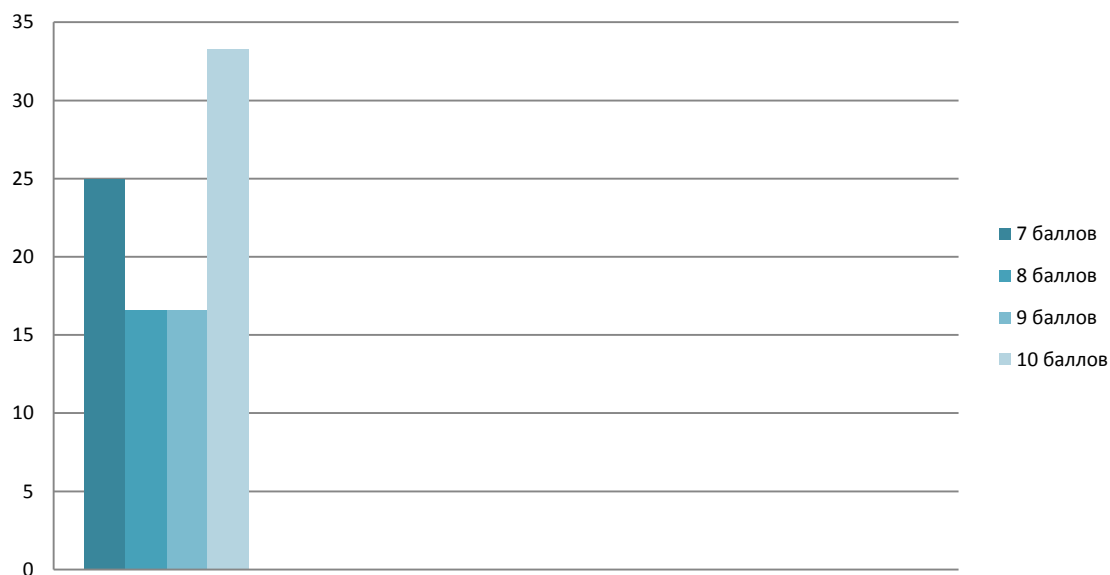

Диаграмма 3. Оригинальность

Субтест на разработанность, баллы

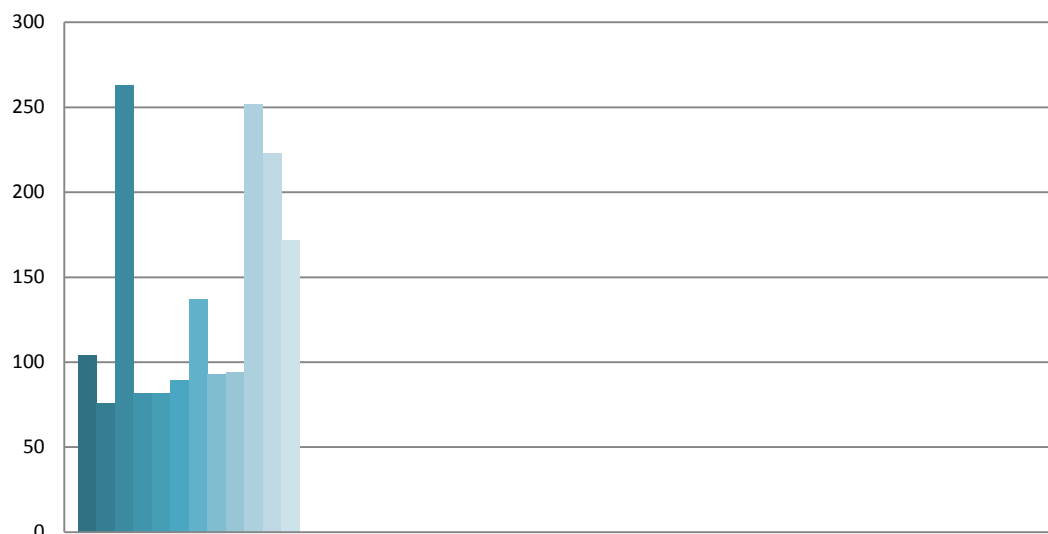

Диаграмма 4. Разработанность

Далее мы проанализировали данные по показателю «Разработанность». Разработанность отражает способность детально разрабатывать придуманные идеи. Высокие значения этого показателя характерны для учащихся с высокой успеваемостью, для тех, кто способен к изобретательской и конструктивной деятельности. Однако, показатель «разработанность» для такой выборки, как студенты-дизайнеры, не является ключевым, так как умение хорошо рисовать является скорее отличительной характеристикой их профессиональной деятельности, а не показателем креативности.

Интересно, что 91,66 % студентов вы-

полнили тест на сопротивление замыканию на максимальный балл. Этот тест исследует способность студентов длительное время оставаться открытым новизне и разнообразию идей, достаточно долго откладывать принятие окончательного решения для того, чтобы совершить мыслительный скачок и создать оригинальную идею. Другими словами, если фигура замыкается самым быстрым и простым способом (с помощью прямой или кривой линии, сплошной штриховки или закрашивания), баллы у студента равны 0. Если решение превосходит простое замыкание фигуры, т. е. тестируемый быстро и просто замыкает фигуру,

Субтест на сопротивление замыканию

Диаграмма 5. Сопротивление замыканию

Субтест на абстрактность названия

Диаграмма 6. Абстрактность названия

но дополняет ее деталями снаружи, внутри или не замыкается вообще, оставляя открытой часть рисунка, или фигура замыкается с помощью сложной конфигурации, то испытуемый набирает большое количество баллов.

На диаграмме 6 представлены результаты по показателю «Абстрактность названия». Из диаграммы видно, что максимально возможный балл набрали 25 % студентов. Средний показатель группы испытуемых равен 4,75 баллам из 6 возможных.

Это говорит о способности выделять главное, понимать суть проблемы. Данные характеристики тесно связаны с мыслительными процессами синтеза и обобщения.

Простые описательные названия, описывающие конкретные свойства нарисованных объектов, которые выражают лишь то, что мы видим на рисунке, либо описывают то, что человек, животное или предмет делают на рисунке, или из которых легко выводятся наименования класса, к которому относится объект, говорит о примитивности мышления. И, наоборот, образные описательные или абстрактные и философские названия, выражающие суть рисунка, говорят о глубинных смыслах.

Учитывая вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что большинство студентов-дизайнеров имеют особенности в области смыслообразования, которые выражаются в высоком уровне креативности.

Студенты, имеющие высокий уровень, изначально наделены творческими способностями, направленными на создание индивидуальных, своеобразных форм объектов. Им присуще индивидуальное своеобразие, восприятие и понимание окружающего их мира, единство художественного образа в различных аспектах, поскольку смысл, как указывалось выше – это раскрытие уже существующего, переосмысление и открытие нового. Креативная личность более свободно реализуется в жизненном пространстве, способна к пониманию и принятию других, чем личность некреативная. Высокая креативность, социальный интеллект и социальный статус являются, таким образом, взаимообусловленными факторами развития личности. Креативность не только способствует развитию личности в целом, но и делает возможным адаптацию студентов ко все более усложняющемуся миру. Высокий уровень развития смысловой сферы характеризуется умением переходить быстро и плавно на новую ступень развития как в личной, так и профессиональной сфере. Однако в ходе нашего исследования стало очевидным, что далеко не все студенты-дизайнеры обладают в достаточной мере характеристиками креативной личности. Низкий уровень развития смыслообразования характеризуется неопределенностью жизненного выбора и препятствует процессу развития личности.

Библиографический список

1. Фрейд З. Лекции по введению психоанализа: Т. 1. М., 1923. 251 с.
2. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство, 1994. 542 с.
3. Франк С.Л. Реальность и человек. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. 440 с.
4. Флоренский П.А. Разум и диалектика // Богословский вестник. 1914. № 9. С. 87.
5. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во РОУ, 1995. 139 с.
6. Выготский Л.С. Педология подростка // Детская психология. М., 1984. Т. 4. С. 5–242.
7. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо, 2002. (3). С. 57–65.
8. Абакумова, И.В. Личностные смыслы в образовательном процессе // Методы психологии. Ежегодник Российского психологического общества. Ростов н/Д, 1997. Т. 3. Вып. 1. С. 3–5.
9. Сидоренко В.Ф. Дизайнерские методы познания // Библиотека дизайнера. Дизайн в образовательной системе. М.: ВНИИТЭ, 1994. 130 с.
10. Калмыкова З.И. Продуктивное мышление как основа обучаемости. М.: Педагогика, 1981. 200 с.
11. Ковешникова Н.А. Дизайн: история и теория: учебное пособие. М.: Омега Л. 2005.
12. Торренс Э. Тест креативности Торренса. Диагностика творческого мышления. Межрайонный ресурсный центр по работе с одаренными детьми URL: <http://mrc.kpk1.ru/images/stories/news/2014/torrens.pdf> (08.09.2017).

References

1. Freid Z. *Lektsii po vvedeniyu psikhoanaliza* [Lectures on Psychoanalysis Introduction]. Vol. 1. Moscow, 1923. 251 p.
2. Berdyaev N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [The Philosophy of Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ, 1994. 542 p.
3. Frank S.L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and Man]. Saint-Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut, 1997. 440 p.
4. Florenskii P.A. *Razum i dialektika* [Mind and Dialectics]. *Bogoslovskii vestnik* [Theological Bulletin]. 1914. No. 9. P. 87. (In Russian)
5. Bakhtin M.M. *Chelovek v mire slova* [Man in the World of the Word]. Moscow, ROU Publ, 1995. 139 p.
6. Vygotskii L.S. *Pedologiya podrostka* [Teenager Pedology]. *Detskaya psikhologiya* [Children Psychologia]. Moscow, 1984, vol. 4, pp. 5–242. (In Russian)
7. Leont'ev A.N. *Potrebnosti, motivy, emotsii* [Needs, Motives, Emotions]. *Psikhologiya motivatsii i emotsii* [Psychology of Motivations and Emotions]. Moscow, CheRo Publ, 2002, pp. 57–65. (In Russian)
8. Abakumova, I.V. *Lichnostnye smysly v obrazovatel'nom protsesse* [Personal Meaning in Educational Process]. *Metody psikhologii. Ezhegodnik Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva* [Methods of Psychology. Annals of Russian Psychological Society]. Rostov-on-Don, 1997, vol. 3, iss, pp. 3–5. (In Russian)
9. Sidorenko V.F. *Dizainerskie metody poznaniya* [Design Methods of Cognition]. *Biblioteka dizainera. Dizain v obrazovatel'noi sistem* [Designer's Library. Design in Educational System]. Moscow, VNIITE Publ, 1994, 130 p. (In Russian)
10. Kalmykova Z.I. *Produktivnoe myshlenie kak osnova obuchaemosti* [Productive Thought as Basis of Aptitude For Learning]. Moscow: *Pedagogika* [Pedagogics], 1981. 200 p. (In Russian)
11. Koveshnikova N.A. *Dizain: istoriya i teoriya* [Design: History and Theory]. Moscow, Omega L. Publ., 2005.
12. Torrens E. *Test kreativnosti Torrensa. Diagnostika tvorcheskogo myshleniya. Mezhraionnyi resursnyi tsentr po rabote s odarennymi det'mi* [The Torrance Tests of Creative Thinking. Diagnostics of Creative Thinking. Trans-Regional Resource Centre for Work with Intellectually Gifted Children]. URL: <http://mrc.kpk1.ru/images/stories/news/2014/torrens.pdf> (accessed 08.09.2017).

Сведения об авторе

Горская Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1 для технических специальностей факультета прикладной лингвистики, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Прибылева Елена Андреевна, студентка Института архитектуры и строительства, e-mail: themailboxe@gmail.com

Критерии авторства

Авторы заявляют о равном участии в получении и оформлении научных результатов и в равной мере несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила 10.10.2017 г.

Author credentials

Natalya Ye. Gorskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, Faculty of Applied Linguistics, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Elena An. Pribyleva, a student of Architecture & Construction Institute, e-mail: themailboxe@gmail.com

Authorship Criteria

The authors declare equal participation in obtaining and formalization of scientific results and bear equal responsibility for plagiarism.

Conflict of Interests

The authors declare no conflict of interests.

Received 10 October 2017

УЧЁТ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© В.В. Копылова, К.В. Костина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В данной статье рассматриваются и анализируются модели обучения студентов иностранному языку с учетом гендерных особенностей. Исследуются понятия «гендер» и «пол», приводятся точки зрения психологов по данной проблематике, трактуются термины «маскулинность» и «феминность». Приводятся результаты анкетирования студентов на тему их принадлежности к маскулинному или феминному типу. В статье описывается несколько методик от известных психологов по реализации гендерного подхода к обучению студентов иностранному языку.

Ключевые слова: гендер, гендерный подход, гендерные особенности, мотивация обучения иностранному языку.

Формат цитирования: Копылова В.В., Костина К.В. Учёт гендерных особенностей при обучении студентов иностранному языку // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С.

GENDER CONSIDERATIONS IN FOREIGN LANGUAGE TRAINING

V.V. Kopylova, K.V. Kostina

Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, St. Lermontov, 83, 664074, Russian Federation

Abstract. The article examines the models of teaching a foreign language in light of the gender characteristics. It considers the notions "gender" and "sex", provides psychologists' points of view on this subject, and discusses the terms "masculinity" and "femininity". The results of students' questionnaire on the topic of their belonging to the masculine or feminine type are given. The article describes several techniques used by well-known psychologists for implementation of the gender approach to foreign language training.

Keywords: gender, gender approach, gender peculiarities, motivation of foreign language learning

For citation: Kopylova V.V., Kostina K.V. Gender considerations in foreign language training // Social Competence. 2017, vol 2, no. 4, pp. (In.Russian)

Обучение иностранному языку является не простой задачей в рамках получения образования в университете. Как правило, студенты, поступая в вуз, уже имея некоторую базу владения иностранным языком. Однако все студенты обладают разным уровнем знаний, заложенных школьной программой. Преподаватель ищет оптимальные решения, чтобы обучение иностранному языку было эффективным, применяя индивидуальный подход, современные методики преподавания иностранного языка в высшем учебном заведении и т. д. В этой связи возникает вопрос – наряду с учетом психологических особенностей и личностных качеств каждого студента играет ли роль в обучении иностранному языку пол обучающегося? Попытаемся ответить на этот вопрос в данной статье.

Обратимся к толкованию таких тер-

минов как «пол» и «гендер».

Пол и гендер – понятия, в сущности схожие, оба они отличают мужчин и женщин, но по разным признакам: пол – биологическое различие, гендер – социальная роль [5].

Биологический пол – мужской и женский – это врожденное качество индивида, выявляющееся еще на стадии эмбрионального развития; поэтому половой признак – неизменный и не зависящий от воли индивида. Он обозначает репродуктивные, соматические и поведенческие характеристики в комплексе [6]. В случае же субъективного представления о социальном поведении, культурных образцах поведения и социальных стереотипах, связанных с половой принадлежностью, целесообразнее использовать термин «гендер» [7].

Гендер – это социальный конструкт,

набор характеристик, определенных культурой общества, которые идентифицируют социальное поведение мужчин и женщин и отношения между ними. Гендер конструируется через определенную систему социализации, разделения труда, принятые в обществе культурные нормы, роли и стереотипы [8]. Гендерные роли представляют собой стиль поведения, задачи и обязанности, которые общество считает уместными для мужчин, женщин, мальчиков и девочек [1,2,9].

Учёные, занимавшиеся этой проблемой, выделили различия между юношами и девушками в сфере образования и получения навыков. Они представлены в табл. 1 [7].

С точки зрения ряда авторов, гендерные особенности необходимо учиты-

вать и в процессе обучения иностранному языку [4,10,12].

Для реализации гендерного подхода на занятиях по иностранному языку преподаватель должен иметь четкое представление о сущности таких категорий как «маскулинность» и «фемининность» [10]. Эти понятия отражают общепризнанные представления о том, какие роли исполняют мужчины и женщины в обществе, какими они должны быть и чем они должны заниматься. Система маскулинных и феминных черт по Л. Терману и К. Кокс-Майлзу (1936 г.) представлена в табл. 2 [10,11].

По результатам исследования С. Бем среди американских студентов человеческие качества были разбиты на три группы, представленные в таб. 3 [2].

Таблица 1

Гендерные различия

Девушки	Юноши
При изучении чего-то нового ценят количество материала, а не качество.	При изучении чего-то нового ценят качество материала, а не количество.
Вербальная деятельность.	Предметно-инструментальная деятельность.
Самостоятельны в бытовых делах, но изучать что-либо предпочитают в коллективе.	Имеют большую склонность к самостоятельному изучению.
Имеют склонность к соревнованиям, но она менее выражена.	Имеют тягу к соревнованиям, но менее эмоциональны.
Самосознание детерминируется межличностными отношениями.	Имеют большую подверженность синдрому смешения ролей.
Самоутверждение – средство для достижения целей.	Самоутверждение – цель.
Жизненное и профессиональное самоопределение.	Только профессиональное самоопределение.

Таблица 2

Система черт

Маскулинность	Феминность
командование;	мягкость;
непоколебимость;	готовность помочь;
уверенность;	пассивность;
сосредоточенность;	отзывчивость;
целеустремленность;	поглощенность материнством;
доминантность;	заботливость;
бесстрашие;	эмоциональность;
чувство свободы;	уступчивость;
уравновешенность;	жизнерадостность;
сфокусированность;	застенчивость;
решительность;	нежность;
конгруэнтность.	любовь к детям.

Группы по С. Бем

Маскулинные	Феминные	Андрогинные
вера в себя, склонность защищать свои взгляды, независимость, спортивность, напористость, сильная личность, склонность к анализу, способность к лидерству, склонность к риску, быстрое принятие решений, самодостаточность, властность, мужественность, умение отстаивать собственную позицию, агрессивность, склонность вести за собой, индивидуализм, соревновательность, амбициозность (честолюбие).	уступчивость, жизнерадостность, застенчивость, нежность, падность на лесть, преданность, умение сочувствовать, заботливость, понимание других, сострадание, способность утешить, умение говорить тихим голосом, теплота, сердечность, мягкость, доверчивость, инфантильность, неприятие ругательств, любовь к детям, спокойствие.	активность, великодушие, восприимчивость, доброта, импульсивность, искренность, лень, неорганизованность, общительность, открытость, пунктуальность, развитая фантазия, склонность к идеализму, склонность к обладанию, склонность к переменам, тактичность, трудолюбие, хитрость, честность, чувство ответственности, яркость.

Люди с высокими баллами по маскулинным качествам и низкими по феминным были отнесены к маскулинному типу. К феминному типу были отнесены люди с высокими баллами по феминным и низкими по маскулинным качествам [2].

Исследования С.Л. Бем показали, что от 34 до 44 % юношей имеют высокие баллы как по маскулинным, так и по феминным качествам. Также было выявлено от 27 до 38 % одновременно высокомаскулинных и высокофеминных студентов. Личностей, имеющих высокие показатели как по феминности, так и по маскулинности С.Л. Бем называет психологически андрогинными [2].

В исследовании С. Сененко подчеркнута, что термин «андрогинность» не означает бесполость и униформизм, это не механическая комбинация маскулинных и феминных черт, а гибкость в выборе поведенческих ролей, в зависимости от обстоятельств [11].

Андрогинность – это двуполость те-

ла, души, поведения человека. Это то ощущение, когда в одном теле присутствуют сразу два начала, принципиально разные, но способные дополнять друг друга и сосуществовать вместе [11].

Т.Е. Овчинниковой была составлена анкета «Стратегии изучения иностранного языка». На основе таблиц D.Kolb, R.Oxford, L.Smolen из 25 стратегий были выбраны 7 наиболее значимых в процессе обучения иностранному языку. Выбор данных стратегий обусловлен компонентами учебной деятельности студентов, представленных в табл. 4 [10].

Нами было проведено анкетирование студентов ИРНИТУ на предмет определения их гендерных принадлежностей (использован опросник С.Л. Бем). Было выявлено 60 % студентов энергетического института с высокой маскулинностью и 7 % – высокофеминных студентов; 45 % студентов института кибернетики имеют ярко выраженную маскулинность и 18 % – высокую феминность. Среди студентов физико-технического института специальности

Группы по Овчинниковой

Когнитивная сфера	Эмотивная сфера	Коммуникативно-речевая
группировка, воображение, рифмовка, физическое движение, структурированное поведение, рассуждение, анализ, резюме, стратегии компенсации недостатка знаний: угадывание значений по контексту, использование синонимов и жестов для передачи содержания.	«пытаюсь расслабиться, когда говорю по-английски», «хваляю себя, когда стесняюсь», «записываю свои ощущения в учебном дневнике», «обсуждаю с другими свои ощущения».	рациональная организация процесса запоминания языкового материала, умение видеть трудности при работе с языковым материалом, самостоятельное выявление языковых закономерностей при восприятии иноязычной речи, самостоятельная активизация языкового материала.

«Информационная безопасность» было выявлено 37 % студентов с ярко выраженной фемининностью и 28 % с высокой маскулинностью.

Согласно результатам анкетирования, 65 % высокофеминных и 53 % высокомаскульных студентов выбрали эмотивную сферу учебной деятельности. Более высокие показатели фемининности в данном случае обусловлены традиционной ориентацией в семье и школе на изучении гуманитарных предметов, более серьезным отношением к учебе у представителей феминного типа.

Студенты энергетического института с преобладанием маскульного типа (76 %) выбирали стратегии, связанные с самостоятельным изучением иностранного языка с использованием современных технологий. Доминантный стиль поведения, стремление к самостоятельности, желание освободиться от опеки со стороны преподавателя – именно это движет представителями данного гендерного типа.

Когнитивная сфера учебной деятельности доминировала у 77 % студентов маскульного и 56 % студентов феминного типа. Большая часть студентов феминного типа – 73 % предпочли коллективные формы изучения иностранных языков с преобладанием коммуникативных упражнений под руководством преподавателя.

Современные технологии преподавания иностранного языка с использованием интерактивных методов позволяют уйти от сложившихся стереотипов о слабости женского пола и силы мужского, двигаясь к разностороннему анализу социологических ролей с учетом гендерных особенностей студентов. Разработаны некоторые методики, направленные на реализацию гендерного подхода, такие как «Стереотипы» О.А. Жбиковской, гендерно-ориентированные задания на тему «Карьера» Н.А. Смирновой и т. д.

Таким образом, студенты с доминированием маскулинности или фемининности выбирают различные стратегии обучения, следовательно, уровень усваивания информации будет зависеть от выбора стратегии.

С нашей точки зрения, учёт гендерных особенностей при изучении иностранного языка студентами не только полезен, но и необходим. Данная методика способствует формированию у студентов коммуникативной компетенции, в процессе обучения используются все виды речевой деятельности. Кроме того, студенты проявляют интерес к подобным видам работы, что в итоге может способствовать развитию у них позитивной мотивации к изучению иностранного языка.

Библиографический список

1. Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.:

РОССПЭН, 2004.

2. Гарфинкель Г. Исследования по этномето-

дологии / пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007.

3. Головей Л.А. Дифференциально-психологические факторы профессионального самоопределения // Психологические проблемы самореализации личности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. Вып.3. С.76–83.

4. Жбиковская О.А. Гендерный подход при обучении иностранному языку // Социально-культурные проблемы развития промышленности, транспорта и услуг: история и современность : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Омский государственный университет путей сообщений. Омск, 2006. С. 74–78.

5. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2001.

6. Ильин Е.П. Пол и гендер. Питер, 2010. Серия «Мастера Психологии».

7. Казначевская Л.В. К вопросу о гендерном образовании : доклад на VI научно-практической конференции. Язык, культура,

коммуникация. М.: МГЛУ, 2001. С. 72–78.

8. Клещина И. С. Гендерная психология и направления ее развития // Практикум по гендерной психологии. СПб., 2003.

9. Лорбер Дж. Пол как социальная категория // Альманах "THESIS", 1994. Вып. 6. С. 127–136.

10. Овчинникова Т.Е. Гендерный подход в обучении студентов университета иностранному языку. Оренбург, 2007. 209 с.

11. Седов Е.А. Гендерный подход к формированию мотивации обучения иностранному языку у студентов технического вуза // Молодой ученый, 2013. № 5. С. 643–647.

12. Сененко С. Маскулинность и фемининность: от бинарной оппозиции к целостной человечности // Зеркало недели, 2005. № 43.

13. Смирнова Н.А. Реализация гендерного подхода на уроках иностранного языка с использованием интерактивных методов обучения [Электронный ресурс]. URL : [http : www. t21.rgups.ru/Arhiv2007s1](http://www.t21.rgups.ru/Arhiv2007s1) (25.11.2017).

References

1. Bem S.L. *Linzy gendera. Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [The Lenses of Gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality]. Moscow: ROSSPEN, Publ, 2004.

2. Garfinkel' G. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint-Petersburg: Piter, 2007.

3. Golovei L.A. Differential-psychological factors of professional self. *Psikhologicheskie problemy samo-realizatsii lichnosti* [Psychological problems of self-identity. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Publ, 1999, vol. 3, pp.76–83. (In.Russian)

4. Zhbikovskaya O.A. Gender Approach in Foreign Language Training. *Sotsial'no-kul'turnye problemy razvitiya promyshlennosti, transporta i uslug: istoriya i sovremennost' : materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Omskii gosudarstvennyi universitet putei soobshchenii* [Social and Cultural Problems of Industry, Transport and Services Development: History and Modernity: Materials of all-Russian Scientific Conference with International Participation. Omsk State Railway Engineering University]. Omsk, 2006, pp. 74–78. (In.Russian)

5. Il'in E.P. *Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny* [Differential Psychophysiology of Men and Women]. Saint-Petersburg Publ, 2001.

6. Il'in E.P. *Pol i gender* [Sex and Gender]. Piter, 2010. *Seriya Mastera Psikhologii* [Experts of Psychology Series].

7. Kaznachevskaya L.V. The Question of Gender Education: Report at the VI Scientific and Practical Conference 'Language, Culture, Communication. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ, 2001, pp. 72–78 (In.Russian)

8. Kletsina I.S. *Gendernaya psikhologiya i napravleniya ee razvitiya* [Gender Psychology and its Development]. *Praktikum po gendernoi psikhologii* [Workshop on Gender Psychology]. Saint-Petersburg Publ, 2003.

9. Lorber Dzh. *Pol kak sotsial'naya kategoriya* [The Social Construction of Gender]. Almanac THESIS, 1994, vol. 6, pp. 127–136. (In.Russian)

10. Ovchinnikova T.E. *Gendernyi podkhod v obuchenii studentov universiteta inostrannomu yazyku* [Gender Approach to Foreign Language Training]. Orenburg Publ, 2007, 209 p.

11. Sedov E.A. Gender Approach to Formation of Motivation of Foreign Language Learning of Technical University Students. *Molodoi uchenyi* [Young Researcher], 2013, no 5, pp. 643–647. (In.Russian)

12. Senenko S. Masculinity and Femininity: from Binary Opposition to Comprehensive Humanity. *Zerkalo nedeli* [Week Mirror] , 2005, no 43.

13. Smirnova N.A. *Realizatsiya gendernogo podkhoda na urokakh inostrannogo yazyka s ispol'zovaniem interaktivnykh metodov obucheniya* [Gender Approach Implementation in Foreign Language Classes by Means of Interactive Teaching Techniques]. URL: [http: www. t21.rgups.ru/Arhiv2007s1](http://www.t21.rgups.ru/Arhiv2007s1) (accessed 25.11.2017).

Сведения об авторах

Копылова Виктория Вадимовна, студентка гр. ЭВМб-15-1 института кибернетики, e-mail: kopylovika@mail.ru.

Костина Ксения Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, e-mail: zvf2@istu.edu.

Критерии авторства

В.В. Копылова, К.В. Костина провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 27.11.2017 г.

Author Credentials

Kopylova Victoria Vadimovna, a third-year student of Cybernetics Institute, e-mail: kopylovika@mail.ru.

Kostina Kseniya Viktorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, e-mail: zvf2@istu.edu.

Criteria for Authorship

V.V. Kopylova, K.V. Kostina have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Received 27 November 2017

ВЛИЯНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕКРЕАЦИОННЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

© А.А. Ананьева, О.В. Пуляевская

Иркутский Национальный Исследовательский Технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83.

Аннотация. В статье рассматривается психологический аспект исследования городских рекреационных пространств, влияние критериев устойчивого развития территорий на оценку качества и комфорта рекреационных территорий, а также влияние градостроительных особенностей организации рекреационных территорий на психологическое состояние человека. В статье рассматриваются два рекреационных объекта города Иркутска – роща «Звёздочка» и парк им. Парижской коммуны.

Ключевые слова: психологический аспект, рекреационные территории, восприятие, градостроительные задачи, психологическая безопасность.

Формат цитирования: Ананьева А.А., Пуляевская О.В. Влияние градостроительных особенностей рекреационных объектов города на психологическое состояние человека // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 66–70.

THE IMPACT OF URBAN PLANNING FEATURES OF CITY RECREATIONAL FACILITIES ON A PERSON'S PSYCHOLOGICAL STATE

A.A. Ananyeva, O.V. Pulyaevskaya

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the psychological aspect of the study of urban recreational spaces, impact of criteria for sustainable development on recreational territories' quality and comfort as well as impact of urban features of recreational areas organization on the psychological state of a person. The article discusses two Irkutsk recreational facilities – the grove «Zvezdochka» and the park named after Parizhskaya kommuna.

Keywords: the psychological aspect, recreational areas, perception, urban planning tasks, psychological security

For citation: Ananyeva A.A., Pulyaevskaya O.V. The impact of urban planning features of city recreational facilities on a person's psychological state // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 66–70. (In Russian)

Ни для кого не секрет, что в настоящее время в мире происходит ухудшение экологической обстановки, и что это приводит к глобальным социальным проблемам в обществе [1]. В данной статье затрагивается психологический аспект исследования городских рекреационных пространств, который выражается в качественной или некачественной оценке социумом тех или иных рекреационных пространств. По каким критериям или факторам можно оценить качество пространства? В качестве главных критериев оценки качества пространства социальными слоями выступают такие критерии как комфортность среды, которая подразумевает и оборудованность среды в том числе, а также доступность. Комфортность среды – это критерий, по

которому можно оценить качество среды с точки зрения благоприятного состояния человека при нахождении его в данном месте. Комфортность включает в себя оборудованность – наличие малых архитектурных форм и озеленения.

Организация рекреационных пространств имеет свои отличительные особенности, по которым определяется узнаваемость данного объекта или территории, принадлежащей именно к рекреационному функциональному назначению. Это наличие открытых пространств, наличие озелененных территорий (в том случае, если рекреационный объект относится к природному объекту города), наличие функциональных зон досуга – площадок для различных видов деятельности, как

например – на набережной – зона пляжная, зона пеших прогулок, зона для детских развлечений, зона массового питания населения (кафе, рестораны, столовые), зона отдыха со скамьями, беседками и прочее, а также наличие функциональных зон в общественных местах, расположенных внутри крупных общественных зданий таких как ДжемМолл, СильверМолл, Комсомолл, расположенных в Иркутске. Данные градостроительные особенности имеют определенное влияние на психику человека. Чем больше открытых общественных пространств, тем более привлекательным является город [2].

Человек, находящийся на территории, предназначенной для отдыха, должен чувствовать комфорт. По комфортному пребыванию в том или ином месте, а также не менее важному функциональному назначению объекта, закладывается узнаваемость этого объекта. Люди, ныне проживающие в мире информационных технологий, испытывают эмоциональные переживания, которые порождают различные чувства. Находясь в пространстве, хорошо организованном с точки зрения градостроительной, люди формируют индивидуальное оценочное отношение к тому пространству, где они находятся, и к обстоятельствам, которые привели их в это пространство. Все индивидуальные оценки рекреационных объектов собираются в оценочную статистику посещаемости/качества/комфортности/доступности рекреационных объектов города. При этом, узнаваемость объектов образуется за счет таких эмоций, которые испытывают люди, как интерес, радость, удивление. Это положительные эмоции. Однако неправильно организованное пространство или территория может повлиять на эмоции человека и негативным образом, т. е. у человека могут возникнуть эмоции страха, эмоции злости и печали. Задачей правильной организации территории рекреационных объектов является такая организация территории, которая удовлетворяла бы потребности населения города. Всем известно, что в современных условиях количество озелененных территорий уменьшается вследствие интенсивной урбанизации [3], и это имеет огромное влияние на психику человека. Ниже представлены озелененные террито-

рии города Иркутска, которые сопоставляются по критериям комфортности, оборудованности и доступности.

В данной статье рассматриваются два рекреационных объекта города Иркутска – роща «Звёздочка» и парк им.Парижской коммуны, рассматриваются их градостроительные особенности и их влияние на психологическое состояние человека.

Роща «Звёздочка» располагается в городе Иркутске на пересечении улиц Звездинской, Чернышевского и Гоголя. Ниже на рисунке 1 представлены фотографии рощи, выполненные в летний период.

Данная территория разделяется на зоны, которые представлены зоной с детской площадкой, зонами для волейбольных и баскетбольных игр–физкультурно-оздоровительные зоны, зоной пеших прогулок, а также зоной для проведения массовых мероприятий со сценой. По фотографиям видно, что территория очень хорошо озеленена, вдоль пешеходных дорожек посажены кустарники, и стоят скамеечки с урнами, а также территория снабжена фонарями. Территория имеет ограждение по внешнему контуру.

Сопоставляясь данная рекреационная территория будет с парком имени Парижской коммуны. Данный парк располагается на пересечении улицы Боткина, ул. 2-я Железнодорожная, ул. Маяковского и пер. Спортивный. Ниже на рисунке 2 представлены фотографии парка, сделанные в межсезонье (летне-осенний период).

По фотографиям видно, что территория также озеленена, оборудована лавочками, урнами, фонарями. На территории парка имеются пешеходные зоны, а также небольшая территория, выделенная для проведения массовых мероприятий. Территория парка граничит с территорией спортивного стадиона «Локомотив». Также территория парка имеет ограждение по внешнему контуру, как и территория рощи «Звёздочка».

Если сравнивать по такому критерию как доступность, то сразу видна разница между двумя данными природными территориями. Парк имени Парижской коммуны располагается ближе к историческому центру города. Он окружен автомобильными дорогами, что является боль-

шим «минусом» для доступа населения к его территории. Он в принципе располагается на видном месте и имеет свою узнаваемость. Роща «Звёздочка» по доступности характеризуется удобным расположением, однако «минусом» данного местоположения являются застроенные террито-

рии, находящиеся вокруг рощи – в том числе многоэтажные здания, которые визуально закрывают пространственный обзор. Однако данная роща также обладает узнаваемостью благодаря зонированию территории рощи и оборудованности ее территории.

Рис.1. Роща «Звёздочка»

Рис.2. Парк имени Парижской коммуны

Находясь на территории данных рекреационных объектов, действительно, можно находиться в «релаксирующем» состоянии, в состоянии покоя и умиротворенности, благодаря большому количеству растительности и озеленения, однако в силу расположения парка им. Парижской коммуны на пересечении автомобильных дорог, где часто затруднено дорожное движение, у человека может появиться чувство тревоги и переживания, во-первых, в силу шумового воздействия, а во-вторых, в силу осознания «небезопасного» подхода к парку (это относится к неправильно решенной градостроительной задаче, связанной с доступностью). Находясь на территории рощи «Звёздочка» у человека чувство безопасности больше выражено, и шумовое воздействие менее влияет на психологическое состояние человека в силу того, что данный объект располагается не в центре города, а достаточно удаленно от центра, а также в силу того, что объект окружен жилой застройкой.

При сравнении данных объектов с точки зрения комфортности, можно сделать вывод о том, что данные природные объекты, имея большое количество озеленения и оборудованности лавочками, урнами и фонарями, являются комфортными для времяпровождения. Также необходимо помнить, что комфортность не может рассматриваться только с позиции этого

критерия. Как уже было сказано ранее, комфортность подразумевает в себе оборудованность. Нельзя говорить о комфортности, при этом не ссылаясь на доступность. Все данные критерии взаимодополняют друг друга.

Необходимо помнить, что важное значение имеет пространство, соматическое человеку за счет пропорций, плавно перетекающих объемов, с учетом цветовых, геометрических, тектонических решений, рациональной планировки [2]. Все эти особенности влияют на психологическое состояние человека.

Психологическая безопасность и жизнеустойчивость являются основными решаемыми задачами при проектировании рекреационных объектов по причине того, что они проектируются для человека и для комфортного его пребывания как в психологическом так и в физическом плане. Люди, в силу развития современных информационных технологий, должны отдыхать от информационного воздействия. Где отдыхать – решает каждый сам – дома или на улице, или в крупном торговом центре, или сидя в кафе с друзьями. Задача архитекторов и градостроителей согласно своей специализации создать такие условия времяпровождения, которые требуют общество, и которые необходимы человеку для благоприятной психологической безопасности.

Библиографический список

1. Пуляевская О.В. Педагогика в градостроительстве: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. 47 с.
2. Бобрышев Д.В. Интеграция прибрежных территорий в функционально-планировочную структуру города как необходимое условие их

устойчивого развития // Вестник ИрГТУ. 2014. № 12. С. 9–14.

3. Бобрышев Д.В. Принципы экологической компенсации города за счет градостроительной организации прибрежных территорий // Вестник ТГАСУ. 2007. № 4. С. 103–106.

References

1. Pulyaevskaya O.V. *Pedagogika v gradostroitel'stve: ucheb. posobie* [Pedagogics in Urban Development: Study Guide]. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. Publ., 2012, 47 p. (In Russian).
2. Bobryshev D.V. *Integratsiya pribrezhnykh territorii v funktsional'no-planirovochnuyu strukturu goroda kak neobkhodimoe uslovie ikh ustoichivogo razvitiya* [Integration of Riverfronts into the City Functional Planning Structure as Necessary Condition of their Sustainable Development]. *Vestnik*

IRNITU [Proceedings of Irkutsk National Research Technical University]. 2014, no 12, pp. 9–14. (In Russian).

3. Bobryshev D.V. *Printsipy ekologicheskoi kompensatsii goroda za schet gradostroitel'noi organizatsii pribrezhnykh territorii* [Principles of Ecological Compensation through Urban Planning Organisation of Riverfronts]. *Vestnik TGASU* [Proceedings of Tomsk State University of Architecture and Construction]. 2007, no 4, pp. 103–106. (In Russian).

Сведения об авторах

Ананьева Алёна Александровна, магистрант 2 курса кафедры архитектуры и градостроительства, гр. ГРМ-16-1, e-mail: ananeva.land@gmail.ru
Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, e-mail: pulyaevsk@mail.ru

Критерии авторства

Ананьева А.А., Пуляевская О.В. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 5.12.2017 г.

Author's Credentials

Ananyeva Alena Alexandrovna, a Master's Degree Student of Architecture and Urban Planning Department, gr. Grm-16-1, e-mail: ananeva.land@gmail.ru

Pulyaevskaya Ol'ga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, e-mail: pulyaevsk@mail.ru

Criteria for Authorship

Ananyeva A.A. Pulyaevskaya O. V. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest

Received 5 December 2017

МОТИВАЦИЯ ЗАНЯТИЙ ФИТНЕС-АЭРОБИКОЙ У ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

© Е.В. Бибаева, А.Г. Адушинова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования мотивации занятий оздоровительным спортом у женщин разных возрастных групп. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что имеются различия в мотивации занятий фитнес-аэробикой у девушек и женщин зрелого возраста, проживающих в сельской местности.

Ключевые слова: мотив, мотивация спортивной деятельности, оздоровительный спорт, фитнес-аэробика, образ жизни сельской женщины, зрелость.

Формат цитирования: Бибаева Е.В., Адушинова А.Г. Мотивация занятий фитнес-аэробикой у женщин, проживающих в сельской местности // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 71–76.

MOTIVATION FOR FITNESS AEROBICS AMONG WOMEN LIVING IN COUNTRYSIDE

E.V. Bibaeva, A.G. Adushinova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the motivation for doing sports among women of different age groups. Comparative analysis suggests that there are some differences in the motivation for fitness aerobics among girls and adult women living in countryside.

Keywords: motive, motivation of sports activity, health sport, fitness aerobics, rural woman's lifestyle, maturity

For citation: E.V. Bibaeva A.G. Adushinova. Motivation for fitness aerobics among women living in countryside // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 71–76. (In Russian)

Спортивная деятельность представляет собой одну из сфер, где человек может проявить свое совершенство, используя физические возможности для достижения определенных результатов.

Мотивация спортивной деятельности – это всегда система факторов, вызывающих активность организма и определяющих направленность поведения человека. Мотивация данного вида деятельности определяется как внутренними, так и внешними факторами, меняющими своё значение на протяжении занятий спортом. Внешние факторы – это условия, в которых оказывается субъект спортивной деятельности; внутренние факторы – это желания, влечения, интересы и убеждения, которые выражают потребности, связанные с личностью субъекта спортивной деятельности.

Мотивацию спортивных достижений определяет ряд мотивов, к числу которых относят:

– стремление узнать и максимально

использовать свои физические и психические возможности;

– утвердиться в глазах окружающих и в собственных глазах;

– стремление к успеху и др.

Очевидно, занимаясь спортом, человек, в первую очередь, совершенствует и укрепляет свой организм, своё тело, свою способность управлять движениями и двигательными действиями.

Фитнес-аэробика является видом спорта, который впитал в себя самые популярные и современные направления: классическая аэробика, степ, хип-хоп и др. В отличие от спортивной аэробики и от профессионального спорта в данном виде нет рискованных и травмоопасных элементов, которые заменены гимнастическими и танцевальными движениями.

Фитнес можно определить как степень сбалансированности физического, психического и социального состояний человека, а значит его нахождение в гармо-

нии с окружающей средой. Иначе говоря, под фитнесом можно понимать некую концепцию жизни, построенную на конкретных принципах, которая даёт занимающимся силу и уверенность в себе, укрепление не только тела, но и души.

Все занятия физическими упражнениями в аэробике проходят под музыкальное сопровождение. Такая система занятий основана на ведущем значении ритма и гармонии движений, ритмичном чередовании расслабления и напряжения мышц [4].

Аэробика была создана американским врачом Кеннетом Купером и предназначалась для борьбы с факторами развития сердечно-сосудистых заболеваний, таких как гиподинамия, нервное перенапряжение, избыточное питание и др. Физические нагрузки устраняют гиподинамию, а эмоциональность при проведении занятий улучшает настроение, ликвидируя негативное влияние стрессов. Аэробика объединяет в себе возможность эффективного развития выносливости, силы, гибкости, координации движений и других физических качеств.

В связи с этим данный вид любительского спорта интересен многим занимающимся, в особенности женщинам, проживающим в сельской местности.

Жители села – это определенная социально-демографическая группа с характерными для нее возрастными, психологическими и социальными особенностями и ценностями, которые обусловлены уровнем экономического и культурного развития конкретного социума.

Образ жизни сельчанок определяется взаимодействием системы жизненных обстоятельств, условий и иерархии индивидуальных ценностей, интересов в личностно значимых сферах: быт, семья, духовность, здоровье, работа, общение, финансовое обеспечение, творчество, образование, информация, отдых и др. Объективные ограничения возможностей для реализации индивидуальных ценностей и интересов в сельской местности, по сравнению с условиями в городе, накладывают свой отпечаток и на саму иерархию жизненных ориентаций сельчанок.

К внешним факторам, определяющим образ жизни сельской женщины, относят следующие:

1. Информационная изолированность. Слабое развитие, а иногда и практическое отсутствие таких каналов коммуникации как Интернет.

2. Ограничение свободы передвижения. На селе многие женщины вынуждены жить натуральным хозяйством и рассчитывать только на собственные силы и выносливость в борьбе с природной стихией.

3. Сужение круга возможностей, в отличие от города, для получения образования, выбора профессии, построения карьеры. Отсюда следует: безработица, низкая оплата труда, бедность.

4. Давление общественного мнения. Ежедневное количество событий, изменений, новых встреч и впечатлений в жизни сельчанки, с точки зрения городской жительницы, можно интерпретировать как депривацию, т. е. сокращение возможности удовлетворять основные потребности.

5. Ограниченный культурный выбор [2, с. 57].

Исследователи [6], характеризуя особенности ценностных ориентаций сельских женщин, отмечают, что их базисные ценности реализуются прежде всего в семье, в общении с друзьями, а уже потом в профессиональной деятельности. Две первые сферы равнозначны по важности, что является спецификой сельских женщин, по сравнению с тенденцией увеличения значимости карьеры в жизни современных городских женщин.

Не выявлено статистически значимых различий в иерархии базисных жизненных ценностей, проблем и потребностей у разных возрастных категорий сельских женщин (молодых, зрелых), что указывает как на традиционность уклада, так и на длительно не меняющиеся проблемные объективные обстоятельства жизни в деревне.

Сложившаяся ситуация обуславливает поиск путей физического и личностного самосовершенствования женщин, проживающих в сельской местности.

Целью эмпирического исследования стало изучение особенностей мотивации занятий фитнес-аэробикой у женщин разных возрастных групп, проживающих в сельской местности.

Исследование проводилось на базе спортивной школы пос. Жигалово Иркутской области.

Выборку исследования составили 40 женщин, проживающих в сельской местности и занимающихся фитнес-аэробикой на любительском уровне. Стаж занятий от 6 месяцев до 9 лет. Возраст испытуемых от 16 до 48 лет.

Особенности мотивации спортивных занятий выявлялись путем сравнительного анализа результатов двух групп: группа 1 – девушки, а группа 2 – женщины зрелого возраста.

Результаты анкетирования выявили следующую картину. Из числа опрошенных нами женщин, проживающих в сельской местности и занимающихся фитнес-аэробикой (всего 40 чел.), высшее образование имеют 18 женщин, 5 – средне-специальное образование, 17 являются учащимися общеобразовательной школы. 13 женщин состоят в браке, 6 разведены и 21 не замужем. Испытуемые имеют разные профессии (бухгалтер - экономист 4 чел., продавец 3 чел., воспитатель д/с 3 чел.), 12 женщин являются домохозяйками, одна безработная.

В занятиях фитнес-аэробикой женщин привлекают «здоровый образ жизни» (23 чел.); «поддержание организма в тонусе» (7 чел.), «способ поддержания фигуры»

(10 чел.). Большая часть выборки (28 чел.) отмечает, что с годами отношение к занятиям спортом у них изменилось: фитнес-аэробика стала для них одним из способов организации досуга.

В ответах много схожего между двумя группами, но есть и отличия, которые проявились в том, что зрелым женщинам фитнес-аэробика даёт возможность снять напряжение после трудового дня, а для девушек является частью физической подготовки к будущей профессиональной деятельности.

Спорт в глазах женщин с разной гендерной идентичностью может приобретать различный смысл и по-разному их мотивировать. Мы предполагали, что фитнес-аэробикой занимаются, скорее всего, фемининные девушки.

Результаты методики С. Бэм показали, что разброс испытуемых по гендерным группам, представлен по-разному (рис.1, 2).

В группе молодых девушек андрогинный тип представлен у 12 человек, а в группе зрелых женщин у 10, что обеспечивает им, по мнению Бэм, большие возможности в социальной адаптации.

Молодые девушки

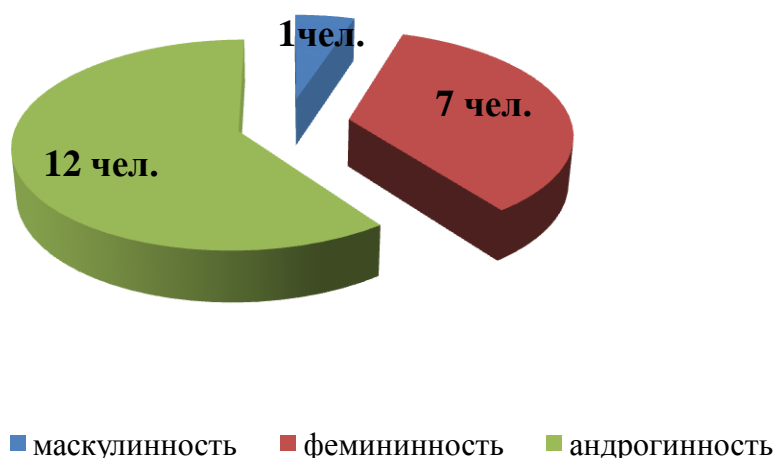

Рис. 1. Результаты методики С.Бэм в группе 1

Фемининность отмечается преимущественно в первой группе у 7-ми девушек и у 4-х женщин из второй группы. Женщины такого типа уступчивы, мягки, чувствительны, способны к сопереживанию.

Маскулинный пол выражен всего у одной девушки из первой группы и 6-и женщин из второй группы, что говорит о преобладании у данной части выборки мужских черт, таких как независимость, доминантность, самостоятельность, уверенность в себе и др.

В группе зрелых женщин, проживающих в сельской местности маскулинными оказались женщины, с разведённым статусом. Очевидно, факт развода заставил данных женщин принять на себя роль мужчины.

Диагностика иерархии мотивов спортивной деятельности по методике А.В. Шаболтас выявила следующую картину (рис. 3).

В группе молодых девушек доминирует мотив эмоционального удовольствия

(ЭУ) – девушки получают радость от занятий фитнесом, которые проходят под музыку, с элементами танцев.

Выраженность мотивов физического самоутверждения (ФС) и мотива подготовки к профессиональной деятельности (ПД) объясняется тем, что занятия фитнес - аэробикой рассматриваются девушками, в первую очередь, как способ физического самосовершенствования и становления характера.

Зрелые женщины мотивированы иначе: основным мотивом является рационально - волевой (РВ): очевидно данный вид оздоровительного спорта они используют для компенсации дефицита двигательной активности. Выраженность мотива достижения успеха в спорте (ДУ) говорит о стремлении женщин достичь результатов в изменении параметров тела: снижение веса, набор мышечной массы, придание телу рельефности с помощью занятий фитнес-аэробикой.

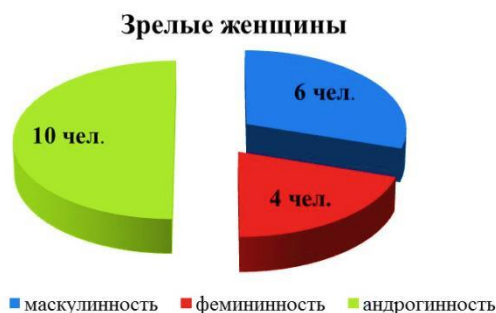
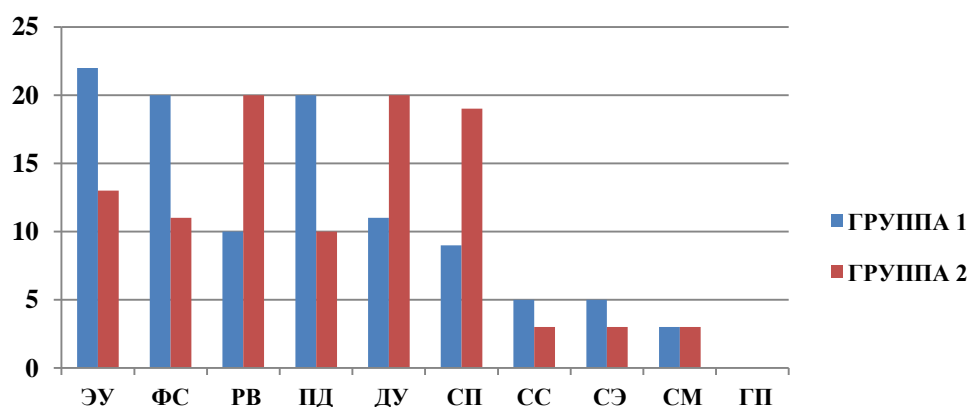

Рис.2. Результаты методики С.Бэм в группе 2

Примечание: ЭУ – мотив эмоционального удовольствия, ФС – мотив физического самоутверждения, РВ – рационально-волевой м., ПД – мотив подготовки к профессиональной деятельности, ДУ – мотив достижения успеха в спорте, СП – спортивно-познавательный, СС – социального самоутверждения, СЭ – социально-эмоциональный, СМ – социально-моральный, ГП – гражданско-патриотический

Рис. 3. Результаты диагностики «Мотивы занятий спортом» А.В. Шаболтас (всего 40 чел.)

Зрелые женщины стремятся не только освоить технику выполнения упражнений, но и понять их значимость в физическом развитии (СП).

В группе и молодых и зрелых женщин не выражены такие мотивы как: гражданско-патриотический мотив (ГП), социально-моральный мотив (СМ) и мотив социального самоутверждения (СС) – в данном виде оздоровительного спорта испытуемые скорее тренируют себя, чем состязаются друг с другом в результатах спортивной деятельности.

Корреляционный анализ результатов показал наличие взаимосвязей между показателями различных методик.

В первой группе обнаружены сильные взаимосвязи между рационально-волевым мотивом и мотивом физического самоутверждения, т. е. желание заниматься спортом подкреплено стремлением проявить себя, сформировать определенные качества личности (дисциплинированность, выносливость), изменить параметры тела (например, такие как сила, гибкость).

Во второй группе сильные взаимосвязи обнаружены между рационально-волевым мотивом и мотивом эмоционального удовольствия, который выявил положительную связь с социально – эмоциональным мотивом. Женщины занимаются спортом для компенсации дефицита двигательной активности, получают от занятий удовольствие, стремятся к участию в ежегодных спартакиадах, реализуя тем самым свою потребность в неформальном общении.

Во 2-ой группе зрелых женщин с маскулинными и андрогинными чертами психологический пол положительно связан с социальным статусом. А выраженность маскулинных черт личности повышает жизнедеятельность и активность.

Таким образом, анализ корреляционных плеяд двух групп позволяет сделать

вывод о том, что мотивы занятия спортом отличаются у женщин разных возрастных групп. В первой группе молодых испытуемых общая активность связана со стремлением заниматься оздоровительным видом спорта для подготовки к требованиям в будущей, избранной профессиональной деятельности.

Стремление к физическому развитию, становлению характера связано со стремлением к хорошим комфортным условиям, приятному окружению.

То есть спорт в представлении девушек этой группы дает возможность улучшить материальные возможности, здоровье, изменить параметры тела до идеального, и сделать жизнь более комфортной.

Во второй группе женщины руководствуются мотивами поддержания двигательной активности, получают от занятий удовольствие и стремятся быть в спортивной среде, реализуя потребности в неформальном общении, участвуют в различных соревнованиях на уровне села.

В целом мотивы, побуждающие женщин, проживающих в сельской местности заниматься фитнесом, обусловлены следующими личностными приоритетами: оздоровительные: продление активного долголетия, поддержание физической формы, оптимизация веса; психологические: повышение самооценки за счет достижения положительных результатов, предупреждение развития стрессового состояния, снижение эмоционального напряжения; социальные: активное времяпрепровождение, стремление к общению.

Таким образом, результаты эмпирического исследования подтвердили выдвинутую гипотезу: имеются различия в мотивации занятий фитнес-аэробикой у женщин разных возрастных групп, проживающих в сельской местности.

Библиографический список

1. Алешков И.А. Опыт психологического анализа спортивной деятельности // Психология спортивной деятельности. М.: Изд-во ВНИИФК, 2005. 283 с.
2. Визгина А.В., Пантеев С.Р. Проявления личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. 2010. № 3. С.9–101.
3. Крикунова М.А. Мотивация занятий физической культурой и спортом. Саратов: Изд-во «Наука». 2010. 43 с.
4. Макарьева Е.Г., Адушинова А.Г. Мотивация спортивной деятельности у женщин среднего возраста / Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и аспирантов «Проблемы прикладной и практи-

ческой психологии». Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. С. 91–95.

5. Пилоян Р.А. Мотивы и мотивация спортивной деятельности // Психология в трудах отечественных специалистов. СПб.: Питер, 2002. 384 с.

6. Шаболтас А.В. Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте. СПб.: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. 2001. 184 с.

References

1. Aleshkov I.A. Psychological Analysis of Sporting Activities. *Psikhologiya sportivnoi deyatel'nosti* [Psychology of Sporting Activities]. Moscow, VNIIFK Publ., 2005. 283 p.

2. Vizgina A.V., Pantileev S.R. Manifestation of Personality Traits in Self-description of Men and Women. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 2010, no. 3, pp. 9–101. (In Russian)

3. Krikunova M.A. *Motivatsiya zanyatii fizicheskoi kul'turoi i sportom* [Motivation to Exercise and Do Sport]. Saratov, Nauka Publ., 2010. 43 p.

4. Makar'eva E.G., Adushinova A.G. *Motivatsiya sportivnoi deyatel'nosti u zhenshchin srednego vozrasta* [Middle-Aged Women's Motivation for Sporting Activities]. *Materialy IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh i aspirantov Problemy prikladnoi i prakticheskoi*

psikhologii [Materials of IX all-Russian Scientific-Practical Conference of Young Researchers and PG Students. Issues of Applied and Practical Psychology]. Irkutsk, IrGTU Publ., 2012. Pp. 91–95. (In Russian)

5. Piloyan R.A. *Motivy i motivatsiya sportivnoi deyatel'nosti* [Motives and Motivation for Sporting Activities] *Psikhologiya v trudakh otechestvennykh spetsialistov* [Psychology in Domestic Experts' Works]. Sankt-Peterburg, Piter Publ., 2002. 384 p.

6. Shaboltas A.V. *Motivy zanyatiya sportom vysshikh dostizhenii v yunosheskom vozraste* [Motives for High-Performance Sport during Teenage Years]. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2001. 184 p.

Сведения об авторах

Адушинова Альбина Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, e-mail: actualis@mail.ru

Бибеева Евгения Валерьевна, студентка кафедры психологии, e-mail: zhendosbog@mail.ru

Author's Credentials

Adushinova Al'bina Grigoryevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Psychology Department, e-mail: actualis@mail.ru

Bibaeva Evgeniya Valeryevna, a student of Psychology Department, e-mail: zhendosbog@mail.ru

Критерии авторства

Е.В. Бибеева, А.Г. Адушинова провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

E.V. Bibaeva, A.G. Adushinova have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest

Статья поступила 1.12. 2017 г.

Received 1 December 2017

АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГА

© Л.А. Ларионова, Т.А. Жданко

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье представлен анализ понятий «профессиональные ценности», «профессиональные ценности психолога» и «аутентичность». Авторы рассматривают аутентичность как профессиональную ценность в работе психолога, акцентируют внимание на необходимости формирования аутентичности у будущих психологов для осуществления консультативной деятельности, приводят примеры упражнений, способствующих формированию аутентичности на основе рефлексии.

Ключевые слова: профессиональные ценности, профессиональные ценности психолога, аутентичность.

Формат цитирования: Л.А. Ларионова, Т.А. Жданко. Аутентичность как профессиональная ценность в работе психолога // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С.

AUTHENTICITY AS A PROFESSIONAL VALUE OF A PSYCHOLOGIST'S WORK

L.A. Larionova, T.A. Zhdanko

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article analyses the concepts of "professional values", "professional values of a psychologist", and "authenticity". The authors consider authenticity as a professional value of a psychologist's work, emphasize the necessity to form future psychologists' authenticity to provide consulting services and propose some examples of exercises contributing to the formation of authenticity based on reflection.

Keywords: professional values, professional values of a psychologist, authenticity

For citation: Larionova L.A., T.A. Zhdanko T.A. Authenticity as a professional value of a psychologist' work // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. (In.Russian).

Проблема аутентичности человека представляет актуальный интерес исследователей: философов, социологов, педагогов, психологов и психотерапевтов. В последние десятилетия этот интерес усилился по причине осознания исследователями реального положения человека в современном обществе. Обществу практически нечего предложить личности каждого отдельно взятого человека в плане смыслов и ценностных ориентаций его жизни и ценностей в профессиональной деятельности, поскольку система ценностей советского периода полностью разрушена, а новая еще не создана.

Выстраивание системы ценностей общества и человека, в том числе и профессиональных, актуализирует рассмотрение аутентичности как важного личностного качества, и как профессиональной ценности.

Психолог – профессия особенная, в

которой первостепенным является установление эмоциональных отношений с клиентом, который ищет от контакта удовлетворение потребности чувства безопасности. Аутентичность является профессиональной ценностью психолога, так как именно это системное качество личности позволяет специалисту искренне осуществлять свою деятельность, исключив неэффективную реализацию различных, в том числе искаженных ролей. Только подлинность в отношениях создадут безопасную обстановку в работе психолога с клиентом. Когда данное качество становится для психолога ценностью, он начинает осознавать важность «здесь и теперь» и устанавливает подлинные инструментальные отношения, отказываясь от манипуляций.

Определяя сущность понятия «профессиональные ценности психолога», мы представляем их как систему личностно-ценностных ориентаций, сочетающихся с

уровнями ценностей профессии: значимостью, осмысленностью и эмоциональным отношением к профессии, отражающихся в профессионально важных качествах: аутентичности, эмпатии, толерантности и безоценочности, а также процессе самопознания и сформированности профессионального мышления и позитивного восприятия своей профессии.

В современной науке этимология профессиональных ценностей определена неоднозначно, подтверждение тому мы находим в исследованиях разных авторов.

И.О. Загашева рассматривает профессиональные ценности как ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. Ориентиры характеризуются степенью доминирования, определенным знаком, степенью осознанности и степенью изменчивости [3].

Мальцев В.А. представляет «профессиональные ценности» как две составляющие: ориентация личности на профессиональную деятельность и на ценность профессиональной деятельности как таковой. В профессиональной деятельности в сфере "человек-человек" предметом трудовой деятельности выступает человеческая личность, поэтому для успешной деятельности необходимо единство ценностно-смыслового и предметно-действенного аспектов деятельности [8].

Шилагина Т.А. рассматривает «профессиональные ценности» как отношение к своей профессии, отношение к объекту деятельности, отношение к субъекту деятельности. Процесс формирования профессиональных ценностей «может развиваться как линейно, так и стихийно; его траектории зависят от различных факторов, от разной степени интенсивности развития содержательных и динамических характеристик этого процесса [12].

Позиции авторов позволяют сделать вывод о том, что профессиональные ценности трехкомпонентны – это смыслообразующая основа деятельности, ориентир в профессиональной деятельности и отношение к своей профессии.

Человек способен выполнять свою профессиональную деятельность эффективней, если у него сформированы профессиональные ценности. Профессио-

нальная деятельность психолога – это особый вид социальной активности, где обобщенные идеи о ценности человека конкретизируются и персонифицируются в его речи и действиях, направленных на «другого» человека. Психолог своими профессиональными действиями создаёт этот образ «Другого» для тех людей, с которыми он работает. В условиях гуманизации современного общества личность, актуализирующая свой внутренний потенциал, исходной позицией которой является самооценочность себя и других людей, наиболее успешно способна справиться с задачей создания оптимистического персонифицированного образа «Другого» человека [11].

Эффективность деятельности практического психолога определяется тремя составляющими: свойствами личности, профессиональными знаниями и специальными навыками, которые базируются на профессиональных ценностях. Каждая из этих составляющих обеспечивает качественный консультативный контакт, который и является стержнем психологического консультирования. От консультативного контакта зависит окончательный эффект консультирования – изменения, происходящие в личностной сфере клиента в процессе конструктивных действий консультанта. «Нисколько не умаляя значения теоретической и практической подготовки, мы все же склонны отдать предпочтение фактору личности консультанта» [4, с. 14].

Основоположник психологического консультирования К. Роджерс считает, что, прежде всего, психологу важен не алгоритм и последовательность в работе с клиентом, а достоверная реальность, в которой бы находился клиент, ведь только тогда он почувствует себя в безопасности и сможет раскрыться перед самим собой и психологом [10].

К. Роджерс указывает на необходимые условия успешного психотерапевтического или консультативного процесса, которые в целом независимы от частных характеристик самого клиента. Среди них он называет три условия, которые относятся к личности психотерапевта или психолога-консультанта:

1. Психолог-консультант конгруэнтен в отношениях с пациентом. Конгруэнтность психолога означает необходимость пра-

вильной символизации специалистом его собственного опыта. Под опытом понимаются как неосознаваемые события, так и феномены, которые представлены в сознании и относятся к определенному моменту, а не к совокупности прошлого опыта.

2. Психолог-консультант переживает безусловную положительную оценку по отношению к клиенту. Положительная оценка определяется такими понятиями, как сердечность, расположение, уважение, симпатия и др. Безусловно, положительно оценивать другого – значит оценивать его позитивно, несмотря на то, какие чувства вызывают определенные его поступки. Поступки могут оцениваться по-разному, однако принятие и признание клиента не зависят от них. Психолог-консультант ценит личность клиента в целом, он в равной мере чувствует и проявляет безусловную положительную оценку переживаний, которых боится или стыдится клиент или которыми он доволен и удовлетворен.

3. Психолог-консультант эмпатически воспринимает клиента. Под эмпатией понимается восприятие субъективного мира другого человека, охватывающего весь комплекс ощущений, восприятий и воспоминаний, доступных сознанию в данный момент. Знания субъективного мира клиента, полученные эмпатически, приводят к пониманию того, что лежит в основе его поведения и процесса изменения в личностной сфере клиента.

Человек в повседневной жизни бессознательно следует выстроенному им определенному социально желательному образу. Для достижения цели ему приходится играть множество ролей. Невозможно достичь в психологическом консультировании искреннего понимания между консультантом и клиентом, если они будут следовать социальным ролям. Один играет роль клиента, другой – роль консультанта. Каждый скроется за свою роль, и консультация потеряет всякий смысл. Вспомните, кому человек доверяет свои тайны. Конечно, тому, в ком уверен, что тайна не будет им предана огласке, а, главное, что тот, кто выслушает его, не осудит, а просто примет таким, какой он есть. Зона доверия может быть выстроена только в условиях искреннего общения, благодаря аутентичности.

Понятие «аутентичность» появилось в

психологическо-философском пространстве благодаря экзистенциалистам. Философы описывали мир как в общих, так и частных категориях, а психологи, принимая эту модель мира, искали способы извлечения ресурсов человека, которые бы обеспечили ему жизнеспособность [9].

К. Роджерс отождествлял такие понятия как аутентичность, конгруэнтность, прозрачность. По его мнению, консультант в отношениях с клиентом конгруэнтен к своему опыту. Конгруэнтность (congruentis, лат.) – соразмерный, соответствующий, совпадающий. Поведение консультанта является естественным, т. е. оно соответствует его опыту, именно тому, что он чувствует, думает. Аутентичному консультанту нет необходимости играть какую-то роль. Психолог-консультант понимает и осознает все то, что происходит с ним самим, он не испытывает перед клиентом неловкости, что он чего-то не знает или делает что-то не так в своей жизни, он перед клиентом такой, какой есть [10].

Дж. Бюджентал вложил психологическое содержание в сам термин «аутентичность». Аутентичность – это «скорее сам процесс проживания собственной жизни» [1]. В своей концепции он использует ключевое слово «присутствие», что означает осознание своей субъективности. Он представлял аутентичность как основное качество психотерапевта, которое является важной экзистенциальной ценностью. Им было выделено три основных признака, составляющих аутентичное существование: «1. Полное осознание настоящего момента; 2. Выбор способа жизни в данный момент; 3. Принятие ответственности за свой выбор» [1, с 234]. Исследователь считает, что аутентичность доступна каждому человеку.

С. Мадди рассматривает аутентичность как «качественную личностную характеристику». Аутентичной личности присущи рефлексия, а также умение выстраивать глубокие взаимоотношения [7].

А. Ленгле рассматривает аутентичность как способ жизни и некую внутреннюю силу, которая есть в каждом, однако не каждый человек может ею воспользоваться [6].

Учёные считают, что аутентичность включает в себя два аспекта: конгруэнтность и прозрачность. Под конгруэнтностью

они понимают осознание и переживание собственного эмоционального опыта, а прозрачность, по их мнению, – это способность без искажений использовать этот опыт в общении с окружающими [9].

В отечественной психологической школе аутентичность рассматривается как жизнетворчество (Д.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), смыслоосуществление (А.Г. Асмолов), самосозидание (Э.Н. Гусинский), искусство жизни (Л.А. Петровская).

Л.Ф. Вязникова представляет феномен «авторства жизни» как сложную смысловую конструкцию, которая характеризуется самоактуализацией, как реализацией ценностно-смыслового потенциала; интеграцией внутренней свободы и ответственности; неадаптивной активностью на основе целеполагания; готовностью к ценностно-рефлексивному взаимодействию на основе открытости и доверия. Именно эти характеристики позволяют наблюдать у человека наличие аутентичности [2].

У каждого человека есть психологические ресурсы аутентичности, но для проявления аутентичности необходимо иметь наличие определенных функциональных связей, считает М.В. Рагулина [9].

Постоянная личностная и социальная рефлексия дают возможность человеку развивать ряд качеств, которые позволяют ему вести незатруднительное общение. В.А. Лабунская определяет незатруднительное общение как «направленность на сотрудничество, признание ценности и уникальности другого, выстраивание своего жизненного мира в контексте существования других» [5].

Для формирования аутентичности на основе рефлексии мы используем различные упражнения, например, такие:

Упражнение 1. На листе бумаги в течение 3-х минут записывайте ответы на вопрос «Кто я?», старайтесь дать как можно больше ответов. Запись ответов начинается и заканчивается по команде ведущего. После того, как ответы написаны, сгруппируйте социальные роли, род занятий, личные качества. Определите, в какой группе больше всех определений. Проанализируйте положительные и отрицательные определения. Проанализируйте, что из перечисленного вам помогает в жизни, а что мешает.

Анализируя самовосприятие, человек задается вопросом значимости для себя. Это помогает структурировать свое «Я». Первый шаг на пути к формированию аутентичности.

Упражнение 2. Назовите те качества личности, которые, по вашему мнению, приветствуются в обществе. Например, «доброжелательность», «отзывчивость» и т. д. Если вы не обладаете этими качествами, как вы будете позиционировать себя в сложившихся обстоятельствах. Какие чувства вы испытываете от того, что социально одобряемые качества вам не присущи?

Упражнение 3. Создать свой словесный портрет в нескольких репрезентациях, например, «таким я был раньше, таким я стал теперь, таким я буду потом», «я - обычный, я - конфликтующий, я - счастливый». Какой из этих портретов вам ближе? Почему? Анализировать и показывать разницу между портретами. В чем заключается разница?

Упражнение 4. Дискуссия на тему «Понять себя». Вопросы: 1. Мои главные жизненные приоритеты. 2. Как я соотношу свои интересы с интересами окружающих меня людей. 3. За что меня можно уважать? 4. За что меня можно порицать?

Использование подобных упражнений позволяет в смысловой системе «бифуркационных полей» создать пространство диалога. Именно в диалоге появляются новые смыслы – ресурсы реорганизации смысловой системы, а также новые модели взаимодействия, способствующие формированию профессиональных ценностей.

Таким образом, аутентичность можно определить как процессуально-динамическое качество, благодаря которому осуществляется индивидуальный выбор способов взаимодействия с окружающими. Этот выбор осуществляется на основе самоорганизации личности, определяющей содержание и актуальное развитие, т. е. аутентичной установкой, которая зависит от смысловой системы личности. Аутентичность как источник деятельности является ресурсом, а аутентичная установка как самоорганизация ресурса является потенциалом. Аутентичность выступает как профессиональная ценность для психолога в том случае, если он научится эффек-

тивно использовать свою личностную систему ценностей как ориентир для помощи клиенту понять последствия поступков для его собственной жизни и благополучия

близких ему людей. «Подлинность» чувств самого консультанта ляжет в основу профессионально важного качества психолога – аутентичности.

Библиографический список

1. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
2. Вязникова Л.Ф. Психологические основания профессиональной переподготовки руководителей системы образования: время перемен. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2002. 290 с.
3. Загашев И. О. Профессиональные ценности. Методика ранжирования профессиональных ценностей. Методика «Вселенная Я». Взаимосвязь между личными целями и профессиональными целями. URL: http://lib.gmsib.ru/index.php?resource=10156&id_site=11 (13.01.2017).
4. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования / Пер. с литв. М.: Академический проект, 1999. 240 с.
5. Лабунская В.А. Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психологический журнал, 2003. Т. 24, № 5. С. 14–22.
6. Ленгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005. 159 с.
7. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / Пер. с англ. СПб.: Речь, 2002. 539 с.
8. Мальцев В.А. Профессиональная система

- ценностей социального работника // Сибирская психология сегодня. URL: <http://hpsy.ru/public/x2492.htm> (13.01.2017).
9. Рагулина М.В. Ценностно-смысловое содержание понятия «аутентичность» как системного качества личности // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2007. № 296. С. 206–212.
10. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы / Пер. с англ. О. Кандрашовой, Р. Кучкаровой. Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 478 с.
11. Тягунова О.А. Профессиональные ценности практического психолога как субъекта помогающей профессии // Актуальные проблемы психологического знания. Изд-во: Московский психолого-социальный университет, 2009, № 1. С. 105–113
12. Шилагина Т.А. Влияние профессиональных ценностных ориентаций на эффективность профессиональной деятельности выпускника вуза // Многоуровневое образование как пространство профессионально-личностного становления выпускника вуза. Челябинск, 2009.

References

1. Bugental J. *Iskusstvo psihoterapevta* [The Art of the Psychotherapist]. Saint-Petersburg, Piter Publ, 2001. 304 p.
2. Vyaznikova L.F. *Psihologicheskie osnovaniya professional'noj perepodgotovki rukovoditelej sistemy obrazovaniya: vremya peremen* [Psychological Foundations of Leaders' Professional Development in Education System: Go-Ahead-Times]. Khabarovsk: University publishing house Publ, 2002. 290 p.
3. Zagashev I. O. *Professional'nye cennosti. Metodika ranzhirovaniya professional'nyh cennostej. Metodika «Vselennaya YA».* *Vzaimosvyaz' mezhdulichnymi celyami i professional'nymi celyami* [Professional Values. Methodology for Professional Values Ranking. Methodology "The Universe I." The Relationship between Personal Goals and Professional Objectives]. URL: http://lib.gmsib.ru/index.php?resource=10156&id_site=11 (accessed 13.01.2015). (In.Russian)
4. Cochiunas R. *Osnovy psihologicheskogo kon-*

- sul'tirovaniya* [Fundamentals of Psychological Counseling]. Translation from Lithuanian. Moscow. Academic project Publ, 1999. 240 p.
5. Labunskaya V.A. *The Psychological Profile of the Person Having Communication Problems*. [Psychological Journal]. 2003, vol. 24, no. 5, pp. 14–22. (In.Russian)
6. Lengle A. *Person. Ekhzistencial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Person. The Existential-Analytical Theory of Personality]. Moscow: Genesis Publ, 2005, 159 p.
7. Muddy S. *Teorii lichnosti: sravnitel'nyj analiz*. Saint-Petersburg, Rech' Publ, 2002, 539 p.
8. Maltsev V.A. *Professional'naya sistema cennostej social'nogo rabotnika* [A Social Worker's Professional Values System]. *Sibirskaya psihologiya segodnya* [Siberian Psychology Today]. URL:<http://hpsy.ru/public/x2492.htm> (accessed 13.01.2017). (In.Russian)
9. Ragulina M.V. The Axiological Content of the

Concept "Authenticity" as a Personality's Systemic Characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University]. Tomsk, 2007, no. 296, pp. 206–212. (In.Russian)

10. Rogers C. *Konsul'tirovanie i psihoterapiya. Novejshie podhody v oblasti prakticheskoy raboty.* [Counseling and Psychotherapy. The Latest Approaches in the Field of Practical Work]. EKSMO-Press Publ, 2000. 478 p.

11. Tyagunov O.A. *Professional'nye cennosti prakticheskogo psihologa kak sub'ekta pomagayushchej professii. Aktual'nye problemy psichologicheskogo znaniya* [Topical Issues of Psychological

Knowledge]. *Moskovskij psihologo-social'nyj universitet*, 2009, no. 1, pp. 105–113. (In.Russian)

12. Shalagina T.A. *Vliyanie professional'nyh cennostnyh orientacij na ehffektivnost' professional'noj deyatel'nosti vypusknika vuza* [Impact of Professional Value Orientations on the Efficiency of Graduates' Professional Activity]. *Mnogourovnevoe obrazovanie kak prostranstvo professional'no-lichnostnogo stanovleniya vypusknika vuza* [Multi-Level Education as a Space of Graduates' Professional and Personal Development]. Chelyabinsk, 2009.

Сведения об авторе

Ларионова Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: lal44@mail.ru

Жданко Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: tatiana-zhdanko@mail.ru

Критерии авторства

Ларионова Л.А., Жданко Т.А. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 10.12.2017 г.

Author's Credentials

Larionova Larisa Aleksandrovna, Senior Lecturer of Sociology and Psychology Department in Irkutsk National Research Technical University, e-mail: lal44@mail.ru

Zhdanko Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in Irkutsk National Research Technical University, e-mail: tatiana-zhdanko@mail.ru

Criteria for Authorship

Larionova L.A., T.A. Zhdanko have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Received 10 December 2017

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

© И.М. Михалёва

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье рассматривается психологическое благополучие студентов. Приводятся результаты исследования взаимосвязи психологического благополучия студентов и их отношение к экстремизму. Выявлены различия в переживании психологического благополучия и его взаимосвязи с самоотношением, личностной и реактивной тревожностью, самочувствием, активностью и настроением. Установлена взаимосвязь в оценках студентами экстремизма и их психологическим благополучием.

Ключевые слова: психологическое благополучие личности, молодежный экстремизм, студенчество, процессы переживаний, самоотношение, личностная и реактивная тревожность.

Формат цитирования: Михалёва И.М. Психологическое благополучие студентов как фактор профилактики экстремизма // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С.

STUDENTS' PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AS A FACTOR OF PREVENTING EXTREMISM

I.M. Mikhaleva

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str. Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the psychological well-being of students. It provides the results of study of relationship between students' psychological welfare and their attitude to extremism. The author has found out the differences in the experience of psychological well-being and its relationship with self-conception, personal and reactive anxiety, state of health, activity and mood. The relationship is determined between students' assessment of extremism and their psychological well-being.

Keywords: psychological well-being of personality, youth extremism, studentship, processes of experience, self-conception, personal and reactive anxiety

For citation: Mikhaleva I.M. Students' psychological well-being as a factor of preventing EXTREMISM // Social competence, 2017, vol. 2, no 4, pp.

Современная социальная реальность сотрясается жестокими и циничными проявлениями экстремизма. Под которым С.Н. Фридинский понимает «деятельность общественных, политических и религиозных объединений либо иных организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию либо иному содействию ее осуществлению, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной; на возбуждение

социальной, имущественной, расовой, национальной или религиозной розни, унижение национального достоинства; на отрицание абсолютной ценности прав человека; на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; на подрыв безопасности Российской Федерации, а равно публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению таких действий» [1].

Среди различных видов экстремизма молодежный занимает свое место и является одной из наиболее актуальных социально-политических проблем не только российской реальности. Часто экстремистские организации используют молодых людей как исполнителей экстремистских акций.

По мнению Солодиловой Т.В., Вылиток Р.Н., основным критерием, позволяющим отграничивать молодежный экстремизм от экстремизма вообще, является возраст его приверженцев. Выделены следующие возрастные рамки: 15–29 и 14–30 лет [2]. Физические и психологические особенности, присущие каждому возрасту, находят отражение в поведенческих реакциях. В поведении молодежи выделяют «экстремальность», под которой понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. Экстремальный тип сознания проявляется в специфических формах поведения, характеризующихся импульсивностью мотивации, агрессивностью, склонностью к риску, эпатажем, отклонениями от принятых норм либо, наоборот, подавленностью, депрессией, пассивностью [2].

Все это ставит перед широким пластом специалистов, работающих с молодежью, особые задачи профилактической работы.

Студенчество – это передовая часть молодежи, получающая высшее образование, которая в будущем станет основой социального пространства страны. Студенческий возраст (17 – 22 года) по своим психологическим параметрам является наиболее активным возрастом, в котором происходит профессиональное становление, формируются ценностные образования личности, определяющие жизненные цели и смыслы [3].

Сложность современной социально-политической ситуации особенно сильно влияет на студентов. Учёба в вузе – принципиально новый этап в сравнении с предшествующей жизнью школьника. Повышаются информационные нагрузки, сопровождающиеся аритмичностью в работе, усилением гиподинамии. Усложняются межличностные отношения, возникают проблемы в связи с оторванностью от семьи, проживанием в общежитии. Все это ведёт к длительному состоянию эмоционального напряжения, возникновению чувства тревоги, ощущения психологического неблагополучия [4].

В особенно сложном положении оказываются студенты начальных курсов,

попадая после выпускных экзаменов в школе и вступительных в вузе в новые специфические социальные отношения и условия деятельности. Для успешного обучения эти студенты вынуждены за счёт дополнительного волевого напряжения мобилизовать резервы организма, т. к. на занятия они приходят уже в сниженном функциональном состоянии. Студенты сталкиваются с непривычными методами и формами обучения, новыми эмоциональными переживаниями, у них меняется режим труда и отдыха, сна.

Следует отметить, что наиболее ярко процессы переживаний и возникающие в соответствии с этим дезадаптации проявляются в учебно-профессиональной деятельности [5]. Перестройка системы высшего образования, переход многих вузов на новые модели обучения связаны с изменениями учебных планов, введением новых курсов, педагогических технологий, образовательных программ [3].

Помимо нормативных кризисов, профессиональное становление студентов сопровождается ненормативными, обусловленными жизненными обстоятельствами. Такие из них, как отсутствие материальных средств, чтобы оплатить образование (большинство вузов производят обучение на коммерческой основе); трудности трудоустройства после окончания учебного заведения (отсутствие распределения выпускников после завершения образования); смена жительства (вынужденное переселение) и др., вызывая сильные эмоциональные переживания, часто приобретают отчетливо выраженный кризисный характер.

В практике учебно-воспитательной работы профессиональных учебных заведений разных типов нередки случаи, когда уже к концу первого, а особенно часто на втором или третьем (в зависимости от типа учебного заведения) году обучения, у учащегося может измениться отношение к процессу овладения профессией. Это так называемый отрицательный синдром второго и третьего года профподготовки: юноши и девушки разочаровываются в своём профессиональном выборе, а иногда даже задумываются о смене учебного заведения и перемене специальности. При этом существенно то, что все это может иметь место при неплохих показателях (учебных оценках) успешности обучения и

выполнения заданий во время прохождения практики.

Описанные условия учебной деятельности и связанные с ними кризисы профессионального становления и адаптации заметно влияют на поиск места реализации своих способностей и ресурсов, могут приводить молодых людей в «молодёжный экстремизм».

Исследование благополучия студентов показывает, что на сегодняшний день психологическое благополучие студентов носит субъективный характер и выражается в осознании ими своей жизни (целей, смыслов, достигнутых результатов – когнитивный компонент) и переживаниях за реализацию целей, за своё поведение в окружающем мире (эмоциональный компонент). Студенческие годы – это период профессионального становления, обуславливающий возникновение различных кризисов (адаптации, «вырывания корней», профессионального становления), способных изменить или снизить уровень психологического благополучия студентов. Вследствие этого происходит снижение эффективности учебной деятельности, возникают психосоматические расстройства.

Понятие «психологическое благополучие» в зарубежной психологии определяется как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, психологических, физических, социальных, духовных и экономических факторов [6].

Термин «психологическое благополучие» в научный обиход ввел Н. Бредбёрн [6], определяя его как субъективное ощущение счастья и общей удовлетворенностью жизнью. При этом он не подразумевал под психологическим благополучием ряд других широко используемых понятий, таких как сила Эго, самооценка, самоактуализация, автономия, но и не отрицал, того, что эти понятия могут иметь точки соприкосновения [6].

Психологическое благополучие, по мнению исследователей [7], могло бы стать универсальным, обобщающим понятием в понимании здоровой, гармонично развитой личности [8].

Автор концепции психологического благополучия К. Рифф [5] рассматривает его как базовый субъективный конструкт,

отражающий восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека.

Обобщив теоретические положения в области психологической самореализации, оптимального функционирования, здоровья, зрелости, развития жизни, самодетерминации личности, К. Рифф [5] выделила основные конструкты психологического благополучия, внеся, таким образом, определенность в отношении критериев психологического благополучия личности.

В структурную модель психологического благополучия К. Рифф вошли следующие параметры: самопринятие (осознание и принятие всех сторон своей личности, позитивная оценка себя и всей своей жизни в целом), личностный рост (стремление развиваться, учиться новому, ощущение собственного прогресса); автономия (способность противостоять социальному давлению, независимость в оценках себя и своего поведения, способность к саморегуляции), компетентность в управлении средой (способность добиваться желаемого, умение преодолевать трудности на пути реализации своих целей); позитивные отношения с окружающими (умение устанавливать длительные доверительные отношения, способность к эмпатии, гибкость во взаимоотношениях с окружающими), наличие жизненных целей (переживание осмысленности своей жизни, ценности прошлого, настоящего и будущего).

Разработанная К. Рифф теория психологического благополучия послужила базисом основания оригинального метода психотерапии и построения опросника, получившего широкое признание и применение в изучении различных сфер психологического благополучия.

На основании данного материала можно говорить о тенденции понимания содержания понятия «психологическое благополучие» как гармоничности личности, ее целостности, которое зависит от наличия ясных целей, наличия ресурсов для достижения целей, успешности в реализации своих планов, удовлетворенности межличностными отношениями, наличия положительных эмоций. Так, Л.А. Куликов [9] пишет, что гармония личности – это соразмерность основных сторон бытия личности: пространства личности, времени и энергии

личности потенциальной и реализуемой. Но к гармонии путь долгий и ее нельзя достичь без определенного хаоса, то есть психологического неблагополучия.

Принимая во внимание сложность и многоаспектность психологического благополучия, необходимо проанализировать различные взгляды на понимание данного психологического феномена и его конструкций.

Наиболее близким к «психологическому благополучию» является «субъективное благополучие».

Понятие «субъективное благополучие» предложил Э. Динер [10]. В его структуру он включил такие компоненты как: удовлетворение, приятные эмоции и неприятные эмоции, формирующие единый показатель субъективного благополучия. При этом речь шла о когнитивной оценке удовлетворенности различными сферами своей жизни и эмоциональной стороне самопринятия, так как, по мнению Э. Динера, большинство людей, оценивают то, что с ними случается по шкале «хорошо – плохо» и такая оценка всегда эмоционально окрашена. Высокий уровень субъективного благополучия определяется частым переживанием чувства радости и любви и редким переживанием негативных чувств, таких как печаль. При низком уровне субъективного благополучия человек не удовлетворён жизнью, оптимистические чувства замещаются у него различными пессимистическими эмоциями. Э. Динер считает, что субъективное благополучие может определяться только с точки зрения внутреннего опыта человека.

По мнению отечественного исследователя Р.М. Шамионова [11] субъективное благополучие – это интегральное социально-психологическое образование, являющееся индикатором внутренней экологии личности, которое определяется через систему представлений личности о себе, своих отношениях, своей жизни, состоянии.

Близко по содержанию к понятию «психологическое благополучие» личности стоит понятие «удовлетворенность жизнью», которое в отдельных психологических исследованиях рассматривается как составляющая счастья, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность трудом [12].

Психологическое благополучие рассматривается также и в контексте проблемы качества жизни. Качество жизни, отмечает И. А. Джидарьян [12], психологически обусловлено настолько, что многие авторы предпочитают определять его как внутреннюю удовлетворенность или чувство субъективного благополучия личности, поэтому трудно определить, направлена работа на исследование качества жизни или посвящена психологии благополучия.

В зарубежной психологии [13] качество жизни понимается как степень благополучия личности или группы людей, которое в отличие от уровня жизни не является осязаемой вещью и не может измеряться непосредственно. В его структуру входят два компонента: физический и психологический. Физический включает в себя здоровье, диету (образ жизни), безопасность, защиту от болезни, свободу. Психологический аспект качества жизни включает положительные и отрицательные эмоциональные состояния, которые имеют субъективную специфику. При этом утверждается, что чем выше у населения физический аспект, тем выше уровень качества жизни населения.

Таким образом, в зарубежной и отечественной психологии многие ученые занимались проблемой психологического благополучия. Можно констатировать, что личностное благополучие является многоаспектным образованием. Это и уровень социального благополучия, которое можно понимать как удовлетворенность личности своим социальным окружением, социальным статусом, состоянием общества, к которому она принадлежит, удовлетворенность межличностными отношениями и чувство общности или чувство «мы». Это и уровень духовного благополучия, которое является осознанием возможности приближаться к богатствам духовной культуры; осознание смысла своей жизни; наличие веры во что-нибудь (себя, свое дело, любовь, дружбу, бога, судьбу, карму и т. п.) и возможность свободно проявлять приверженность своей вере. Это и уровень физического или телесного благополучия, которое зависит от самочувствия, здоровья, энергичности и удовлетворения индивидом своим физическим состоянием, тонусом.

Исследования психологического

благополучия студентов проводилось на базе ИРНИТУ в 2013–2015 годах. Выборочную совокупность составили студенты первых, вторых и третьих курсов, всего 188 человек, 110 девушек и 78 юношей в возрасте от 17 до 22 лет.

В результате изучения психологического благополучия студентов, было выделено три группы с низким, средним и высоким уровнем. Гр. 1 – 61 человек, из них 35 девушек и 26 юноши. Гр. 2 – 67 человек, из них 38 девушек и 29 юноши. Гр. 3 – 60 человек, из них 37 девушек и 23 юноши.

В исследовании использовались психодиагностические методики: К. Рифф «Шкала психологического благополучия»; С.Р. Пантеев, В.В. Столин «Тест опросник самооотношения»; Ч.Д. Спилберг, Ю.Л. Ханин «Шкала самооценки уровня тревожности»; В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б.Шарай, М.П. Мирошников «Методика и диагностика самочувствия, активности и настроения»; анкетирование, направленное на выявления отношения к экстремизму.

Между группами установлена статистически достоверная разница показателей: психологического благополучия; самооотношения; личностной и реактивной тревожности; самочувствия, активности и настроения - с помощью *t*-Стьюдента, при $p \leq 0,001$.

В гр.1 показатели психологического благополучия: «позитивное отношение с другими», «автономия», «управление средой», «цели в жизни», «самопринятие» имеют низкие показатели. Эти студенты недовольны собой, своими личностными качествами; не верят в свои силы, недооценивают возможности, негативно оценивают себя и свою жизнь, обстоятельствами и бессильны что-либо изменить в своей жизни. У них нет ощущения управления средой, что характеризует их как людей, имеющих ограниченное количество доверительных, близких отношений, сложности в проявлении теплоты, открытости в общении, неготовность идти на компромисс для поддержания отношений, и, возможно, поэтому ощущающих социальную изоляцию и фрустрированность, сложность в организации повседневной деятельности, ощущение невозможности контроля за происходящим. Полученные данные характеризуют

респондентов как не самостоятельных, не способных противостоять попыткам социума заставить думать и действовать определенным образом. Успеваемость таких студентов имеет среднюю оценку. Показатель «личностный рост» в этой группе имеет средний уровень. Эти студенты обладают возможностью развития, воспринимает себя «растущими».

Исследование параметров самооотношения выделило у респондентов четкое разделение в соответствии с группами психологического благополучия.

Низкому уровню психологического благополучия соответствует низкий уровень выраженности параметров самооотношения. Такие студенты видят в себе преимущественно недостатки, у них низкая самооценка и высокий уровень самообвинения. У них не выражено дружеское, снисходительное отношение к самому себе, нет чувства симпатии к самому себе, согласие со своими внутренними побуждениями. Вследствие чего у них наблюдается такие эмоциональные реакции на себя как раздражение, презрение, издевка, вынесение себе приговоров.

Среднему уровню психологического благополучия соответствует средний уровень самооотношения. Студенты гр. 2 имеют средние показатели по шкалам «позитивное отношение с другими», «автономия», «управление средой», «личностный рост», «цели в жизни», «самопринятие». Для этих студентов характерны доверительные отношения с окружающими; они способны сопереживать и понимать, что человеческие отношения строятся на взаимных уступках. Они самостоятельно регулируют собственное поведение и не поддаются попыткам общества заставить думать и действовать определенным образом. Наши респонденты способны улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей. Они имеют цель в жизни и чувство направленности.

Высокому уровню психологического благополучия соответствует высокий уровень самооотношения, вера в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценка своих возможностей, они способны контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, при этом пони-

мая самого себя. Особенностью студентов, имеющих высокий уровень психологического благополучия, является самопринятие, высокая самооценка, доверительные отношения с окружающими, наличие целей в жизни, самостоятельность и независимость. Для студентов, имеющих низкий уровень психологического благополучия, характерно лишь ограниченное количество доверительных отношений с окружающими, зависимость от мнения и оценки окружающих, сложности в организации повседневной деятельности, отсутствие собственного развития, чувства направленности и недовольство собой.

Дальнейшее исследование предполагало изучение личностной и реактивной тревожности, самочувствия, активности и настроения у студентов в зависимости от уровня психологического благополучия. Был проведен корреляционный анализ всех признаков для всей выборки.

Установлено, что существует отрицательная корреляционная взаимосвязь между признаком «психологическое благополучие» и уровнем «личностной тревожности» ($r=0,083$, при $p \leq 0,001$) и «реактивной тревожности» ($r=0,917$, при $p \leq 0,001$). Студенты с более высоким уровнем психологического благополучия в наименьшей степени подвержены тревоге. Они уверены в себе, в своих силах и не сомневаются в своей работе, при этом хорошо взаимодействуют с людьми. У них отсутствует чувства беспокойства, волнения и преобладает позитивное видение мира. Студенты, переживающие наиболее низкий уровень психологического благополучия, напротив, склонны воспринимать, угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать на них выраженным состоянием тревожности. Состояния тревожности появляется в разнообразных ситуациях, особенно когда они касаются оценки компетенции и престижа.

Самочувствие, активность и настроение имеют положительную корреляционную взаимосвязь с уровня психологического благополучия ($r=0,815$; $0,793$ и $0,871$ соответственно, при $p \leq 0,001$). Чем выше активность, бодрость, оптимизм в настроении, выше работоспособность, увлечённость своей деятельностью, интерес, тем выше психологическое благополучие.

Корреляционный анализ установил отрицательную взаимосвязь при $p \leq 0,001$ между показателями психологического благополучия: «уровень психологического благополучия», «позитивное отношение с другими», «автономия», «управление средой», «цели в жизни», «самопринятие» и ответами на вопросы анкеты («Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлениями экстремизма в повседневной жизни?»). Чем выше психологическое благополучие студентов, тем реже они сталкиваются с проявлениями экстремизма в повседневной жизни. Беседа со студентами гр. 1 показала, что в понимание проявлений экстремизма в повседневной жизни у них имеет широкий смысл, включающий все проявления несправедливости в их жизни. Студенты гр. 2, гр. 3. более четко характеризовали экстремизм. На вопрос анкеты «Некоторые люди испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. А Вы лично испытываете подобные чувства по отношению к представителям какой-либо национальности?» только 15 % респондентов дали положительные ответы. Корреляционных взаимосвязей ответов на этот вопрос и показателя «психологическое благополучие» не выявлено.

На вопрос анкеты «От кого, по Вашему мнению, в наибольшей степени зависит решение проблем экстремизма?» студенты с низким уровнем психологического благополучия, 52 человека. отвечали «от федеральных властей и правоохранительных органов», 48 – «от правоохранительных органов». 72 студентов с высоким и средним уровнем психологического благополучия отвечали «от населения в целом», 48 % – «от местных (муниципальных) властей», 23 % – «от региональных (областных) властей».

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что студенчество должно переживаться как время постановки целей, реализации потенциала в различных сферах жизни: в учебной и внеучебной деятельности и личных отношениях, если это так, то констатируется психологическое благополучие, низкий уровень личностной и реактивной тревожности, хорошее настроение, самочувствие и активность.

Со студентами, имеющими низкий

уровнем психологического благополучия, необходима работа кураторов групп, с целью мотивирования к учебной и внеучебной деятельности. В вузе необходимо обращать внимание на студентов пассивных, несобранных, ничем не заинтересованных, имеющих низкую самооценку, так как они становятся группой риска. И если им не помогать социализироваться, то нам не удастся сформировать у них четкую, отрицательную оценку в отношении экстремиз-

ма и научить их различать признаки этой опасности и знать, что делать в такого рода ситуациях. Вузы проводят большую работу по воспитанию молодежи, предлагают широкий круг мероприятий и возможностей. Но часть студентов остается безучастной и незаинтересованной. Нужна хорошо спланированная воспитательная работа, направляющая студенчество в русло адекватных социальных процессов.

Библиографический список

1. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6. С. 24
2. Солодилова Т.В., Вылиток Р.Н. Молодежный экстремизм: особенности, причины, меры воздействия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.com> (11.11. 2017).
3. Васильева С.В. Структурные и динамические особенности студенческого адаптационного синдрома. СПб. 2000. С. 185.
4. Барышева Е.В., Чвякина С.А. Социально-психологические особенности здоровья студентов старших возрастов // Человек в трудной жизненной ситуации: Материалы I и II научно-практических конференций 24 декабря 2003 г. и 8 декабря 2004 г. / Под ред. Е.А. Петровой. М.: Издательство РГСУ, 2004. С.126–128.
5. Голубева М.Г. Профессиональная мотивация как психологический фактор преодоления кризисов профессионального // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. С. 317–321.
6. Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО – Пресс. 2001. С. 200.
7. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности // Психологиче-

8. Фесенко П.П. Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций. // Научные труды аспирантов и докторантов / Факультет научно-педагогических кадров Московского гуманитарного университета /Ред. совет: Е.Д. Катильский и др.; Сост., научн. Ред. В.К. Криворученко. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. Вып. 46. С. 35–48.
9. Куликов Л.В. Характеристики гармонии личности / Ежегодник российского психологического общества. Материалы III Всероссийского съезда психологов. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2002. С. 646–676.
10. Аргайл М. Психология счастья / Под ред. М.В. Кларина; Пер. с англ. М.: Прогресс. 2007. С.403.
11. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 180.
12. Джидарьян, И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. С. 268.
13. Козьмина Л.Б. Оптимизация психологического благополучия личности студентов-психологов в период обучения в вузе // Историческая и социально-образовательная мысль. ИСОМ. 2013. № 5 (11). С. 216–219.

References

1. Fridinskii S.N. Youth Extremism as the Most Dangerous Form of Extremism Manifestation. *Yuridicheskii mir* [Juridic World], 2008, no 6, 24 p.
2. Solodilova T.V., Vylitok R.N. *Molodezhnyi ekstremizm: osobennosti, prichiny, mery vozdeistviya* [Youth Extremism: Features, Reasons, and Enforcement Actions]. URL: <http://www.rusnauka.com> (11.11. 2017). (In Russian)
3. Vasil'eva S.V. *Strukturnye i dinamicheskie osobennosti studencheskogo adaptatsionnogo sindroma* [Structural and Dynamic Features of Stu-

- dents' Adaptation Syndrome]. Saint-Petersburg Publ, 2000, 185 p.
4. Barysheva E.V., Chvyakina S.A. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti zdorov'ya studentov starshikh vozrastov* [Social and Psychological Features of Students' Health in Later Years]. *Chelovek v trudnoi zhiznennoi situatsii. Materialy I i II nauchno-prakticheskikh konferentsii 24 dekabrya 2003 g. i 8 dekabrya 2004 g.* [Person Experiencing Hardship. Materials of I and II Scientific- Practical Conference 24 December 2003 and 8 December 2004]. Moscow: Russian State Social University, 2004, pp.126–

128. (In Russian)
5. Golubeva M.G. Professional Motivation as Psychological Factor of Overcoming the Crises. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Astrakhan State Technical University]. 2006, pp. 317–321. (In Russian)
6. *Ekzistentsial'naya psikhologiya. Ekzistentsiya* [Existential Psychology: Existence]. Moscow: Aprel' Press, EKSMO – Press Publ, 2001. 200 p.
7. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. *Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti* [Psychological Well-Being of a Person]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics], 2005, no 3, pp. 95–129. (In Russian)
8. Fesenko P.P. What is Psychological Well-being? Brief Review of Basic Concepts. Scientific Papers of PG and PhD Students. Faculty of Educational Research Staff of Moscow University for Humanities]. Moscow: Moskovskogo gumanitarnogo universiteta Publ, 2005, vol. 46, pp. 35–48. (In Russian)
9. Kulikov L.V. Characteristics of Personality Harmony. *Ezhegodnik rossiiskogo psikhologicheskogo*

- obshchestva. Materialy III Vserossiiskogo s'ezda psikhologov* [Annual of Russian Psychological Society. Materials of all-Russian Psychologists' Visit]. Saint-Petersburg University: Saint-Petersburg Publ, 2002, pp. 646–676. (In Russian)
10. Argail M. *Psikhologiya schast'ya* [Psychology of Happiness]. Moscow: Progress Publ, 2007. 403 p.
11. Shamionov R.M. *Psikhologiya sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti* [Psychology of Subjective Well-being of Personality], Saratov: Saratovskogo universiteta Publ, 2004, p. 180.
12. Dzhidar'yan, I.A. Psychology of Happiness and Optimism. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ, 2013. 268 p.
13. Koz'mina L.B. Optimization of Psychological Well-being of Psychology Students Studying in the University, *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Thought], Institute of social and educational management, 2013, no 5 (11), pp. 216–219. (In Russian)

Сведения об авторе

Михалёва Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: irinamichajl._@mail.ru

Критерии авторства

Михалёва И.М.. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 10.12.2017 г.

Author's Credentials

Mikhaleva Irina Mikhajlovna, Senior Teacher of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University, e-mail: irinamichajl._@mail.ru

Criteria for Authorship

Mikhaleva I. M. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Received 10 December 2017

ТРУДОВАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

© В.Б. Большов

Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы совмещения образовательных и трудовых практик современной студенческой молодежью. Приводятся результаты исследования, подтверждающие тенденцию к росту числа студентов, совмещающих образовательную и трудовую занятость. Выявлены различия в мотивации и степень включенности в трудовые отношения у студентов очных и заочных форм обучения. *Ключевые слова:* высшее образование, работающий студент, совмещение учебы и работы, рынок труда, трудоустройство.

Формат цитирования: Большов В.Б. Трудовая и образовательная занятость студентов вузов // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 91–96.

EMPLOYMENT AND EDUCATION EMPLOYMENT OF UNIVERSITY STUDENTS

V.B. Bolshov

Kuban State University,
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russian Federation

Abstract. The article considers the motives for modern students' combining educational practice and internship. It provides the results of the study proving the upward trend on the rise in the number of students combining education and employment. The differences in full-time and extramural students' motivation and degree of their involvement in labor relations have been identified.

Keywords: higher education, working student, combining study and work, labour market, employment

For citation: Bolshov V.B. Employment and education employment of university students // Social Competence. 2017, vol 2, no. 4, pp. 91–96. (In Russian)

Проблемы совмещения образовательных и трудовых практик современной студенческой молодежью становятся в последние годы все более актуальными. Исследователи выделяют общую тенденцию – рост числа студентов, одновременно совмещающих обучение в вузе и работу по найму. Также отмечается рост количества времени, затрачиваемого на подработку, особенно на старших курсах обучения. И обучение в вузе, и работа одновременно являются формами занятости современной студенческой молодежи.

В работах по данной проблеме отмечается, что в качестве одной из ключевых причин увеличения масштабов совмещения учебы и работы заключается в переходе во многих странах от элитарного к массовому высшему образованию, в вовлечении в процесс получения высшего образования более широких слоев населения [7, с. 153].

Совмещение учебных и образовательных практик студентами вузов становится все более актуальной проблемой в

междисциплинарных исследованиях на стыке экономических, социологических и педагогических теорий. В частности отмечается, что "эффективное трудоустройство молодых специалистов является результатом реализации стратегий поведения молодежи на рынке труда и представляет собой функцию зависимости этих стратегий, с одной стороны, от факторов конкурентоспособности молодежи: образования, опыта работы, поведенческих компетенций, социального капитала, а с другой стороны – от специалистов, величины пособия по безработице, мер государственной политики в области поддержки молодежной занятости, поведения и ожидания работодателей в области найма молодых специалистов, институциональных издержек поиска работы" [3, с. 44].

Специфические особенности положения современного российского студенчества на рынке труда и молодежи в целом достаточно широко представлены в работах российских исследователей (Г.Е.

Зборовский, Ю.А. Зубок, Д.Л. Константиновский, И.А. Лелекина, Н.А. Лоншакова, В.А. Луков, К.В. Маркова, Г.М. Мкртчян, А.В. Родионова, С.Ю. Рошин, В.Н. Рудаков, Г.А. Чередниченко, В.И. Чупров, Е.А. Шуклина). Так, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров отмечают негативные тенденции в вопросе трудоустройства молодых людей. «В 2011 г. 36,3 % работали в полном соответствии с полученной специальностью; по близкой, схожей специальностью – 27,4 %; 29,7 % по совершенно другой; затруднились с ответом – 6,6 %. То есть каждый третий молодой специалист трудился не по специальности, полученной в вузе. Для сравнения, в 2002 г. в полном соответствии с полученной специальностью работали 50,1 % молодых специалистов, а по другой – 25,2 %. Это указывает на невысокую эффективность подготовки специалистов и на тенденцию ее снижения в результате реформы высшего образования, проводимой в последнее десятилетие. Негативная динамика трудоустройства по специальности, по сравнению с 2002 г., связана также с переходом на двухступенчатую структуру высшего образования. Профессиональная квалификация бакалавров ниже, чем у специалистов, на них меньше спрос на рынке труда» [5, с. 110].

Переход к рыночным условиям в экономических отношениях, трансформация отношений в трудовой сфере и всей структуре общественной жизни привели к совершенно новой ситуации в сфере социально-трудовых отношений, в которую попадают молодые люди еще на этапе обучения в вузе. С одной стороны, молодежь не может в полной мере принять и копировать опыт представителей старшего поколения, но в тоже время, она не всегда способна стать полноценным участником рыночной системы отношений, вступая подчас в слабо структурированные экономические отношения. Все чаще молодые люди проявляют свои индивидуальные траектории поведения на рынке труда. Как отмечает по этому поводу У. Бек, люди «начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями» [1, с. 107].

На смену стабильному обществу с его более-менее стандартизированными

формами трудовой занятости пришло общество риска, индивидуализированное общество, где трудовая биография стала носить переменный характер с сочетанием различных форм занятости. «Для современного общества характерно размытие представлений о трудовой биографии как одной организации, в которой человек работает всю жизнь, и одной профессии, полученной однажды и актуальной до выхода на пенсию» [8, с. 99].

В этой связи следует выделить ряд проблем, приводящих к сложности трудоустройства молодежи как в период обучения, так и после его окончания. Одной из таких причин является противоречивость процесса профессионального самоопределения молодых людей. Основания этой проблемы находятся еще в рамках школьной практики. Многие выпускники школ не представляют, где могут быть применены их знания, и соответственно, не могут определиться с дальнейшей профессией. "Специальность обучения и образовательный процесс рассматриваются как атрибут получения высшего образования или просто диплома, а не как возможность получить профессиональные навыки, компетенции, работать с высококвалифицированными преподавателями, стать профессионалом в выбранной сфере" [Там же, с. 95].

Другая группа причин связана с тем, что для нынешних работодателей не столько важен факт наличия диплома о высшем образовании у молодого специалиста, сколько его умение четко понимать суть своей работы, уметь применять теоретические знания на практике, и быстро находить оптимальные решения тех или иных задач. Современными работодателями очень ценится наличие опыта работы молодого сотрудника, что позволяет сократить финансовые затраты на его переподготовку. Поэтому значительно повышаются шансы тех молодых людей, которые в период обучения в вузе приобрели необходимый минимальный трудовой стаж и опыт работы. "Решение начать поиск работы студенты принимают в разные периоды обучения, но, в основном, ко второму-третьему курсу. С одной стороны, к этому времени студенты адаптируются к новой учебной ситуации, достигают совершеннолетия, с другой –

наступает момент, когда они осознают потребность в самостоятельности, независимости, желании ощутить себя в новом качестве, получить новый опыт" [Там же, с. 95].

По мнению ряда исследователей, работающий студент – это "новый социальный тип, обладающий высокой трудовой мотивацией, более адаптированный к современным условиям развития рыночной экономики, активный субъект трансформации нашего общества" [6, с. 70]. Отличительными чертами современного работающего студента является качественно иные притязания не только в отношении высшего образования, но и в отношении к будущей профессии. Так, по данным исследований, проведенных Т.Э. Петровой, ещё в середине 90-х годов подрабатывали 77 % студентов технических вузов, 72 % – экономических, 83 % – гуманитарных. Что касается курсов обучения, то на первом курсе работали около 40 % студентов, на втором – 54 %, на третьем – 81 %, на четвертом – 74 %, на пятом – 77 %. Причем две трети студентов работали уже на постоянной основе.

По результатам исследования студенчества крупных городов, проведенного под руководством Д.Л. Константиновского, отмечается, что "работа среди студентов распространенное, массовое явление: трудятся в той или иной форме около 40 % опрошенных нами студентов четвертых курсов, а оставшиеся в большинстве своем – это ищущие работу, но не сумевшие ее найти. Занятость студентов носит устойчивый характер, и доля работающих студентов возрастает от первого к старшим курсам" [6, с. 67].

В качестве основных причин, по которым студенты совмещают работу и учебу, можно выделить группу вынужденных причин и причин свободного типа. К причинам свободного личного выбора следует отнести то, что "студенты работают для поддержания высоких стандартов потребления и качества жизни: стиль жизни молодежи изменился, их потребительские предпочтения, сформированные обществом потребления, требуют немалых затрат" [6, с. 153]. Также студенты стремятся обрести определенную финансовую независимость, прежде всего от родителей.

Наряду с финансовыми обстоятельствами, на студенческую трудовую заня-

тость могут оказывать влияние социально-демографические факторы: половая принадлежность, семейное положение, наличие или отсутствие детей. Под социальными факторами, обуславливающими студенческую занятость, понимается возможность приобретения навыков делового общения, формирование деловых связей и контактов, знакомство с новыми людьми, и как результат – формирование необходимого социального капитала.

Кроме того, студенты работают, чтобы получить существенные конкурентные преимущества на рынке труда. Переход к массовому образованию привело к снижению его качества, снижению роли диплома как индикатора высокой подготовки специалиста. Поэтому наличие у выпускников вузов опыта работы является чуть ли не главным сигналом для работодателя о трудоспособности потенциального работника, его жизненных предпочтениях и амбициях.

Достаточно распространенной практикой трудовой занятости студентов является неофициальная форма. В определенной мере это позволяет реализовывать потребность молодежи в дополнительном заработке, без прохождения стадии официального трудоустройства, что для подавляющего большинства молодых людей сопряжено с большими материальными и психологическими трудностями – составление резюме, собеседование, испытательный срок, который не всегда может перейти в официальный прием на работу. Но в тоже время, такая форма работы, давая возможность заработка для молодежи, совершенно не защищает ее от возможных нарушений со стороны работодателя, данный вид трудоустройства является очень уязвимым и рискованным для молодых людей.

К причинам вынужденного трудоустройства следует отнести: низкий уровень материального положения студентов, маленькая зарплата, отсутствие возможности у родителей части студентов помогать им материально, необходимость оплачивать свое собственное обучение в вузе, для семейных студентов, особенно на заочной форме обучения, – содержать семью и помогать родителям. Одной из основных причин достаточно высокого числа работающих студентов остается низкая покупательная способность получаемой стипен-

дии. Факт получения стипендии во многом носит чисто символический характер.

Таким образом, в значительной степени подработка студентов в период обучения может быть рассмотрена как вынужденная занятость. Но если "в прежние времена для подавляющего большинства студентов вузов постоянная оплачиваемая работа не была жизненной необходимостью, то в настоящее время ситуация обратная" [4, С. 87]. В качестве одной из важных причин трудовой занятости следует выделить получение денежного вознаграждения для удовлетворения и поддержания необходимых жизненных потребностей. Ещё по результатам исследований 90-х годов XX века В.И. Герчиков в качестве главных целей совмещения работы и учебы выделил необходимость зарабатывать на жизнь. Он отмечает, что "первое место (и с подавляющим отрывом от других) занимает необходимость заработать себе на жизнь и на получение образования. На втором месте – работа студента о своем послевузовском трудоустройстве, осознанный вклад в свою трудовую и профессиональную карьеру. Здесь достаточно четко выделяются по меньшей мере три аспекта: а) получить реальный опыт работы в определенной сфере деятельности и совершенствоваться далее в этой сфере; б) получить некий формальный опыт работы, чтобы было что написать в «резюме» и тем повысить свои шансы на получение желаемой работы в другой фирме; в) познакомиться за время учебы в вузе с несколькими видами работ, испытать себя в этих работах и выбрать ту, которая более всего подходит на роль постоянной" [Там же, с. 88].

В качестве позитивных моментов включенности студентов в трудовые практики следует выделить: желание получить реальный опыт, стремление попробовать свои силы в работе по специальности, желание по освоению избранной специальности не только в теории, но и на практике, стремление найти свою трудовую нишу и свести к минимуму риски, связанные с трудоустройством после окончания вуза. Кроме того, совмещение работы и обучения ускоряет процесс социализации молодых людей, придает им необходимый жизненный опыт и формирует идентичность в рамках определенной профессии, расширяется

круг общения молодых людей за пределами вуза, приобретаются новые навыки и компетенции вне стен вуза.

Студенты, сумевшие устроиться на работу во время обучения, как правило, позитивно оценивают факт совмещения учебных и трудовых практик, которые взаимно дополняют друг друга. Эти студенты наиболее успешные, более уверенные и адаптированные к рынку труда.

Включенность студентов в трудовые отношения часто является определяющим фактором их отношения к учебному процессу, важности и актуальности знаний для дальнейшей жизни. Как свидетельствуют результаты исследований, более серьезное отношение к учебе присуще студентам, работающим по специальности вуза или в близкой к ней сфере. В целом работа может положительно влиять на отношение студентов к учебе при условии приближенности ее характера и содержания к вузовской специализации, так как успешность усвоения знаний по предметам учебной программы во многом зависит от имеющихся у студентов представлений о будущей профессии. "Студенты, работающие по специальности, учатся даже несколько лучше своих неработающих сокурсников. Последнее согласуется и с оценкой этими студентами воздействия, которое работа оказала на их отношение к учебе. Считающих, что с появлением работы их отношение к учебе в вузе стало более серьезным, оказалось среди таких студентов в два раза больше, чем выразивших противоположную точку зрения" [2, с. 138].

С целью подтверждения обозначенных выше тенденций был проведен социологический опрос среди студентов 3–5 курсов Кубанского государственного университета. Всего было опрошено 175 человек, 90 студентов очной формы обучения и 85 студентов заочной формы. По результатам исследования можно сделать следующие выводы. За период обучения в КубГУ только 29 % не занимались подработкой в свободное время. Треть студентов находилась в состоянии постоянной подработки в течение всего периода обучения.

Для студентов заочной формы обучения в большей степени характерна постоянная трудовая занятость – более 53 %. Это выступает достаточно очевидным фак-

том, поскольку эта группа студентов находится в состоянии брака, некоторые имеют детей. В тоже время и для этой группы в настоящее время не все однозначно. Четверть студентов-заочников занимались трудовой деятельностью время от времени, а каждый пятый студент-заочник не занимался работой в период обучения в вузе. Хотя в относительно недалеком прошлом практически все студенты-заочники были включены в трудовую деятельность. Студенты-мужчины подрабатывали чаще, чем студенты женского пола. Соответственно, 79,3 % мужчин и 69,6 % женщин. Каждый четвертый студент-заочник по сути не имеет постоянного места работы и занимается трудовой деятельностью либо на каникулах (17,6 %), по выходным дням (9,8 %) или вечерами (5,9 %). Для студентов заочного отделения характерна степень включенности в трудовые отношения практически с самого первого курса обучения – более 70 %.

Ситуация со студентами дневного обучения практически прямо противоположная. Основная форма их занятости – это обучение в вузе. 37,3 % респондентов отметили, что они не занимались работой в течение всего прошедшего периода обучения. Для этой группы студентов трудовая деятельность рассматривается как вторичная. Но в тоже время каждый десятый студент дневного обучения отметил, что «постоянно подрабатывал в период обучения» – 9,3 %. Характер этой подработки носил по большей части временный и непостоянный характер. Только 17 % работающих студентов дневных отделений отметили, что трудились они практически каждый день. Большая часть студентов дневного обучения совмещала работу по вечерам – 51,1 %, летом – 46,8 % или в выходные дни – 36,2 %.

В научной литературе часто отмечается, что тенденция к совмещению работы и обучению в вузе наиболее актуальна для малоимущих студентов. Но данные нашего опроса показали несколько иную картину этого вопроса. Включенность в трудовую деятельность была характерна как для малообеспеченных, так и для достаточно обеспеченных студентов.

Результаты опроса показывают, что наиболее значимыми мотивами совмещения образовательной и трудовой деятельности является "необходимость иметь личные

(карманные) деньги на мелкие расходы" – 59,2 %, "стремление к собственной реализации" – 57,1 %, "получение опыта работы" – 53,1 %, "получение навыков реальной работы" – 52,0 %.

Также следует отметить неравномерность приоритетов в ответах студентов очной и заочной форм обучения. Так для студентов дневного отделения самым важным оказалось желание иметь карманные деньги – 78,7 %, у заочников только 41,2 %, а также "стремление к собственной реализации" – 61,7 %. В тоже время заочники в большей степени ориентированы на получение реального опыта работы в период обучения в вузе. Они чаще отмечают, что занимаются работой, чтобы поддержать уже свою семью и быть материально независимыми от родителей. Также в ходе анкетирования студенты отмечали, что мотивацией совмещения работы и обучения в вузе является необходимость получения навыков коммуникации вне стен вуза, умение общаться с другими людьми и особенно с работодателями.

Как правило, на последних курсах обучения у студентов сформировано прагматическое, утилитарное отношение к учебе и учебному процессу, они уже имеют достаточно четкое представление о том, какие предметы им более необходимы. Многие вузы поощряют подобного рода совмещение, давая студентам график свободного посещения занятий, что позволяет им приобретать профессиональные знания по выбранной специальности еще в стенах вуза. По данным нашего опроса 52,2 % опрошенных студентов отмечают, что работа не мешает учебному процессу, в тоже время 47,8 % придерживаются мнения, что "работа мешает успешно осваивать учебную программу" либо "не хватает времени на учебу".

Таким образом, снижение общего уровня жизни населения привело к росту трудовой занятости среди студенческой молодежи, вынужденной работать в свободное от учебы время. Проявляется достаточно четкая тенденция «размывания» молодежи, у молодых людей растет уровень пессимизма относительно возможности работать по получаемой в вузе специальности, меняется трудовая мотивация. Часто приоритет отдается не содержательному

креативному труду на производстве или в организации, а труду с низкой интенсивностью, направленному на получение значительной материальной выгоды любым путем. Но наиболее важной проблемой является отсутствие навыков трудовой жизни и построения взаимоотношений в рабочей

группе у молодых людей, неустойчивость психологического поведения, излишняя эмоциональность, то, что свидетельствует о низкой социальной зрелости молодых людей, недостаточном уровне их социализации.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
2. Большакова О.А. Оплачиваемая работа в жизни студентов // Социс. 2005. № 4. С. 136–139.
3. Вишневецкая Н. Г. Молодежь на рынке труда крупного города: проблемы эффективного трудоустройства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2014. № 15. С. 38–48.
4. Герчиков В.И. Феномен работающего студента вуза // Социс. 1999. № 8. С. 87–94.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение моло-

- дежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социс. 2012. № 8. С. 103–111.
6. Константиновский, Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы. М., 2009. 72 с.
7. Рошин С.Ю., Рудаков В.Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152–179.
8. Харченко В.С. Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики или новые смыслы // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 92–104.

References

1. Bek U. *Obschestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow, 2000.
2. Bol'shakova O.A. Paid Employment in Students' Life. *Socis* [Socis], 2005, no. 4, pp. 136–139.
3. Vishnevskaja N. G. *Molodezh na rynke truda krupnogo goroda: problemy jeffektivnogo trudoustrojstva* [Youth on the Labor Market of a Big City: Problems of Effective Employment]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin: Economics, Information Technologies], 2014, no. 15, pp. 38–48. (In Russian)
4. Gerchikov V.I. Phenomenon of Working University Student. *Socis* [Socis], 1999, no. 8, pp. 87–94. (In Russian)

5. Zubok Ju.A., Chuprov V.I. Youth Attitude towards Education as Improvement of Effectiveness of Skilled Workers Training. *Socis* [Socis], 2012, no. 8, pp. 103–111. (In Russian)
6. Konstantinovskij, D.L., Cherednichenko G.A., Voznesenskaja E.D. *Rabotajushhij student: motivy, real'nost', problemy* [A Working Student: Motives, Reality, Problems]. Moscow, 2009, 72 p.
7. Roschin S.Ju., Rudakov V.N. Combining Work and Study by Russian Universities Students. *Voprosy obrazovanija* [Educational Studies], 2014, no. 2, pp. 152–179. (In Russian)
8. Kharchenko V.S. Combining Work and Study in Universities: New Practices or New Implications. *Voprosy obrazovanija* [Educational Studies], 2013, no. 3, pp. 92–104. (In Russian)

Сведения об авторе

Большов Виктор Борисович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, e-mail: bolshov_v@mail.ru

Критерии авторства

Большов В.Б. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 27.10.2017 г

Author's Credentials

Bolshov Victor Borisovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology Department, e-mail: bolshov_v@mail.ru

Criteria for Authorship

Bolshov V.B. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Received 27 October 2017

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ КРУПНЫХ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИРКУТСКА)

© Н.И. Гаврилова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия музеев представителями различных социальных групп населения Иркутска. Делается вывод об относительной активности функционирования музейного сегмента социокультурного пространства города. Подчеркивается гендерная и возрастная специфика частотности посещения музеев. Выявлены ожидания и запросы различных социальных групп городского населения, предъявляемые современному музею как культурно-просветительскому центру. *Ключевые слова:* социокультурное пространство города, музей, музейная аудитория, музейные технологии, музейные коммуникации.

Формат цитирования: Гаврилова Н.И. Современный музей в восприятии жителей крупных сибирских городов (на примере города Иркутска) // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 97–101.

PERCEPTION OF MODERN MUSEUM BY LARGE SIBERIAN CITIES RESIDENTS (AN EXAMPLE OF IRKUTSK CITY)

N. I. Gavrilova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the features of perception of museums by various social groups in Irkutsk. It concluded about the relative activity of functioning of museum segment of the sociocultural space of the city. The author places special emphasis on gender and age specifics of the frequency of museum visits and identifies the various social urban population groups' expectations and demands applicable to a modern museum as a cultural and educational center.

Keywords: socio-cultural city space, museum, museum audience, museum technology, museum communication

For citation: Gavrilova N.I. Perception of modern museum by large Siberian cities residents (an example of Irkutsk city) // Social Competence. 2017, vol. 2, no. 4, pp. 97–101. (In Russian)

Одним из определяющих условий успеха музея как культурно-социального феномена в современном обществе становится его уникальность, а вместе с тем способность выступать одним из факторов развития города и региона, в целом. Инновационный подход к пониманию роли музеев и их деятельности распространяется в зарубежных странах, начиная с 1990-х гг. Музеи все в большей степени становятся культурно-просветительскими центрами, выступающими площадкой для диалога широкого круга специалистов: музейных кураторов, дизайнеров, художников, архитекторов, фотографов, ученых и др. Концептуально важная отличительная особенность современных музеев от традиционных заключается также в смене приоритетов: ставка делается на развлекательный

аспект и работу с массовым посетителем без привязки к его уровню образования и социальному статусу. В рамках данного подхода вполне можно согласиться с точкой зрения И.И. Ласкиной, подчеркивающей, что «музей в настоящее время приобретает все больше черт аттракциона» [1]. Это находит выражение не только в облике зданий, но и особенностях экспозиций, многообразных формах музейной активности, в количестве и качестве сопутствующих услуг.

В данных обстоятельствах особое значение приобретает выработка музеем своей социокультурной стратегии, реализуемой, с одной стороны, в концепции «нового музея» («меняющегося музея в меняющемся мире»), с другой, – в рамках коммуникативной системы «музей – посетитель – городская среда».

В центре исследований оказываются проблемы взаимодействия музея и общества, роль музея в культурном пространстве города, проблемы изучения музейной аудитории. Данные вопросы вызывают все больший интерес у социологов, способствуя росту публикаций по данной проблематике. В частности, анализ музея в социокультурном пространстве города представлен Г.Б. Кораблевой и А.В. Меренковой [2], Е.М. Акуличем [3]. Ими предпринята попытка исследования музея в качестве социокультурного института. А.С. Максимовой [4] был сделан аналитический обзор исследований музейных посетителей. Музей как поле социокультурных коммуникаций стал предметом изучения Е.С. Грачевой [5], Н.П. Катиной [6] и др.

Настоящее исследование ставит в центр внимания анализ общих характеристик музейного пространства г. Иркутска, выявление потребностей различных социальных групп населения в музее как учреждении просвещения и досуга.

В исследовании приняли участие 1220 иркутян, проживающих на территории Свердловского (388 человек), Правобережного (232 человека), Октябрьского (296 человек) и Ленинского (304 человека) округов Иркутска. Квотирование проводилось по району проживания, полу (43,5 % мужчин и 56,5 % женщин) и возрасту (14-15-летних было опрошено 3,4 %, 16-20-летних – 8,4 %, 21-25-летних – 14,4 %, 26-35-летних – 23,3 %, 36-45-летних – 15,6 %, 46-60-летних – 20 %, старше 60 лет – 15 %).

По образовательному цензу среди опрошенных 47 % имеют высшее образование, каждый пятый (19,1 %) – среднее профессиональное; 17,7 % респондентов указали на неоконченное высшее образование; 11,4 % опрошенных имеют среднее образование, 4,2 % учатся в школе.

Широкий спектр занятости респондентов также выступает основой учета самых разнообразных мнений. Каждый седьмой опрошенный иркутянин является пенсионером (13 %), каждый шестой – учащимся (16,6 %), каждый десятый находится на государственной и муниципальной службе (11,1 %), занят в сфере торговли (9,3 %), в здравоохранении, образовании или культурной сфере (9,6 %), сфере услуг (9,2 %). В диапазоне 4,4-7,2 % сферой своей за-

нятости респонденты указали военную службу и службу в правоохранительных органах, производство, транспорт, строительство, предпринимательство. 44 человека (3,6 %), попавших в выборку, являлись на момент опроса безработными.

Каждый второй респондент оценил свое материальное положение как «среднее» (51,7 %), каждый третий (34,2 %) – как «хорошее», 44 человека (3,6 %) – как «очень хорошее». Подобные оценки позволяют включить 90 % иркутян в число потенциальных (с экономической точки зрения) посетителей музея. Оставшиеся же 10 % респондентов оценили свое материальное положение как «плохое» (4,3 %) и как «очень плохое» (1,1 %); наконец, 5 % опрошенных не ответили на вопрос. Результаты исследования дали следующие показатели.

Музейный сегмент социокультурного пространства города, в целом, иркутянам хорошо знаком. Каждого четвертого иркутянина (в целом, 25 % респондентов; из них 8,4 % опрошенных последний раз были в музее в течение прошедшего месяца, 7,8 % – в течение последних трех месяцев, 8,7 % – в течение последнего полугодия) можно причислить к регулярным посетителям музеев города, находящим возможность в течение шести месяцев хотя бы раз «заглянуть» в музей на одну из выставок или на какое-либо мероприятие. При этом несколько чаще среди условно выделенных нами «регулярных посетителей» можно встретить женщин (25,6 %), чем мужчин (23,7 %), жителей Октябрьского (29 %) и Правобережного (26,2 %) округов, нежели Свердловского (20,5 %) и Ленинского (25,1 %) районов Иркутска. В значительной степени территориальная удаленность подавляющего числа музеев города от дома снижает частоту их посещения жителями Свердловского и Ленинского округов (данный вопрос нуждается в дополнительном изучении).

С интервалом от года до более 2 лет хотя бы один из музеев города посетили 60 % иркутян. Причем половина из них (29 %) в последний раз на музейной выставке были более 2 лет тому назад. Интересно отметить, что данная группа посетителей наиболее однородна как с точки зрения половозрастных характеристик, так и с позиций критерия проживания, одинаково фиксируясь на уровне 29-30 %.

Наконец, каждый седьмой иркутянин (15 % опрошенных) не находит для себя нужным вообще посещать какой бы то ни было музей. («Я вообще в музеи не хожу», – так могут о себе сказать 9,2 % женщин и 22,2 % мужчин Иркутска; 19,5 % жителей Свердловского и 16 % жителей Правобережного округа, 14,1 % – Ленинского и 8,7 % жителей Октябрьского округа).

Общая относительно высокая освоенность музейного сегмента социокультурного пространства города является внутренне дифференцированной относительно конкретных музеев. В рамках исследования были учтены «Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева» (ИОХМ), «Иркутский областной краеведческий музей» (ИОКМ), ГБУК «Музей декабристов», АЭМ «Тальцы», «Усадьба Сукачева», «Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова» (МИГИ).

Безусловным лидером среди иркутских музеев по критериям узнаваемости и посещаемости выступает ИОХМ им. В.П.Сукачева. Всего 8 % иркутян «ничего не знают» об этом музее; только 28 % горожан, зная о существовании такового, ни разу не бывали в нем. Больше половины всех иркутян (63,6 %) в возрасте с 14 лет и старше бывают в нем «редко» и «периодически».

Вторую позицию по критериям узнаваемости и посещаемости занимает АЭМ «Тальцы»: «редко» и «периодически» бывают в нем 55 % иркутян, третье место принадлежит ИОКМ (49 %). Из шести две последние позиции по критерию посещаемости принадлежат «Усадьбе Сукачева» и ГБУК «Музей декабристов». Вероятно, сказывается их несколько удаленное от центра города расположение: при относительно высокой осведомленности (43-47,4 %) о существовании в Иркутске этих музеев бывают в них горожане значительно реже (анализ влияния месторасположения музеев нуждается в уточнении, поскольку АЭМ «Тальцы» вовсе находится за чертой города), чем в выше названных.

Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова занимает четвертую позицию выстроенного рейтинга узнаваемости и посещаемости музеев города (41,5 %). Причем среди относительно постоянных посетителей музея, кто о себе может сказать «я бываю в МИГИ периодически», в три

раза больше женщин (18,8 %), чем мужчин (5 %; усредненный показатель – 12,8 %). Среди же редко оказывающихся в стенах МИГИ гендерные различия почти нивелированы: при усредненном показателе 28,7 % доля женщин составляет 30,6 %, доля мужчин – 26,3 %.

В рамках анализа обусловленности характеристик узнаваемости и посещаемости музеев Иркутска важное значение принадлежит оценке иркутянами музеев города с точки зрения уровня их «современности» (по оборудованию, информационным ресурсам, музейным технологиям, уровню подачи материала), т. е. готовности отвечать запросам современного информационного общества, а также способность музеев выглядеть «модными», «престижными» для посещения.

Важно отметить, что данный вопрос вызвал, в целом, немалое затруднение у иркутян. Треть респондентов (33,6-36,6 %) не смогли сформулировать свою позицию сколько-нибудь внятно, затруднившись дать ответ.

С другой стороны, почти каждый 10-й иркутянин оказался весьма категоричен в оценках уровня «современности» и «престижности» музеев города. 5 % опрошенных заявили, что ни один музей Иркутска они не могут назвать «современным» или «престижным»/«модным» для посещения. Еще 4,5 % респондентов убеждены в том, что «ходить в музей вообще не модно и не престижно». Наконец, 1 % иркутян «современным» и «престижным»/«модным» для посещения назвали «Экспериментарий» и «Отдел природы» ИОКМ.

Наиболее требовательными и строгими в оценках по всем обозначенным выше позициям оказались мужчины. В частности, в два раза больше мужчин (6,2-6,7 %), чем женщин (3-3,3 %) полагают, что ни один музей в Иркутске нельзя назвать «современным» или «престижным»/«модным». В восемь раз большим оказалось и число мужчин (8,8 % – доля мужчин, 1,1 % – доля женщин), считающих не престижным и немодным посещение каких-либо музеев вообще.

Среди же готовых поделиться своей оценкой престижности и модности иркутских музеев мнения распределились сле-

дующим образом. Первую и вторую ступени рейтинга занимают ИОХМ им. В.П. Сукачева и АЭМ «Тальцы». В то же время, несмотря на достаточную активность посещения ИОКМ, иркутяне, тем не менее, не считают его современным и престижным для посещения, отдавая свои голоса «Усадьбе Сукачева» (3 место рейтинга). Четвертую позицию занимает МИГИ им. А.М. Сибирякова. Причем, точки зрения представителей разных половозрастных групп гомогенны.

Что вкладывают иркутяне в понятие «современный музей»? Концептуализация ответов респондентов позволила выделить, в целом, 21 характеристику музея, объединенную нами в 8 смысловых комплексов (перечислены в порядке убывания их значимости для иркутян): 1) общая характеристика и направленность деятельности «современного музея»; 2) требования к музейным технологиям; 3) комфортность пребывания в музее; 4) предъявляемые требования к выставкам, экспонатам, экспозициям; 5) ожидаемые функции музея; 6) требования к уровню информативности; 7) предъявляемые требования к сотрудникам музея и 8) ценовой политике музея.

Безусловными лидерами характеристик «современного музея» с точки зрения иркутян выступают следующие. Современный музей, прежде всего, должен быть «интересным» (доля данной характеристики в общем массиве высказываний – 19,3 %), во-вторых, «использовать новейшие музейные технологии» (18,1 %) и, в-третьих, «быть комфортным для пребывания в нем» (12,6 %).

Данные приоритеты, включая значимость комфорта, в целом, находятся в общем русле ожиданий типичного посетителя музея современного потребительского общества [7; 8, с. 187].

При анализе главных черт «современного музея» в восприятии иркутян следует отметить их ранжированность в зависимости от половозрастных характеристик респондентов. В оценках мужчин и молодежи (12 % от общего массива высказываний) использование музеем новейших технологий в два раза важнее, чем женщинам и

лиц более старшего возраста (6,25 %). В то же время такой критерий оценки как «современный музей должен быть интересным» оказался более значим для женщин (11,1 %), чем для мужчин (8,1 %). «Комфортность пребывания в музее» оказалась одинаково важна мужчинам и женщинам, но в большей степени, для молодежи.

Другими значимыми характеристиками «современного музея» иркутяне назвали (перечислены в порядке убывания их значимости для иркутян): насыщенность экспозиции, уникальность экспозиции (9 %), должен быть современным (8,3 %), должен быть доступным (6,8 %, для женщин более значимо, чем для мужчин), должен быть познавательным (3,1 %, такой ответ дали женщины, имеющие детей до 10 лет), должен быть информационным (3 %, для мужчин более значимо, чем для женщин), должен быть «без изменений», «передавать дух времени» (2,8 %, значимо для мужчин старших возрастных групп), цены в музее должны быть невысокими (2,5 %, значимо для представителей старшего возраста), сотрудников музея должен отличать профессионализм, общительность, вежливость (2,5 %, для женщин более значимо), должна присутствовать интерактивность (2,3 %), должен быть креативным (2,2 %, значим для молодежи и для мужчин), музей должен иметь большую площадь (2 %), интеллектуально и духовно развивать (1,3 %, более значимо для мужчин).

В восприятии школьников 14-15 лет музей должен быть, прежде всего, интересным, красивым и чистым. Студенческая молодежь хочет видеть музей оснащенным различными компьютерными технологиями. Различные проекторы, интерактивные и мультимедийные доски помогают молодежи, живущей в новом компьютеризированном мире, легче воспринимать полученную информацию. Респонденты 26-35 лет отмечают, что хотели бы видеть в музее больше новых экспонатов, чтобы экскурсии сопровождались музыкой. Для респондентов от 46 лет и больше важно, чтобы музей соответствовал эпохе, «не нужно ничего менять», «важно сохранить старину».

Библиографический список

1. Ласкина И.И. Современный музей как фактор развития // Бюджет. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru/article/222913.php> (27.11.2017).
2. Кораблева Г.Б., Меренкова А.В. Музеи в социокультурном пространстве города / в кн.: Социальное пространство современного города. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 49–78.
3. Акулич Е.М. Музей как социальный институт // СОЦИС. 2009. № 6. С. 78–89.
4. Максимова А.С. Концептуальные и методологические вопросы изучения посетителей музеев // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 157–188.
5. Грачева Е.С. Музей как социокультурное явление современного общества // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. № 2 (20). С. 125–130.
6. Катина Н.П. Современный музей в предлагаемых обстоятельствах: универсалии и национальная специфика // Вопросы культурологии. 2010. № 4. С. 72–80.
7. Данилова Н.Ю. Современный Эрмитаж, или Музей в эпоху массового общества / Н.Ю. Данилова, А.В. Черных // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/da20.html> (24.11.2017).
8. Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. СПб.: Петрополис, 2001. 224 с.

References

1. Laskina I.I. *Sovremennyi muzei kak faktor razvitiya* [Modern Museum as Factor of Development]. *Byudzhët* [Budget], 2013, no. 3. URL <http://bujet.ru/article/222913.php> (27.11.2017). (In Russian)
2. Korableva G.B., Merenkova A.V. *Muzei v sotsiokul'turnom prostranstve goroda* [Museum in Sociocultural Space of the City]. *Sotsial'noe prostranstvo sovremennogo goroda* [Social Space of Modern City]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2015, pp. 49–78. (In Russian)
3. Akulich E.M. Museum as Social Institute. *SOTsIS*, 2009, no. 6, pp. 78–89. (In Russian)
4. Maksimova A.S. Conceptual and Methodological Issues of Museum Visitors Study. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematic Modeling], 2014, no. 39. pp. 157–188. (In Russian)
5. Gracheva E.S. Museum as Sociocultural phenomenon of Modern Society. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Technical University], 2009, no. 2 (20), pp. 125–130. (In Russian)
6. Katina N.P. Modern Museum in the Circumstances: Universals and National Specifics. *Voprosy kul'turologii* [Culturology Issues], 2010, no. 4, pp. 72–80. (In Russian)
7. Danilova N.Yu. *Sovremennyi Ermitazh, ili Muzei v epokhu massovogo obshchestva* [Contemporary Ermitage or Museum in the Epoch of Mass Society]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2007, no. 4 (54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/da20.html> (24.11.2017). (In Russian)
8. Kalugina T.P. *Khudozhestvennyi muzei kak fenomen kul'tury* [Museum of Art as Culture Phenomenon]. Saint-Petersburg: Petropolis Publ., 2001. 224 p.

Сведения об авторах

Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии, e-mail: nig2312@yandex.ru

Критерии авторства

Гаврилова Н.И. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 12.12.2017 г.

Author's Credentials

Gavrilova Natalya Igorevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, e-mail: nig2312@yandex.ru

Criteria for Authorship

Gavrilova N.I. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest

Received 12 December 2017

ОСОБЕННОСТИ ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

© Е.Г. Копалкина

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье раскрываются отличия добровольного медицинского страхования (ДМС) от обязательного медицинского страхования (ОМС), преимущества добровольного медицинского страхования (ДМС) для медперсонала, лечебных учреждений, застрахованных лиц, основные проблемы, современное состояние и факторы развития добровольного медицинского страхования в нашей стране. Приводятся отличия страхового договора от смежных видов договоров. Представлены результаты исследований на определение целевой группы потребителей услуг для ориентации страховщиков при продвижении добровольного медицинского страхования среди населения. Определены положительные тенденции развития института добровольного медицинского страхования.

Ключевые слова: медицинское страхование, добровольное медицинское страхование (ДМС), обязательное медицинское страхование (ОМС), страхователь, страховщик, страховой договор, Россия.

Формат цитирования: Копалкина Е.Г. Особенности добровольного медицинского страхования в России // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4. С. 102–110.

FEATURES OF VOLUNTARY MEDICAL INSURANCE IN RUSSIA

E.G. Kopalikina

Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Irkutsk, Russian Federation.

Abstract. The article elaborates the differences between voluntary medical insurance (DMS) and compulsory medical insurance (OMS), the benefits of voluntary medical insurance (VMI) for medical personnel, medical institutions, insured persons, the main problems, the current state and factors of the development of voluntary medical insurance in our country. It considers the differences between the insurance contract and the related types of contracts. The author provides the results of research aimed at identifying a target group of services consumers for insurers' orientation when promoting voluntary health insurance among the population.

Keywords: medical insurance, voluntary medical insurance (VMI), compulsory medical insurance (MHI), policyholder, insurer, insurance contract, Russia

For citation: Kopalikina E.G. Features of voluntary medical insurance in Russia // Social competence, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 102–110. (In Russian)

Система медицинского страхования в России состоит из обязательного медицинского страхования (ОМС) и добровольного медицинского страхования (ДМС). На сегодняшний день ОМС и ДМС развиваются и функционируют параллельно, дополняя друг друга. «Среди положительных и тенденций в развитии страхования следует отметить, что государственное и частное медицинское страхование не конфликтуют между собой, а скорее дополняют друг друга. При этом ОМС обеспечивает гарантируемый минимум бесплатных медицинских услуг, а ДМС – сверх данного минимума, что помогает существенно увеличить список доступных медицинских услуг» [1, с. 201].

В нашей стране функционирует бюджетно-страховая модель финансирования государственной системы здравоохранения, в основе которой находятся средства бюджетной системы РФ и средства фондов ОМС. Источниками ОМС являются отчисления работодателей, государственные средства через Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, прямые платежи из региональных бюджетов в лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ). Источниками ДМС являются финансовые средства работодателей и граждан.

Важнейшее различие между ОМС и ДМС заключается в том, что ОМС осуществляется на основе законодательства, а

ДМС – на основе страхового договора между страховщиком (гражданином, работодателем) и страховой компанией.

Анализ современного состояния института медицинского страхования показывает, что формирование новой системы медицинского страхования является важнейшей задачей российского общества. Важность медицинского обеспечения состоит в социальной, экономической и моральной ответственности государства перед гражданами, поскольку здоровье нации является необходимым базовым условием экономического развития страны и социального благополучия общества.

В нашей стране Федеральный закон «О медицинском страховании граждан в РФ» вышел 28 июня 1991 года (на сегодняшний день утратил силу). Он ввел обязательное медицинское страхование с целью обеспечения граждан равными правами для получения медицинских услуг, предусмотренных Программой государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи. С 1 января 2011 года вступил в силу новый Федеральный закон – «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ, основными положениями которого являются:

- выбор гражданином (а не работодателем) страховой компании, а для застрахованных граждан – замена страховой медицинской организации;
- выбор гражданином медицинского учреждения и конкретного врача;
- введение полиса единого образца, который действует на всей территории нашей страны, и не требует замены при смене своей страховой организации;
- разработка и введение базовой программы ОМС, согласно которой предусматривается список минимума медицинских услуг, минимальный объём оказания медицинской помощи, страховые случаи и способы компенсации за оказание медицинской помощи гражданам по ОМС.

На основе данных положений многими авторами подчеркиваются положительные моменты в медицинском страховании для страховщиков:

- снятие излишних административных барьеров для работодателей, во-

первых, нет необходимости работодателям заключать договоры со страховыми медицинскими организациями, во-вторых, нет необходимости в регистрации в территориальном фонде медицинского страхования (теперь учет плательщиков страховых взносов осуществляется Пенсионным фондом РФ);

- создание единой базы данных застрахованных граждан теперь позволяет получать медицинскую помощь в любом регионе России;

- введение нескольких источников финансирования лечебного учреждения: бюджет и система ОМС;

- произведение оплаты за счёт средств ОМС осуществляется за фактически оказанные медицинские услуги;

- выравнивание территориальной доступности и условий получения медицинской помощи за счет выделения субвенций Федерального фонда медицинского страхования более слабым регионам.

Данные улучшения направлены на решение проблем в области медицинского страхования в нашей стране, но тем не менее социальная эффективность ОМС имеет ограниченный характер, ведь население пока еще не удовлетворено в полной мере качеством и доступностью медицинской помощи. Принятый Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании граждан» признает необходимость модернизации ОМС, но кардинально и существенно меняет современного положения в медицинском обеспечении населения. Система медицинского страхования в нашей стране практически не учитывает положительный опыт и те наработки, которые имеются в западных моделях медицинского страхования.

В связи с отсутствием конкуренции между страховыми медицинскими организациями и между медицинскими учреждениями пациенты остаются отчужденными субъектами ОМС, так как решения в области медицинской помощи за них принимают страховщики, страхователи, исполнители медицинских услуг. Также выбор страховых организаций на монополистическом или олигополистическом рынке большинства территорий страны не стимулирует к более качественному обслуживанию населения. В целом можно сказать, что органи-

зация обязательного медицинского страхования в России такова, что населению зачастую приходится оплачивать даже те услуги, которые включены в Программу государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи.

Дефицит специалистов вынуждает людей обращаться в негосударственные медицинские учреждения и центры, и роль страховщика в таком случае для пациента сводится лишь к выдаче полисов ОМС. Так как никаких страховых функций страховые медицинские организации не осуществляют то, по сути, они являются региональной сетью Территориальных фондов ОМС по выдаче полисов и финансированию медицинских учреждений. В системе медицинского обслуживания обязательное медицинское страхование остается непонятной населению структурой.

Изучая современное состояние ОМС и ДМС в России, исследователи выделяют в качестве основной – *проблему нечеткого разделения систем ОМС и ДМС*, отмечая, что они «порой не имеют четких границ и частично конкурируют», что их сочетание «происходит в значительной степени стихийно». Основными факторами, вызывающими трудности в разграничении ОМС и ДМС, являются:

1) оказание медицинских услуг по ДМС в общем потоке больных (в стенах одних и тех же лечебных учреждений, одним и тем же лечебным персоналом, с использованием тех же ресурсов медицинской организации);

2) рост государственных расходов на медицинское обслуживание населения, введение новых пилотных программ, программ модернизации отечественного здравоохранения ведет к расширению сферы услуг по ОМС и, соответственно, требует постоянного пересмотра медицинских услуг по ДМС, в том числе в сторону сервисных услуг;

3) отсутствие нормативной базы, регулирующей формы и ценообразование в системе ДМС, что ведет к недостаточному уровню развития страховой инфраструктуры (в основном развитие коллективного страхования, и ограничение индивидуального страхования вследствие низкого платёжеспособного спроса населения);

4) отсутствие в малых городах на

рынке ДМС конкурентной среды в предоставлении отдельных («узких») медицинских услуг, что приводит к завышению стоимости данных услуг по ДМС исполнителями, пользуясь своим монополизмом на территории.

В добровольном медицинском страховании выделяются два вида: *коллективное и индивидуальное*. При коллективном ДМС страховые полисы приобретает работодатель, при индивидуальном ДМС – сам пациент. Объектом ДМС является страховой риск, который связан с затратами на оказание медицинской помощи при возникновении страхового случая. Основными элементами системы ДМС являются: 1) страховщик (страховая медицинская компания), 2) страхователь (юридическое или физическое лицо), 3) исполнитель медицинских услуг (учреждение здравоохранения), 4) договорные отношения между ними.

В юридической литературе до сих пор отсутствует понятийное определение договора добровольного медицинского страхования. Так, в статье Л.В. Герасименко раскрывается анализ соотношения страхового договора со смежными видами договоров, и делается вывод о самостоятельности договора добровольного медицинского страхования. Л.В. Герасименко выделены следующие основные юридические (общеправовые и специальные) признаки, которые определяют особенности данного вида договора [2, с. 82–83]: 1) *взаимность* договора страхования, согласно которой договор является взаимно обязывающим, взаимосогласованным и выражает взаимное волеизъявление страховщика и страховой компании; 2) *возмездность*, которая обеспечивает реализацию тех функций, которые призвано выполнять страхование; 3) *целевое* назначение страхования; 4) *непредсказуемость (случайность) событий*, составляющих страховой случай. В случае наступления события (которое должно быть обязательно согласовано сторонами), составляющего страховой случай, осуществляется медицинское страхование; 5) *рисковый характер* страхового договора. Это условие и особенность является определяющим для страхования, поскольку подчеркивает обязанность страховщика реализовать страховой интерес, но не обязанность страхователя выплачивать страховую пре-

мию; 6) вступление договора медицинского страхования в силу с момента уплаты страховой премии или первого ее взноса; 7) договор добровольного медицинского страхования относится к числу условных сделок, так как страхователь вправе требовать от страховщика возмещения убытков (уплаты страховой суммы) только с момента наступления страхового случая; 8) срочность договора страхования; 9) в условиях значительного дефицита кадров в медицинских организациях муниципальной сети оплата медицинских услуг по ДМС является механизмом компенсации низкой заработной платы медицинских работников.

Страхователи при ДМС, то есть те юридические лица и дееспособные физические лица, заключившие со страховщиками договоры страхования, имеют право:

- свободно выбирать страховую медицинскую организацию,
- осуществлять контроль за выполнением условий договора медицинского страхования,
- расширить перечень медицинских услуг или увеличить уровень страхового обеспечения, заключив дополнительное соглашение к договору страхования и уплатив при этом дополнительный страховой взнос (в период срока действия договора добровольного медицинского страхования),
- обращаться за лечебно-профилактической помощью в любое учреждение здравоохранения и к любому врачу специалисту, с которым подписан договор со страховой медицинской организацией.

Размеры страховых взносов на добровольное медицинское страхование устанавливаются по решению сторон. Тарифы на медицинские и иные услуги при добровольном медицинском страховании устанавливаются по соглашению между страховой медицинской организацией и предприятием, организацией, учреждением или лицом, предоставляющим эти услуги.

Страховыми медицинскими организациями выступают юридические лица, осуществляющие медицинское страхование и имеющие государственное разрешение (лицензию) на право заниматься медицинским страхованием, выдаваемой в установленном порядке Федеральной

службой страхового надзора. Страховые медицинские организации осуществляют свою деятельность в соответствии с ГК РФ и Законом РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 26.07.2017) «Об организации страхового дела в Российской Федерации». В статье Л.В. Труфановой, Е.А. Кирьяновой подробно представлены крупнейшие страховые компании за 2016 год – СОГАЗ, РЕСО-гарантия, Альянс Жизнь, АЛЬФА-страхование, РОСГОССТРАХ, ИНГОССТРАХ, Группа РЕ-НЕССАНС Страхование, ЖАСО, ВТБ Страхование [3, с. 51].

На данный момент ДМС существует в двух вариантах, которые схематически можно представить следующим образом [4, с. 292]:

1) страхователь (работодатель) – страховщик (страховая медицинская организация) – исполнитель и предпочтительный поставщик медицинских услуг (учреждение здравоохранения). Данный вариант отношений в России развит гораздо в большей мере. По статистике, сегодня почти 85 % всех взносов по ДМС уплачивается работодателями по корпоративным договорам страхования, то есть основным клиентом страховщика по ДМС пока является организация;

2) страхователь (гражданин) – страховщик (страховая медицинская организация) – исполнитель и предпочтительный поставщик медицинских услуг (учреждение здравоохранения). ДМС граждан развито не так сильно, прежде всего, из-за высокой стоимости услуги для населения. Дело в том, что с организациями страховщики работают по другим тарифам, поскольку за счет большого количества застрахованных убыточность корпоративных договоров значительно ниже, чем индивидуальных.

Медицинскую помощь в системе добровольного медицинского страхования, оказывают медицинские организации любой формы собственности, аккредитованные в установленном порядке и имеющие лицензии. Это могут быть как лечебно-профилактические учреждения, научно-исследовательские и медицинские институты, другие учреждения, оказывающие медицинскую помощь, так и лица, осуществляющие медицинскую деятельность индивидуально, либо коллективно. С юридической точки зрения, для учреждения здраво-

охранения добровольное медицинское страхование (ДМС) – это покупка его услуг юридическими лицами по договорам с ними. То есть это предпринимательская деятельность некоммерческой организации – муниципального учреждения здравоохранения.

Среди преимуществ добровольного медицинского страхования для российской системы здравоохранения можно отметить следующие моменты:

- ДМС удовлетворяет потребности платежеспособных граждан и работников платежеспособных предприятий, что позволяет государству направлять свои, как правило, весьма ограниченные финансовые ресурсы на предоставление медицинской помощи социально-незащищенным слоям населения;

- ДМС мобилизует, капитализирует личные средства (сбережения) граждан для инфраструктуры государственного и муниципального здравоохранения, что, в свою очередь, способствует внедрению новых технологий и повышению эффективности медицинской помощи, экономическому росту учреждений здравоохранения;

- ДМС позволяет более качественно планировать объемы и сроки финансирования учреждений здравоохранения на будущий период, так как обращения граждан в медицинские учреждения становятся более равномерными в связи с отсутствием зависимости получения медицинских услуг и наличием личных сбережений, которые граждане готовы потратить на данные услуги.

Основное преимущество добровольного медицинского страхования для медицинских учреждений и медперсонала – медицинские работники имеют право оказывать услуги по ДМС в основное рабочее время, т. е. без увеличения длительности рабочей смены, за счет этого могут получать более высокую заработную плату.

Среди преимуществ добровольного медицинского страхования для самих застрахованных:

- расширение потребительского выбора;

- отсутствие необходимости поиска производителей той или иной медицинской услуги и необходимости оплачивать ее из собственных средств;

- наличие более высокого сервиса в подразделениях, работающих в системе добровольного медицинского страхования;

- проведение сплошным методом экспертизы страховыми медицинскими организациями случаев лечения по ДМС (особенно в условиях стационара);

- повышение гарантий более высокого качества медицинской помощи.

В целом можно сказать, что ДМС должно являться одной из форм социальной защиты интересов населения в охране здоровья, обеспечивающей поддержание здоровья граждан путем оказания дополнительных медицинских услуг сверх базовой программы ОМС на добровольных началах.

Основным фактором развития ДМС является спрос населения на получение более качественных и дополнительных медицинских услуг, сверх того объема, который гарантирован в рамках обязательных страховых программ. Примечательны в этой связи работы исследователя А.А. Трегубовой, поскольку представляют собой попытки определить целевую группу потребителей услуг для ориентации страховщиков как основы при продвижении добровольного медицинского страхования среди населения. К основным детерминантам спроса на медицинские услуги исследователем с помощью дискриминантного анализа были отнесены: недавняя госпитализация, самооценка индивидом здоровья как плохой, наличие у него проблем со здоровьем, хронических заболеваний, профессиональная принадлежность к конторским служащим, профессионалам со средним специальным образованием, пол индивида, самооценка здоровья, длительность рабочей недели. К основным характеристикам потенциальных потребителей услуг ДМС, которые необходимо учитывать при продвижении этого страхового продукта, могут быть отнесены объективные и субъективные оценки состояния здоровья индивида, его профессиональная принадлежность, занятость, уровень образования [5, с. 82].

На сегодняшний день многими авторами отмечается низкий спрос со стороны частных клиентов, который обусловлен низкими доходами населения и высокой стоимостью полиса ДМС. Рентабельность

розничного ДМС находится на низком уровне, что приводит к установлению более высоких цен для частных клиентов, чем для корпоративных. Так как спрос отдельных клиентов невелик, то и предложение страховщиков соответствующее. Для физических лиц также существуют налоговые льготы – это налоговые вычеты на медицинское обслуживание и взносы по ДМС, однако об этом мало кто знает, существуют сложности с оформлением вычета, а получить его можно только после покупки полиса ДМС.

Одним из ограничителей роста развития добровольного медицинского страхования выступает планка платежеспособного спроса. По данным социологического исследования, проведенного исследователем А.М. Баженовым, те, кто готов приобрести полис ДМС, в среднем согласны за год потратить на него в два раза меньше, чем расходует на медицинское обслуживание на самом деле [6, с. 60].

Другим фактором, также препятствующим развитию системы добровольного медицинского страхования в России, является широкое распространение «неформальных платежей» (НП – оплата деньгами, производимая «в руки» медицинским работникам) как «теневой» способ проявления благодарности со стороны пациентов за получение медицинских услуг. Также под «неформальными платежами» понимаются расходы пациентов, связанные с приобретением лекарств и медицинских материалов для проведения амбулаторного или стационарного лечения.

Особенностью их является (в отличие от вознаграждения от пациента за медицинскую услугу, которое является добровольным актом со стороны пациента) то, что неформальные платежи являются результатом целенаправленных действий со стороны врача, который напрямую или опосредованно вынуждает пациента или его родственников к оплате тем или иным способом бесплатных медицинских услуг. И.П. Артюхов., К.А. Сенченко, А.Ю. Виноградов справедливо отмечают, что «в условиях существования развитых практик НП медицинские работники предпочитают продолжать использовать помещения и оборудование государственных медицинских учреждений для извлечения личных доходов, нежели предпринимать усилия по открытию

и развитию легальных частных медицинских практик» [7, с. 86].

Помимо вышеназванных факторов, определяющих особенности развития системы ДМС в России, В.В. Назарова называет также следующие [8, с. 169]:

- страховые компании превращаются в мощный инструмент финансирования лечебных учреждений, что приводит к созданию собственной медицинской инфраструктуры;

- низкая конкуренция на рынке лечебных учреждений приводит к росту цен на медицинские услуги, при этом прослеживается дефицит медицинских учреждений среднего класса;

- конфликт интересов страховых компаний и лечебных учреждений, вследствие завышения стоимости и количества оказанных услуг со стороны медицинских учреждений;

- в общей структуре ДМС преобладает доля лиц, имеющих высокий риск заболеваемости;

- недостаточный уровень культуры ДМС и недоверие к системе страхования;

- сохранение низкой удовлетворенности качеством оказания медицинской помощи в рамках ДМС;

- общей для всех участников медицинского страхования является проблема отсутствия единых законодательно установленных стандартом качества медицинской помощи.

В этом ее поддерживает исследователи И.С. Черепанова, А.М. Говоров [9, с. 50], которые конкретизируют, что несовершенство законодательной базы проявляется также в отсутствии специального федерального закона о ДМС, несоответствии между имеющимися законодательными документами – Федеральными законами РФ «Об обязательном медицинском страховании в РФ» и «Об организации страхового дела». А низкая страховая культура населения проявляется также в том, что граждане приобретают полисы ДМС не для того, чтобы обезопасить себя от непредвиденных затрат в случае наступления страхового случая, а чтобы «полечиться» за счет страховой компании. Это вынуждает большинство страховых компаний ограничивать или полностью исключать из своего страхового портфеля по ДМС страхователей —

физических лиц.

Несмотря на существующие проблемы в системе ДМС, исследователями [8, с. 168–169], раскрываются следующие положительные тенденции развития добровольного медицинского страхования в России за последние годы:

- *рост спроса на медицинские услуги, обусловленный как объективными (рост заболеваний среди населения), так и субъективными (стремление получить более качественную медицинскую помощь) факторами;*

- *ухудшения в государственной, формально бесплатной медицине, финансирование которой осуществляется через систему ОМС;*

- *невозможность практической реализации реформирования системы ОМС, недостаточность ее финансового обеспечения, приводящая к необходимости доплат, обуславливает восприятие потребителем системы ДМС как альтернативы платных услуг. ДМС является более выгодным способом получения услуг, так как включает в себя контроль качества лечения и объема оказанных услуг со стороны страховой компании и возможность получить услуги на сумму, превышающую оплаченную;*

- *постепенно меняется восприятие страховщика как посредника, основной задачей которого является осуществление платежей. Страховая компания начинает восприниматься как партнер, способствующий улучшению работы медицинского учреждения;*

- *рост социальной ответственности бизнеса – страхование сотрудников становится неотъемлемой частью компенсационного пакета в большом числе компаний. Стимулирование роста объемов ДМС связано с желанием потребителей, имеющих полис ДМС по месту работы, сохранить его при смене работы.*

В России при ограниченности бюджетных средств, выделяемых на охрану здоровья, и недостаточности средств обязательного медицинского страхования, добровольное медицинское страхование «вытесняется» различными формами оказания населению платных медицинских услуг, зачастую, теневого характера. В свете новых требований программы добровольного медицинского страхования, на взгляд ис-

следователей В.О. Щепина, В.П. Милякова, Г.Р. Бульхиной, должны конкурировать не с системой обязательного медицинского страхования, а с платными медицинскими услугами [10, с. 48]. Вследствие этого, полноценное развитие ДМС возможно только при развитии сферы легитимных платных услуг в медицинских организациях. Однако наряду с коммерческим интересом по развитию программ ДМС должна преследоваться целевая направленность добровольного медицинского страхования, вытекающая из общей государственной политики по профилактике, по принятию превентивных мер в предотвращении заболеваний и формировании национальной идеи здорового образа жизни. Принцип страхования здоровья в перспективе должен стать определяющей чертой ответственного медицинского страхования.

Ограничивает масштабы сотрудничества страховых компаний и лечебных учреждений конфликт интересов, связанный со стремлением медиков зависить стоимость и количество оказанных услуг. Страховщики отмечают, что медицинские учреждения иногда повышают цены несколько раз в год, из-за чего страховые компании вынуждены брать на себя дополнительные расходы, так как договоры со страхователями заключаются без учета повышения цен. При этом, по свидетельству многих страховщиков, качество лечения не улучшается, а иногда, наоборот, наблюдается явный регресс. Более того, желающих застраховаться по ДМС стало так много, что ряд клиник отказывается работать со страховыми компаниями, предпочитая осуществлять расчеты с пациентами напрямую, считая, видимо, контроль со стороны страховщиков слишком обременительным.

Наиболее критичный среди факторов, тормозящих развитие рынка добровольного медицинского страхования, – фактор легитимности, иными словами, проблемы с налоговым законодательством в этой сфере.

Одним из наиболее действенных механизмов стимулирования развития ДМС могло бы стать увеличение размера вычета из налогооблагаемой базы при расчете налога на прибыль на сумму страховых взносов, уплаченных по договорам ДМС. Также среди перспективных инструментов

налогового стимулирования специалисты отмечают освобождение от налогообложения средств, направляемых страховыми организациями на формирование резерва предупредительных мероприятий по ДМС, и освобождение от налогообложения доходов, полученных гражданами в виде оплаты страховой компанией санаторно-курортных путевок. В то время как решение многих проблем, сдерживающих развитие ДМС, – вопрос длительного времени, привнесение налогового законодательства в сфере медицинского страхования в соответствие с современными потребностями экономики позволило бы дать значительный

импульс развитию ДМС в очень короткие сроки.

Краткий обзор состояния института ДМС показал, что данная сфера страхования требует изменений. Можно выделить три наиболее важных стратегии поддержки развития ДМС: 1) четкое разделение систем ОМС и ДМС; 2) обновление продуктовой линейки и стандартизация договоров ДМС; 3) упрощение применения налоговых льгот. Конечно, маловероятно, что это вопрос ближайшего будущего, но решение указанных проблем позволит дать значительный импульс развитию ДМС.

Библиографический список

1. Шарифьянова З.Ф., Минигазилова Л.Ф., Мухаметьянова Л.Р. Добровольное медицинское страхование (ДМС) и обязательное медицинское страхование (ОМС): сравнительный анализ // Инновационная наука. 2016. № 1–5 (17). С. 198–201.
2. Герасименко Л.В. Понятие и особенности договора добровольного медицинского страхования // Общество и право. 2010. № 2. С. 81–85.
3. Труфанова Л.В., Кирьянова Е.А. Актуальные проблемы развития добровольного медицинского страхования в России // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 21s (38s). С. 50–52.
4. Савинова Е.И. Правовое регулирование финансового обеспечения деятельности учреждений здравоохранения за счет средств добровольного медицинского страхования // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 4. С. 291–296.
5. Трегубова А.А. Определение целевой группы потребителей услуг добровольного медицинского страхования с помощью дискриминантного анализа // Учет и статистика. 2009. № 16. С. 77–82.
6. Баженов А.М. Добровольное медицинское страхование в России, состояние и пути развития // Сибирский медицинский журнал. 2008. Т. 77. № 2. С. 60–61.
7. Артюхов И.П., Сенченко К.А., Виноградов А.Ю. Отношение врачей к «неформальным» платежам // Сибирское медицинское обозрение. 2009. Т. 50. № 2. С. 85–88.
8. Назарова В.В. Определение факторов конкурентоспособности программ добровольного медицинского страхования // Актуальные проблемы современной науки. 2011. № 2–17. С. 163–171.
9. Черепанова И.С., Говоров А.М. Добровольное медицинское страхование в Российской Федерации: опыт развития и перспективы оказания качественных медицинских услуг // Вестник Росздравнадзора. 2010. № 51. С. 50–52.
10. Щепин В.О., Миляков В.П., Бульхина Г.Р. Перспективы добровольного медицинского страхования в свете новой законодательной базы российского здравоохранения // Российская академия медицинских наук. 2012. № 3. С. 48.

References

1. Sharifyanova Z.F., Minigazimova L.F., Mukhamet'yanova L.R. *Voluntary Medical Insurance (VMI) and Compulsory Medical Insurance (MHI): A Comparative Analysis*. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science]. 2016, no. 1–5 (17), pp. 198–201. (In.Russian)
2. Gerasimenko L.V. *Concept and Features of the Contract of Voluntary Medical Insurance*. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law]. 2010, no. 2, pp. 81–85. (In.Russian)
3. Trufanova L.V., Kiryanova E.A. *Topical Issues of Development of Voluntary Medical Insurance in Russia*. *Tsentrallyy nauchnyy vestnik* [The Central Scientific Bulletin]. 2017, vol. 2, no. 21s (38s), pp. 50–52. (In.Russian)
4. Savinova E.I. *Legal Regulation of Financial Support for Health Care Institutions Covered by Funds of Voluntary Medical Insurance*. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennom obschestve*. [Law and Order in Modern Society]. 2011, no. 4, pp. 291–296. (In.Russian)
5. Tregubova A.A. *Determination of the Target Group of Consumers of Voluntary Health Insurance Services Using Discriminant Analysis*. *Uchet i statistika*

ка. [Accounting and Statistics]. 2009, no. 16, pp. 77–82. (In.Russian)

6. Bazhenov A.M. *Voluntary Medical Insurance in Russia, Condition and Ways of Development*. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal* [Siberian Medical Journal]. 2008, vol. 77, no 2, pp. 60–61. (In.Russian)

7. Artyukhov IP, Senchenko KA, Vinogradov A.Yu. *Doctors' Attitude to "Informal" Payments*. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie* [Siberian Medical Review]. 2009, vol.50, no. 2, pp. 85–88. (In.Russian)

8. Nazarova V.V. *Determining the Factors of Competitiveness of Voluntary Health Insurance Programs*. *Aktualnyie problemyi sovremennoy nauki* [Topical Issues of Modern Science]. 2011, no. 2–17,

pp. 163–171. (In.Russian)

9. Cherepanov I.S. Govorov A.M. *Voluntary Medical Insurance in the Russian Federation: Development and Prospects of High-Quality Healthcare Delivery*. *Bulletin of Roszdravnadzor* [Bulletin of Federal Service on Surveillance in Healthcare and Social Development of Russian Federation]. 2010, no. s1, pp. 50–52. (In.Russian)

10. Schepin V.O., Milyakov VP, Bulkina G.R. *Prospects for Voluntary Medical Insurance in the Light of the New Legislative Framework of Russian Public Health*. *Rossiyskaya akademiya meditsinskih nauk* [Russian Academy of Medical Sciences]. 2012, no. 3, p. 48.

Сведения об авторе

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: kopalkina2017@list.ru

Критерии авторства

Копалкина Е.Г. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила 27.11.2017 г.

Author's Credentials

Kopalkina Evgenia Gennadievna, candidate of philosophical sciences, associate professor of sociology and psychology department of Irkutsk national research technical university, e-mail: kopalkina2017@list.ru

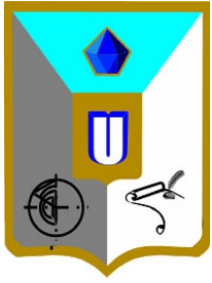
Criteria for Authorship

Kopalkina E.G. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Received 11 November 2017

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Сетевое издание

Том 2, № 4 2017

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

SOTSIA@COM

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»